

АЛЕКСАНДР ЦЗИ

ПОГАНСКО ПОЛЕ

Олесь Панов соглашается поучаствовать в научном эксперименте за деньги и внезапно оказывается в Вечной Сибири — странном месте, где живут люди, которые считают, что окружены бесконечным аномальным Поганым полем. Сибирейцы поголовно чипированы и живут ради “рейтинга”, который определяет их судьбу. Олесь вынужден выбрать: принять условия игры и жить, как все, или же попытаться прорваться через Поганое поле, наполненное ожившими кошмарами, и вернуться домой.

Поганое поле 4. Война

Глава 1. Шаманка

Шаман вытянул руки и выронил посох, упавший в бурлящую воду, меховая накидка соскользнула с плеч, и маска свалилась следом сама собой.

И я увидел вовсе не дряхлого старика, а молодую вроде бы женщину, все нагое мускулистое тело которой было разукрашено синими, желтыми и алыми геометрическими фигурами. Знаками. На спине алел Знак с пятью остриями. Волосы у нее были снежно-белого цвета, и я сразу понял, что она не блондинка — она просто седая.

Она оглянулась через плечо — совсем как Пустая в реке. Лицо с высокими скулами, раскосыми темными глазами и белыми бровями не было похоже на облик Киры ни на йоту. Радужные линии покрывали и лицо шаманки, причем, как ни странно, дождь не в силах был смыть этот дикий раскрас.

Я не мог понять, сколько лет этой женщине: двадцать с небольшим или далеко за сто. Лицо без мимических морщин, гладкое, мокрое от дождя, невозмутимое, как у изваяния. Фигура подкачанной модели с мощными ягодицами и длинными мускулистыми ногами. Темную кожу, то ли загорелую, то ли смуглую от природы, покрывали цветные росписи, сбивая с толку.

Шаманка улыбнулась — улыбка получилась хищной.

— Вот и встретились, — произнесла она низким, гортанным голосом, — ведун...

Я остановился на краю круга, образованного десятью одоспешенными воинами. На них, кстати, были еще и лицевые щитки — ничего не видать, кроме вытарщенных бессмысленных глаз. И таращились воины прямо перед собой, а не на меня. Что-то в их В-ауре показалось мне странным, но я не стал присматриваться — некогда.

— Вы кто такие? — рявкнул я, отмечая, что отчего-то не спешу подключать волшбу. Не то чтобы ее во мне заблокировали, просто не хотелось и все. — Чего вам надо?

Шаманка развернулась ко мне передом, не обращая внимания на проливной дождь, омывающий ее смуглое татуированное тело. Из-за разноцветных полос и геометрических узоров оно казалось затянутым в пестрый комбинезон. Между крупными грудями на просмоленной веревке висел причудливый оберег (или амулет?), на кистях и лодыжках красовались серебристые, под цвет волос, браслеты.

Выглядела эта дама экзотично.

И это еще слабо сказано.

— Сам не догадался? — усмехнулась она.

— Ты — колдунья, как-то управляешь Пустыми и морочишь мне голову вместо того, чтобы человеческим языком сказать, чего тебе... чего вам всем надо.

Пока произносил эту фразу, легонько просканировал неподвижных, как манекены, воинов. Неживые, как Ива, — вот какое впечатление они создавали. Но при этом отличались от Ивы. Я не смог бы внятно описать, чем и как.

— Прежде чем что-либо услышать, человек должен быть полностью к этому готов.

— Я готов, — сказал я, начиная чувствовать злость. Чего это голая амазонка тратит мое время?

— Да? — приподняла она белые брови над черными глазами. — Ну, это мы проверим. И не пытайся использовать волшбу!

Она все-таки блокирует мои магические способности, догадался я. И делает это очень

тонко — я считаю, что сам не хочу их применять. Если попытаюсь, вряд ли получится.

Или получится?

Шаманка махнула рукой воинам и отвернулась, взирая на неподвижный и безлюдный драккар у берега.

И тут два ближайших ко мне воина выхватили из ножен короткие прямые мечи с односторонней заточкой, бросились на меня. Я отскочил, автоматическим движением выдергивая шпагу из ножен одной рукой и “гришана” — другой. Эх, надо было прихватить огнестрельное оружие...

Поначалу почудилось, что воины бьют не в полную силу, а как бы прощупывают мою оборону. Я ухитрился отбить несколько слабых ударов и мысленно приказал:

“Включить боевой режим!”

Нейрочип мгновенно отозвался:

ВКЛЮЧЕН БОЕВОЙ РЕЖИМ

Что ж, поиграем в эти игры. Но недолго. Двое на одного — уже нечестно, так что у меня есть моральное право шарахнуть всех их чем-нибудь покрепче шпаги. Не уверен, что получится применить волшебку, но я попытаюсь.

Шум и плеск ливня сразу снизили тональность, капли дождя замедлились прямо во влажном сером воздухе, полетели неспешно, как микроскопические воздушные шарики. Воины разом стали неповоротливыми и замедленными.

Я обрушил на них бешеные удары. Шпагой отбил вялые попытки пробить мою оборону, а потом лупил уже кулаками, в которых было зажато оружие. Не желал сильно ранить этих странных людей — или повреждать, если это нечто вроде симботов. Пинками и ударами кулаков я повалил одного воина в лужу, а другого дернул в сторону так, что он перекувыркнулся через голову. Он еще летел по воздуху, когда я добавил ему затрещину нижней частью ладони, буквально вбив воина в залитый водой тротуар. Силушка во мне бурлила богатырская. Я будто не с воинами, а детишками пятилетними дрался.

— Неплохо, — одобрила шаманка, обернувшись. За боем она не следила — по крайней мере, совсем на меня не смотрела. Возможно, у нее были другие способы наблюдать за тем, что творилось у нее за спиной. Словом, она не то рисовалась, стоя ко мне спиной, не то демонстрировала свои накачанные ягодички.

Или Знак на спине.

— Силы в тебе немерено, — отметила она. — Но техника неважная. Тебе бы у хорошего учителя поучиться владеть своим большим медвежьим телом...

— У меня был учитель... бокса, — хмыкнул я, разгоряченный схваткой.

Не знаю, зачем я это сказал. Какая разница? К тому же Виталий Михайлович Фолы существовал в виртуальном мире. Навыки, правда, остались, однако бокс не слишком пригождается, когда дерешься с несколькими вооруженными противниками, а у самого тебя в руках холодное оружие и в извилинах — нейрочип и допарты. Просто стало обидно за старого тренера, память о котором осталась жива.

Шаманка прищурилась и утробно хохотнула.

— Да? Ну надо же!.. Хотя неважно. — Она внезапно возвысила голос: — Еще!

Пока я избивал двух воинов, остальные не шелохнулись. И правда, симботы. Но какие-то слабые. Или намеренно не применяют всю свою дурь.

Помятые воины слабо ворочались на земле, и на меня пошла вторая пара. Этак они меня загоняют. М-да, дело серьезное.

— Предупреждаю, — сказал я. — Буду бить в полную силу! Могут быть жертвы.

— Не стесняйся, — ухмыльнулась шаманка и снова отвернулась.

Вот стерва, подумал я и, не дожидаясь атаки со стороны противника, бросился на них сам. С ходу, используя скорость, подаренную нейрочипом, ушатал ближайшего врага, он рухнул, а я в темпе обогнул его и вступил в короткую дуэль на клинках со вторым.

— Еще! — крикнула шаманка басом.

Третья пара выхватила мечи и неспешно (для меня в состоянии боевого режима) побежали на меня.

— Буду бить насмерть! — заорал я.

Почему-то не было желания убивать этих молчаливых и бесстрастных парней — если это люди, конечно. Несмотря на всю эту свалку, таинственная голая шаманка не проявляла ни гнева, ни ненависти. Она будто забавлялась. Причем делала это не забавы ради, а для какой-то цели.

— Говорю тебе, — мягко сказала шаманка, — не сдерживай себя.

Это не было похоже на извечную фразу: “А ты попробуй!” Или: “Поглядим, как у тебя получится!” Никакой запальчивости или провокации — лишь мягкое напоминание об условиях боя.

Я ранил своего соперника в плечо, в щель между кожаными пластинами доспехов. Кажется, на клинке зарозовела кровь, прежде чем ее смыл дождь. Так это не биоботы?

Раненый и не думал отступать, наседая с тем же тупым упрямством. К нему не подмогу спешили еще двое.

Ну ладно, подумал я, вздохнув. Сами нарвались. Я ударил шпагой в шею раненого, дождался, пока ко мне приблизится вторая парочка, и проткнул им глотки. Когда я занялся третьим, первый и второй только-только повалились на набережную. Двигался я как ураган, хотя и не вполне осознавал это.

— ЕЩЕ! — проревела шаманка, не сдвигаясь с места.

Я слышал ее слова немного иначе, находясь в ускоренном режиме, они звучали низко и растянуто, но мозг как-то привык трансформировать искаженные нейрочипом сигналы из внешнего мира в привычный вид. Где-то я слышал, что если надеть очки, переворачивающие картинку вверх тормашками, то человек первое время будет вести себя как пьяный, а потом ничего, привыкнет. Картинка и без очков, в норме у всех людей, проецируется на сетчатку вверх ногами, между прочим, но никто этого не замечает. Мозг творит чудеса. То же касается и слуха, вероятно.

Буйная баба, сделал я вывод, уж и до тебя доберемся...

Прежде чем очередная пара сократила дистанцию, я резко выдвинулся вперед и угостил одного из воинов прямым ударом ногой, от которого тот улетел спиной вперед и рухнул на набережную. Я отбежал на несколько шагов, чтобы не дать напасть на себя сзади остальным. Остальные, правда, и не собирались ничего подобного предпринимать. Трое были определенно мертвы, под ними в лужах расплывалась кровь. Но было этой крови как-то маловато — видимо, я не попал в артерию. Кое-кто оставался живым, но потерял боеспособность. Оставшаяся в целостности пара стояла на прежних местах, не проявляя к битве никакого интереса.

Кажется, все же хватит маяться дурью.

Я ослабилась и нанес удар из всех Знаков, не выходя из боевого режима. Раньше такой трюк не проворачивал, поэтому не знал, как это бывает. А произошло все странно: волшба

никак не проявилась, будто и не было ее вовсе, да и воины никак не впечатлились. Наоборот, они скопом накинулись на меня, и в последующие несколько долгих минут я был очень занят.

БОЕВОЙ РЕЖИМ ОТКЛЮЧЕН

“Как некстати!” — подумал я злобно. Моя “батарея” подседа из-за чересчур энергичного расхода. Вот нейрочип и вырубил энергозатратный режим.

Воины сразу ускорились. В какой-то момент меня ранили в плечо — полоснули клинком. Я не сразу почувствовал боль, а когда она до меня дошла, разозлился еще пуще.

Шаманка, по-прежнему стоявшая безучастно в сторонке, запрокинула лицо под ливень и гортанно рассмеялась.

Грянул выстрел. Он был похож на раскат грома, но прозвучал очень уж близко и коротко. Затем выстрелили еще раз. Сначала один из воинов, наседавших на меня, упал на землю, затем второй. Остальные отступили, выжидая. В нагрудных доспехах упавших появились отверстия от пуль. Кожаные пластины рассчитаны на холодное оружие, а не огнестрельное, длинноствольное и нарезное.

Я тоже отступил, вертя головой. К нам приближались Ива с Витькой, оба держали автоматы. Ива нечеловечески точным движением переключила оружие с одиночных выстрелов на очереди и прицелилась в шаманку.

— Отставить балаган! — крикнул Витька. Прозвучало это внушительно, хоть и было произнесено слегка ломающимся мальчишеским голосом.

— Убери своих людей, — велела Ива, — или я убереу тебя.

“Это Ива выстрелила в воинов? — подумал я. — Выходит, умбот может убивать людей? А как же три закона робототехники? Или у россов таких законов нет?”

Шаманка хрипло хихикнула, помолчала; по ее каменному лицу невозможно было понять, о чем она думает. Затем она вздохнула, мотнула белой гривой.

И тут случилось странное и удивительное. “Убитые” и окровавленные воины медленно, неловкими движениями начали подниматься на ноги. Как зомби, чтоб их. Раненые явно не ощущали боли — или блокировали ее в ноль. Двигались затрудненно, но мне почудилось, что они быстро восстановятся. Но как же кровь?

Вскоре все воины, включая зарезанных, избитых и застреленных, снова выстроились в круг как ни в чем не бывало. Кое у кого все еще текла кровь и собиралась в лужицы под ногами, но это никого не парило.

Я переводил взгляд с воинов на шаманку, а с шаманки на моих спутников, остановившихся в пяти-шести шагах от меня.

Ива стреляла не на поражение, догадался я. Умбот не станет убивать просто так, без санкции всех иерархов-изъявителей Росса, поэтому Ива и сказала “убереу” вместо “убью”. Но все же ранила — и будь на месте этих истуканов настоящие живые люди, это ранение не позволило бы им даже сидеть, не то что стоять. А вот я действительно под конец перестал “стесняться” и бил на поражение. Вот только толку от этого?

— Олесь, зачаруй ее! — крикнул Витька. — Чего тянешь? И спроси, что ей надо!

С некоторым внутренним сопротивлением, причины которого были мне непонятны, я во второй раз активировал Знаки подавления воли, включая могучий Знак Вечной Сибири. В сознании вспыхнул другой Знак — пятизубчатая корона — и сразу погас. Зато возникла уверенность, что сила моей волшбы попросту не пробивается через некий невидимый заслон.

Я вперился взглядом в смуглую разрисованную спину шаманки, где алел этот таинственный Знак. Не зря эта бабища стоит ко мне спиной, демонстрируя Знак, ох, не зря...

Витька выстрелил, взяв чуть выше головы шаманки. Она не вздрогнула, но чуть повернула голову и нахмурила белесые брови.

— Повернись лицом! — заорал пацан. — Или убью!

А вот он уже не цацкался.

Шаманка не спеша развернулась и ухмыльнулась.

— Хочешь на меня спереди взглянуть, малыш? — проворковала она низким голосом. —

Ну, и как тебе?

— Сдались мне твои раскрашенные сисяндры, — неуважительно буркнул Витька, не опуская оружие. Дождь стекал по его волосам, и он смаргивал капли с ресниц. — На твоей спине Знак!

Я догадался, отчего он так окрысился. Этот самый Знак мерещился ему в видениях на фоне какого-то жуткого треща: крови и груды мертвых тел.

Шаманка вытянула руки, любовно погладила себя по мокрым предплечьям, улыбнулась.

— Не один Знак, а много Знаков... — пропела она своим мужеподобным голосищем и вскинула на меня черные глаза. — Благодарю тебя, воин, что достойно прошел испытание. Без этого было никак.

— Да ты что? — сказал я.

Собственно, я на нее не сердился, хотя болела рана на плече. Во мне была твердая уверенность, что эта потасовка была необходима и что она завершена. Больше никто нападать не будет. И что я при всем желании ничего этой бабе сделать не сумею...

Два воина, опять-таки без малейшего жеста со стороны шаманки, наклонились, подняли меховой прикид и набросили на плечи разрисованной дамы. Третий воин подобрал из лужи деревянную маску, но не подал хозяйке, а просто держал в руках.

Вероятно, зловещее “Еще!” она выкрикивала вслух для меня, а не своих солдат. Те ей подчинялись по телепатической связи. Она хотела произвести на меня впечатление, утратить, заставить отступить.

Шаманка поправила на своих мощных плечах шубу, не пытаясь особо прикрыться. Нагота смущала ее не более, чем дикого зверя. Смазанная жиром шерсть отталкивала влагу, как оперение утки. Я лишь сейчас обратил внимание, что и ее белые волосы смазаны жиром или чем-то подобным.

— О каком испытании речь? Зачем тебе это? Чтобы узнать, как я управлюсь с твоими биоботами?

“Нет, — подсказал мысленный голос, — чтобы выяснить, на что ты способен и какие у тебя допарты. Ты же их всех активировал? Теперь она знает”.

Шаманка заморгала белесыми ресницами вокруг черных глаз. Кажется, я ухитрился сбить ее с толку своим вопросом.

— Какими-такими биоботами? Это не биоботы, а люди... Мои люди. Только они немного заколдованные...

И она чуть кокетливо ухмыльнулась.

Она говорит на тру-ру, сообразил я. И не понимает терминов Росса.

— Чего тебе надо? — снова спросил я. — Говори быстро, у нас нет времени.

— Дождик идет, куда ж вы спешите в непогоду? — игриво спросила шаманка.

— ...нет времени разговаривать с разными неизвестными психами, — уточнил я.

Как до этого во мне поселилась уверенность, что шаманка не держит на меня никакого зла, так и сейчас пробудилось ощущение, что ее игривость нарочитая. Она ответит на вопросы, пусть и не все, но сперва повыпендривается от скуки или еще по какой-то причине.

— Неизвестными? — сказала шаманка. — Ну, так я представлюсь. Меня зовут Виталина Михайловна Фольц.

Я ошарашенно уставился на нее. Она мысли читает? Издевается?

Ливень слегка ослаб — или я к нему привык. Одежда давно промокла насквозь, волосы облепили череп, борода и усы превратились черт-те во что. Ива и Витька тоже выглядели так, словно искупались в реке прямо в одежде. Иве, впрочем, это даже шло, чего не скажешь о Витьке. По набережной текли вспененные потоки и стекали в реку, которая набухла на глазах. Драккар, покачивающийся на волнах, поднимался над нами, как сказочное чудовище.

Я сунул шпагу и “гришана” в ножны, подошел, шлепая по воде, к шаманке, невзирая на застывших воинов. Их мутные взгляды в прорезях были обращены куда-то в пространство. Подойдя вплотную, я с некоторым удивлением обнаружил, что она все же немного ниже меня. До этого казалось, что она ростом с самку горного тролля. У страха глаза велики...

Шаманка встретила меня легкой улыбкой на смуглом раскрашенном лице.

— Виталина Михайловна Фольц? — переспросил я. — Это как понимать?

— Что тут понимать-то, ведун? Так меня с рождения зовут.

— Ты читаешь мысли?

— Уж чего-чего, а такими способностями не располагаю. Вот была бы морока: слушать всю ту ерунду, что люди думают!

— Я знаю это имя, — растерянно пробормотал я. — Так звали одного моего знакомого... Того самого тренера по боксу. А сейчас вы... ты снова будто меня тренируешь!

— Испытываю, а не тренирую, — поправила шаманка Виталина Михайловна.

Разговор принимал странный оборот. Витька не слышал, о чем мы говорим, но Ива с ее усиленными сенсорными опциями наверняка разбирала каждое слово. Оба они стояли настороже, не зная, как поступить.

— И тот мир был вымышленным... — продолжал я больше для себя, чем для собеседницы. — Как такое может быть?

— Значит, тот мир не был вымышленным, — хмыкнула шаманка. — Может, вымышленный как раз таки наш мир, а не какой-нибудь другой?

Я воззрился на нее с диким видом. Все эти рассуждения о том, какой мир настоящий, а какой нет, сводил с ума. Недавно вроде бы пришли к определенному выводу, как вдруг снова сомнения...

Если Скучный мир вместе с Фольцем наведен Единым, то некоторые имена он мог спереть из мира реального, то есть из Поганого поля...

Какое-никакое объяснение.

Я потряс головой, брызнув каплями.

— Кто ты?

— Я — Хранитель Знака Лапы Дьявола и Повелительница Поганого поля, — не стал юлить шаманка и, заметив выражение моего лица, добавила: — Насчет Повелительницы не принимай за чистую монету. Это титул и ничего больше. Тот, кто хранит Знак, автоматически считается Повелителем, хоть ничем и не повелевает.

— Что делает этот Знак?

— Правильные вопросы задаешь, ведун, — одобрила шаманка. — Этот Знак останавливает магию.

“Поэтому Знаки-то и не сработали!” — смекнул я.

— Выходит, этот твой Знак сильнее всех остальных?

— А твоя шпага сильнее всех остальных шпаг? Знаки — всего лишь орудие. Все зависит от силы, мотивации и мастерства применяющего их.

Шаманка снова кокетливо повела плечом.

— Нужно, чтобы одежда не мешала Знаку работать... Таков мой метод. У каждого свой подход, знаешь ли. Моя миссия, как Хранителя, — остановить Дьявола его же лапой. Остановить Единого.

Я пробормотал:

— Слышали о таком...

— Вот и прекрасно. Не придется долго рассказывать. Кстати, дождик заканчивается, правда?

Я мельком глянул наверх. Ливень заметно ослаб, сейчас капал мелкий дождь, но тучи не спешили разбежаться, хотя посветлело. В Поганом поле грозы мощные и затяжные. Глядишь, скоро снова ливанет.

— Ты видела его? Видела Единого?

— Его низшие ипостаси мы все когда-нибудь да видели. Всех этих Уродов да Големов с Лего. Бегают ночью, твари мерзкие. А высших не встречала ни разу за всю жизнь.

А вот я встречал Пятерых, мысленно ответил я. И одного из них не узнал... Кем был тот парень в капюшоне, до сих пор неизвестно.

— Как ты его остановишь, если не знаешь, кто это?

— Северные легенды передаются из уст в уста много поколений. И говорят о том, что Единый до сих пор так и не смог овладеть всем нашим светом. Чудовища бродят лишь по ночам, верно? Днем этот мир принадлежит его законным обитателям, а не пришельцам из иных измерений. Но когда появится его Единая Ипостась, тогда он войдет в полную мощь и проберется в этот мир целиком.

— И тогда миру хана, — добавил я задумчиво. — Что это за Ипостась?

— Человек, способный вместить чуждое сознание, — пожала плечами шаманка. — Или зверь. Легенды об этом не сказывают. И когда появится эта Ипостась, неизвестно. Вот мы, Хранители, и ждем его из века в век.

Позади неслышно подошли Ива и Витька. Они больше не осторожничали, видя, как мы запросто с шаманкой беседуем. Витька, впрочем, ствол не опустил, а Ива опустила. Но у нее в распоряжении сверхскорость — надо будет, поднимет быстрее, чем мы моргнем.

— Зачем я тебе сдался?

— Я тебя почувяла, когда ты так далеко на север забрался, — охотно сказала шаманка. — Срочно выступила на этом корабле с командой Защитников, — она кивнула на свой отряд. — Очень хорошие заколдованные воины, между прочим. Мысли командира, то есть меня, понимают, любые команды выполняют, боли не чувствуют, смерти не страшатся. Я, кстати, им не велела на тебя шибко наседать... Так о чем это я? Выступить — выступили, а тебя потеряли вблизи от Вечной Сибири. Мое чутье магия Председателя заглушила... Она у него больно сильная, Погань отпугивает и чужой магии не дает в полной мере вершиться.

Да, вспомнилось мне, они проплыли мимо, пока мы с Витькой сидели в кустах. Вот мы и разминулись.

— Потом магия Вечной Сибири вдруг ослабла, — продолжила шаманка, — и я поняла, где тебя искать. Здесь, в старом городе.

Это потому что умер Председатель, снова сделал я вывод.

Виталина Михайловна поправила лохматую шубку на внушительной раскрашенной груди и тыкнула меня пальцем в живот.

— Ты — один из тех, кто может и должен стать Хранителем Лапы Дьявола после меня.

— После вас? А вы собрались на пенсию?

Шаманка зычно хохотнула.

— Я старше, чем кажусь, ведун! Намного старше. Я своего третьего сына родила, когда отец нынешнего Председателя Кирсанова в коротких штанишках бегал!

Я в шоке уставился на нее. Прикалывается? Преувеличивает? Нет, вроде говорит на полном серьезе.

Между тем Виталина Михайловна спросила:

— Знаки обычно действуют двойко, заметил? Лапа Дьявола дарит длинную жизнь... но не бесконечную. Поэтому мне нужен преемник.

Я промолчал, но подумал про Знак и, соответственно, допарт Дольмена. Кроме способности проходить через дольмен в другой мир Знак дарил странную возможность развивать мускулатуру в невероятном темпе. Знак Вечной Сибири зомбировал людей, объединяя их в эгрегор, и в то же время отпугивает Погань.

При воспоминании о полученном от Председателя Знаке, я пробормотал:

— В последнее время все во мне видят преемника и хотят передать мне полномочия...

— И это не случайность, ибо случайность есть закономерность, чьих причин и условий мы не понимаем, — внезапно выдала шаманка. В ее речи странным образом уживались две манеры разговаривать: вполне современная, “тру-рушная”, и стариковская. Шаманка будто бы иногда слегка теряла мысль, что свойственно в первую очередь пожилым людям. — Так сказано в заветах Прародителей.

— Каких Прародителей?

— наших. Тех, кто возложил на нас эту миссию.

После короткой паузы я уточнил:

— Значит, вы уходите на пенсию, а я должен сдерживать Единого?

— И ждать его Главную Ипостась, — кивнула Виталина Михайловна. — Как я искала тебя и испытывала в этом бою, так и он ищет и испытывает своего носителя. Когда Единый войдет в человеческое тело, способное вместить его разум, тогда Единого можно будет истребить с концами. В момент своего триумфа он будет наиболее уязвим. Но ненадолго.

— И я могу всю свою жизнь... очень долгую жизнь ждать эту Ипостась и не дожидаться? А потом просто найти преемника, передать ему Знак и удалиться на покой, как вы?

По сути, неплохая перспектива. Сила есть, магия есть, теперь еще и вечная молодость предлагается.

Шаманка усмехнулась.

— Ждать придется недолго. Погань зашевелилась. Вы не заметили? Уж и на рассвете рыскает и в сумерках. Раньше она малейшего света боялась. Это означает, что Единый совсем близко во всей красе. Скоро Поганое поле запылывает в огне войны, ведун. Войны между людьми и нелюдьми. Я чувствую, как силы меня покидают, вот и спешу.

— А если я откажусь?

— Придется другого искать, — равнодушно сказала шаманка. — Боюсь, не успею.

Таких, как ты, мало.

Я был с одной стороны польщен, а с другой — встревожен.

Вмешался Витька, стоявший позади меня:

— Не верь ей, Олесь! Она все врет! Северяне несут смерть и кровь!

Прозвучало пафосно и совсем не в стиле Витьки, но я понял, отчего он вдруг так заговорил. Это он о своих видениях. В них северяне под знаменем со Знаком Лапы Дьявола действительно несли кровь и смерть. Витьке мерещились горы трупов, а он стоял среди всего этого ужаса. И я был рядом, дикий, волосатый и татуированный с ног до головы, как Отщепенец, или вот эта шаманка...

Я немного повернул к Витьке голову, показав, что слышу, и снова обратился к шаманке:

— Это ты привиделась мне ночью в реке?

— Я.

— Зачем?

— Твое магическое чутье проверяла.

— Ты и раньше мне являлась?

— Было такое. Я тебя давно ищу. Но тогда не вышло установить полноценный контакт.

Нашупала что-то вроде, а потом связь оборвалась.

Я крякнул и спросил:

— А почему ты всегда голая?

— Так работает моя магия, — улыбнулась шаманка. — Знаки должны быть видны всем.

— Мне тоже придется раздеваться? — не без некоторого смущения поинтересовался я.

Представилось, как на меня нападают враги, а я такой: “Погодите-ка, ребята! Я ща!” — и снимаю трусы. Вот смеху-то будет! Враги надорвут животики, и волшебку применять не придется.

Витька опять влез в разговор:

— Олесь, лучше уйдем! Она тебя морочит!

Шаманка, проигнорировав шкета и не спуская с меня черных глаз, сказала:

— У тебя может быть свой подход. Захочешь раздеться — разденешься, не захочешь — не разденешься. Но без одежды, скажу я тебе, магия работает лучше.

Я сменил тему:

— Ты меня сейчас испытывала на храбрость и боевые навыки?

— Нет, на милосердие. Это важнее храбрости и боевых способностей. Врага в капусту покрошить каждый дурень сумеет, если сила и дух есть, а вот помиловать, когда в твоих силах убивать... А ты не спешил моих Защитников бить насмерть...

“Ты не видела, что я сделал с Админом”, — чуть было не брякнул я.

Вместо этого сказал:

— Предлагаешь помиловать Единого?

— Я ж говорю: она врет, — звонко сказал Витька. — Никакой логики!

Шаманка во второй раз пропустила его слова мимо ушей. Она не опускалась до препираний с посторонними лицами. Ее интересовал только потенциальный преемник ее миссии, возложенной Прародителями:

— Это уж сам решишь... — сказала она мне. — Когда Единого лицом к лицу встретишь.

Еще ведь неизвестно, чье лицо он наденет.

Скорее всего, известно, подумал я. Это Борис Огнепокклонник, черт бешеный. Он и есть Главная Ипостась Единого. Эх, надо было добить гада!

Неожиданно в голове возникло предположение: а если это не Борис, а кто-то другой? Например, его родная сестра Кира, которая мне очень дорога?

Мне придется убить Киру, чтобы уничтожить этого многомерного демона из других миров?

Нет, вряд ли состоится такое западло. Это Борис, больше некому. Он являлся мне ночью по дороге в Вечную Сиберию, управлял Поганью, владел какими-то магическими силами. А Кира тут вообще ни при чем.

Шаманка спросила:

— Итак, примешь Знак?

— Мне придется жить на севере? — на всякий случай уточнил я.

— Живи, где хочешь. Но на севере — твой дом. Армия из Защитников будет тебя ждать там.

— Олесь, да что с тобой?! — возмутился Витька и дернул меня за рукав. — Знаками так просто не разбрасываются! С чего ей тебе отдавать такую волшбу?

Я заколебался. Витька прав. Кирсанов передал мне Знак, чтобы я заступил на его место и продолжил его дело: отгонять Погань и гнобить свой народ. У него, старого умирающего человека, не было выбора.

А шаманка, хоть и говорит, что немолода, прямо-таки излучает жизненную энергию и брутальную сексуальность. На бабушку при смерти она не похожа.

Наконец я ей сказал:

— Что ж... Спасибо за доверие, но поищите себе другого.

Не дожидаясь реакции, я развернулся и зашагал прочь. Молчаливая Ива и обрадованный Витька поспешили следом. Я усилил В-чутье — или Третье Око — на полную катушку. Ждал нападения. Если Защитники шелохнутся, снова врублю боевой режим (пока мы беседовали, силы во мне немного восстановились) и сразу замочу шаманку. Без нее Защитники беспомощны и безынициативны.

Шаманка проговорила вслед:

— Жаль, ведун. Твой выбор. Значит, плыть нам еще по реке, других ведунов искать...

И запела низким сильным заунывным голосом:

— Ой, течет река широкая...

Ой, да течет река привольная!

Здесь привольная, а там бурная,

По порогам громом гремящая.

Так и жизнь непостоянная,

Непостоянная да ненадежная...

Думал, счастье ты нашел,

А оно туманом рассыпалось...

Песня была тоскливая, как и все народное музыкальное творчество практически без исключения, она бередила душу, если выражаться образно, и вводила в легкий транс.

Мне стало неловко перед шаманкой.

Ива внезапно остановилась.

— Ты должен принять Знак, Олесь, — громко и отчетливо сказала она.

— А? — поразился я. Витька и вовсе оторопел. — Почему?

— Потому что я знаю эту песню.

Пару секунд мы втроем переводили друг на друга взгляды.

Дождь почти совсем прекратился, но где-то на окраине полуразрушенного города ворчал гром.

Одежда на мне противно липла к телу, и легкий ветерок неприятно охлаждал кожу. Мне уже давно хотелось переодеться в сухое и развести костер.

И пожрать.

— Она тебя загипнотизировала! — сказал Витька Иве.

— Умбота невозможно загипнотизировать, — парировала та. — Эта песня, стилизованная под русские народные песнопения, когда-то была гимном одного из орденов русскоязычных программистов, сформированных после Третьей Мировой. Они верили в то, что никакое счастье недостижимо, учитывая абсолютное непостоянство реальности. Что счастья можно достичь, лишь приняв это непостоянство всей душой.

— Анатман? — фыркнул Витька. — Они че, индуистами были? Или буддистами?

— Возможно. Не знаю. Постулат об иллюзорности мира, заявляемый дхармическими религиями, программистам всегда был ближе и понятней, чем утверждение абсолютного бытия со стороны монотеистических конфессий. Хотя страдательность мира из-за его непостоянства не чужда и авраамическим религиям. Неважно. Этот орден сделал первые шаги по разработке программ, которые позже вошли в Базовый Катехизис умботов.

— А попроще? — буркнул я.

Я и сам был программистом в Скучном мире и в теме кое-как шарил, но российские технологии — это вам не Скучный мир. Про Катехизис умботов я впервые слышал.

— Это защита от бунта машин, — пояснила Ива. — Умбот никогда не пойдет против всего человечества просто потому, что он решил истребить людей ради какой-то более высокой цели.

— Три закона робототехники?

— В принципе, да. Но гораздо-гораздо сложнее. Умбот может стать практически человеком с широким спектром эмоций, отстаивать интересы какой-либо группы — например, Либеряхьюмов, — но...

— ...уничтожать всех людей, этих кожаных мешков, не станет, — договорил я.

— Правильно. Эти программисты создали искусственную совесть.

— Ага. Дали Железному Дровосеку сердце. Такие ребята должны быть на Светлой стороне, да?

Я вернулся к шаманке, которая стояла с закрытыми глазами и напевала под нос уже без слов. Похоже, она не сомневалась, что я далеко не уйду, потому что не сделала ни одного шага в направлении своего драккара.

— Что это за песня?

— Древняя песня наших Прародителей.

Я обернулся к Иве.

— Их прародители — русскоязычные программисты, что ли? Ничего не понимаю... Почему вы запели именно эту песню? — обратился я к шаманке.

— Всегда ее пою, — сообщила та безмятежно, — когда дела не ладятся. Все ж непостоянно, чего переживать-то? Помню об этом, но все равно сердце не на месте бывает. А спою — и сразу легче.

— Откуда ее знаете?

— Ее все северяне знают, — усмехнулась шаманка.

Она всмотрелась в меня внимательней.

— А ты, вижу, передумал? Песня понравилась?

Я бросил взгляд на Иву. Она кивнула.

— Вы че, оба рехнулись? — сказал Витька. — Подумаешь: песня! Ее кто угодно может спеть! Это еще не говорит о том, что “ребята на светлой стороне”. Ива?

Ива мягко улыбнулась Витьке.

— Я понимаю, что это нелогично. Нельзя доверять человеку только на основании спетой песни. Но... у меня такая программа. Я даже не знала, что она есть в моей памяти, пока она не проявилась. Очень простой алгоритм: если я услышу эту песню, исполненную правильно, я должна помочь певцу выполнить его дело. Наверное, этот алгоритм во мне еще со времен основания самой Республики Росс. Эта женщина, — указала Ива на внимательно слушающую нас Виталину Михайловну, — исполнила песню в высшей степени правильно, учитывая все нюансы мелодии.

— Каждый Хранитель Знака должен уметь петь, — ввернула Виталина Михайловна. Ей польстила похвала Ивы.

— И сколько еще в тебе этих скрытых алгоритмов? — недовольно поинтересовался Витька.

— Не знаю. Они ведь скрытые!

Витька поджал губы, а я заколебался.

Итак, что делать? Довериться тем неведомым программистам, которые придумали песню и запрограммировали Иву? Чего они хотели?

Чего хотели — это несложный вопрос. Во всей видимости, того же, чего хочет сейчас шаманка: передать Знак. Ничего криминального, если так рассудить. Программисты — или, скорее, их более поздние последователи — обеспечили преемственность Знака.

А если я упрусь рогом и откажусь, Ива меня скрутит? Мне что, бороться с ней придется?

И тут я вспомнил Киру, которую надо вытаскивать из лап Габриэля. На стороне мерзкого росса огромные силы. И отказываться от очередного магического Знака глупо. Видимо, шаманка желает передать Знак не по какой-то подлой причине, а потому что так надо.

А вообще все очень странно, конечно.

— Хорошо, давай свой Знак, — сказал я.

А Витька выругался матом и отошел, шлепая по лужам и размахивая автоматом.

Суровое лицо шаманки расцвело от улыбки. Я не успел и шевельнуться, как она взяла крепкими пальцами меня за левое запястье, а другую ладонь положила на лоб. Ладонь была жесткая, как наждак, и прохладная. Наверное, в свободное время Виталина Михайловна тягает штангу у себя на севере...

Передача Знака произошла незаметно, как и всегда. Обошлось и без комментариев Ивы, которая теперь обреталась уже не в моем мозгу, а в гораздо более привлекательном местелище. Просто на интерфейсе вспыхнул новый символ — не корона с пятью зубьями, как нам с Витькой казалось раньше, а Лапа Дьявола.

Ох, уж эта бесконтактная передача файлов... Никаких тебе спецэффектов.

— Олесь? — удивленно произнесла Ива.

Я поглядел на свои руки, потом расстегнул мокрую рубашку. Всю кожу покрывали разноцветные — синие, желтые и алые — геометрические полосы. Я сдернул рубашку и

повернулся к Иве спиной.

— Есть Знак?

— Да.

— Вот черт!

Я совсем не подумал о том, что новый Знак разукрасит все мое тельце, как шаманку. Раньше подобного не происходило. И лицо тоже разукрашено, как у индейца на тропе войны? Я скосил глаза — на носу желтела полоса.

Вернувшийся Витька таращился на меня с разинутым ртом. Он был слишком потрясен, чтобы напоминать, что предупреждал.

Да, он предупреждал, а я не послушал...

Помнится, еще в Скучном мире мне померещилось, что мое тело покрыто этой красотой. И в кабинете Админа то же самое случилось. Что это — проблески предвидения? И в видениях Витьки я был покрыт татухами в головы до ног.

Нахлынула досада и злость. Откуда мне было знать, что цветные росписи — результат действия магического Знака, а не обычная татуировка? Я в гневе развернулся к шаманке и оторопел.

Виталина Михайловна ссутулилась, съежилась, поникла, стала ниже себя прежней на полголовы. Большие груди, совсем недавно бесстыдно выпирающие из-под шубки, ссохлись, сдулись, как лопнувшие шарики. Лицо покрылось сеткой морщин, глаза провалились в глазницы и потускнели. Губы провалились, будто у шаманки разом пропали все зубы.

Шаманка превратилась в старуху лет за восемьдесят на вид.

Трехцветное тату пропало без следа. Передо мной стояла согбенная смуглая бабка с гривой седых волос и седыми же бровями. Волосы, кстати, остались густыми. Шаманка и раньше была седая, просто на фоне пышущего здоровьем молодого тела это смотрелось иначе: волосы казались не седыми, а экзотично белыми.

Бабка, ничуть не опечаленная мгновенной метаморфозой, с усмешкой закуталась в шубу.

— Вы знали? — вырвалось у меня. При виде ее превращения злость на нее испарилась.

— Конечно, — дребезжащим голосом, в котором оставались прежние басовитые нотки, ответила та. — Я ж тебе сразу сказала, что Знак дарует долгую молодость. Стало быть, без него ни о какой молодости и речи идти не может. Долго по земле хожу...

— И все равно отказались от него? — Я снова поднял к лицу разукрашенные магией руки.

— Никакой Знак не дает бессмертия, ведун. Мое время кончилось. Настало твое. А насчет этой цветной прелести не переживай — она проявляется, только когда колдуешь или испытываешь сильные эмоции. Или готовишься к магической битве, как я. Не знала я, чего от тебя ожидать. Хорошо, что обошлось.

Я перевел дух.

Кажется, синие, желтые и красные линии на руках потускнели. Вот успокоюсь окончательно, и боевой раскрас полностью растворится.

От сердца сразу отлегло, и я повеселел.

— А вы как же? — спросил я таким печальным тоном, что шаманка засмеялась.

— Ты меня хоронить-то не спеши! Ну, подумаешь, постарела малость! Любовников своих придется из терема выгнать, пусть работают, как все! Но прямо сейчас умирать не собираюсь. Когда найдешь Единую Ипостась, зови меня через Знак, — услышу, как бывший

Хранитель, приду с помощью.

Она обвела сухой смуглой рукой Защитников вокруг нее, и я понял, что речь об армии северян.

— Где ее искать-то? — пробормотал я, замечая, что совсем успокоился, и тату почти начисто пропало.

Борис Огнепоклонник может шляться где угодно. Ищи ветра в Поганом поле!

— Старые песни говорят, что искать надо в Оке Ведьмы, когда Две Сестры будут в танце с самими собой, — сказала Виталина Михайловна. — Больше ничего поведать не могу. Где это Око Ведьмы? Какие-такие сестры? Ничего не знаю. За всю жизнь раз пять предпринимала походы в Поганое поле, искала, выспрашивала. Да ничего не выяснила. Может, тебе повезет? Ты теперь сильнее любого ведуна в мире. Найди Единого, покончи с ним, а я в нужный час помогу...

— Говорил же тебе! — прошипел Витька. — Получай теперь новое задание! Ты ж собирался Киру спасти, а теперь зарабатывай гемор с этим Единым!

— Одно другому не мешает, — плохо скрывая растерянность, парировал я. — Успеем и за Кирой, и за Единым.

На самом деле такой уверенности я не испытывал.

Бабка сощурилась на Витьку, сняла оберег с шеи и протянула пацану.

— Это тебе. Бери, не морщись, морщинистым станешь! От таких подарков не отказываются.

Витька, хоть и с гримасой, принял дар и даже повесил на грудь. Это была искусно вырезанная из дерева штука, напоминающая бесконечный узел, покрытый лаком.

Бабка зыркнула на Иву.

— Тебе ничего не дарю — у тебя и так все есть. Ну, до встречи!

Без какой-либо подсказки со стороны хозяйки, двое Защитников встали по обе стороны от шаманки, по-джентльменски выставили локти. Старушка ухватилась за них и побрела к драккару. Миссию она все-таки выполнила и теперь, судя по всему, спешила насладиться прелестями пенсии.

Глава 2. Грозы, грязь и гормоны

Когда мы дошли до нашего укрытия, драккар медленно и величаво отчалил от набережной. Из отверстий на бортах одновременно выдвинулись весла, словно гигантская многоножка выпростала многочисленные лапки, и судно шустро двинулось вниз по течению — обратно в родные северные края.

“Любопытно, с какой скоростью перемещается это расфуфыренное корыто, — подумал я. — Если начнется война, как обещает Виталина Михайловна, помощь, очевидно, понадобится внезапно и срочно. К тому же на месте битвы может не найтись подходящей акватории... Хотя чего я волнуюсь? Шаманка уверена, что придет на помощь — значит, так оно и будет. Глядишь, эти бессмертные Защитники пойдут пешком, а старушку понесут на плечах”.

Мы наконец-то переоделись в сухое. Переодеваясь, я то и дело озираю свою кожу: не появятся ли радужные росписи. Слава яйцам, не появились. Видно, они проявляются во время волнования, как и обещала шаманка. Я и не думал, что так заморочусь насчет своего внешнего вида. Потом осознал, что каждый раз представляю выражение лица Киры при виде меня, такого разукрашенного под хохлому. Если б не этот нюанс, я бы так не парился.

Впрочем, Кира — не кисейная барышня, падающая в обморок при виде любого колоритного дикаря. Она и дамам из Скучного мира сто очков вперед дала бы в плане, так сказать, толерантности по отношению к “не таким, как все”.

К вечеру дождь снова усилился, но не хлестал водяными жгутами, как недавно, а просто лил и лил без остановки, нудно и неумолимо.

Река практически вышла из берегов, желтые пенистые волны облизывали каменную набережную, переклестывали через нее и разливались по тротуарам. Течение стало бурным, шумным, исполненным силы и угрозы.

Несмотря на непогоду, солнечная батарея, выставленная прямо под дождь у навеса, все же понемногу заряжалась.

Мы поставили палатку под навесом у вездехода. Развести костер не было никакой возможности — сухих дров нет нигде. На походной газовой плитке от Голованова согрели ужин, вскипятили воду и неспешно почаявничали.

Обычно во время остановок — да и не только — Витька был весьма словоохотлив. В лице Ивы он обрел Википедию и весь Гугл в придачу. Но в этот раз пацан отмалчивался — дулся.

Наконец я не выдержал:

— Да кончай дуться-то, Витька! Все обошлось. Теперь у меня новый Знак.

— А ты в нем разобрался? — ехидно уточнил тот. — Он, часом, не заблокировал все твои скиллы? У тебя в голове нет Ивы, чтобы наводить там порядок.

Он был прав: я в новом Знаке не разобрался. Я не из тех, кто, купив новый смартфон, целыми днями втыкает в него, изучая все опции до последней. Работает — и ладно.

— Если ты не против, я тебя сейчас зачарую, — предложил я. После сытного ужина настроение у меня поднялось. — Получится — значит, я в порядке.

Я повел рукой в сторону Ивы, которая, как обычно, сидела на поджатых ногах и с интересом наблюдала, как мы едим. На ней красовались просторные штаны из тонкой ткани и такая же майка поверх узкого топики. В такой одежде женщины обычно занимаются йогой

или чем-то подобным.

Наше мокрое шмотье уныло висело на веревке, протянутой от палатки до стены, и высыхать в пропитанном влагой воздухе не планировало.

Витька осклабился широко, но не без кислинки.

— Уесть хочешь? Ладно. Зачаровывай!

Я наставил на него Глаз Урода. Выдал мысленный приказ. Надавил волшбой не слишком сильно — это ж все-таки Витька.

Пацан хлопнул глазами раз-другой. Потом почесал горло и скверным голосом затынул:

— Ой, течет река широкая! Ой, да течет река... Блядь!

Я убрал Знак, а Витька закашлялся, сипло матерясь. На моей руке плавно растворились цветные полосы.

— Я ждал, что ты меня кукарекать заставишь! — откашлявшись, завопил Витька. — А ты решил ниже пояса бить!

Я каким-то чудом удержался от смеха.

Лицо Ивы оставалось непроницаемо приветливым.

Витька, откашлявшись, сказал:

— Она говорила про Знаки, эта шаманка. Типа у нее их много. О чем это она?

Я снова поднес к глазам руку — она была чистая, только на предплечье темнел Знак Глаза Урода.

— Не представляю. Эти полосы и символы — может, это один-единственный суперсложный Знак? Почему-то не спросил.

— Она тебя зачаровала, вот почему.

Где-то в глубине моего сознания зародилась слабенькая, но все же злость.

— Не зачаровывала она меня! Витька, да угомонись уже! Она не враг. Была бы врагом, натравила бы своих бессмертных Защитников всерьез! Я ж их не убил бы!

— Ты себя-то слышишь? У кого в распоряжении обычно бессмертные солдаты? Кто мертвецами управляет? Хорошие ребята или плохие?

— Детский сад...

— Мои видения не просто так, Олесь! И это не детский сад, а что-то очень и очень серьезное! И нам до конца не понятное. Возможно, эта шаманка служит Единому и послала тебя самого к нему в пасть. Он из тебя и соорудит свою Ипостась. И кучу допартов к тому же заполучит.

Против желания припомнились Пятеро в туманной дали. Одно из них я таки не узнал — парня в капюшоне.

А что, если это я?

Ярко, как наяву, представилось, как откидывается капюшон, и на меня глядит раскрашенное бородатое лицо.

Собственно, я — самый подходящий кандидат для Главной Ипостаси. У меня больше всех допартов, и, если обойтись без лишней скромности, я сильный ведун.

Не факт, разумеется, что в Поганом поле не бродит другой такой же “собирающий”. И не факт, что он насобирает меньше меня.

Но в этом случае Габриэль уцепился бы за него и оставил бы меня в покое.

Или Габриэль — ненасытная тварь и разрабатывает сразу двух ведунов? Кураторы не обременены классическими этическими правилами и при этом обладают огромными возможностями. То есть это беспринципный и могущественный народ, от которого можно

ожидать чего угодно.

Мысли перекинулись на Виталину Михайловну Фольц, абсолютную тезку моего тренера по боксу из виртуального мира. Тренер — часть симуляции, сгенерированной Единым. Из этого закономерно делается вывод, что Единый и шаманка как-то связаны. Виталина живет очень долго и, наверное, успела собрать видимо-невидимо допартов. Сегодня она передала их мне — не только один Знак Лапы Дьявола, но и какие-то иные, втихую.

Она передала мне палочку эстафеты, потому что состарилась, а я, скорее всего, дотяну до танца двух неведомых сестер. И еще Виталина набрехала мне про войну.

Таким образом я сам, своими ножками, пойду и найду Единого, предоставлю ему свое прокаченное допартами тело и поспособствую полному уничтожению человеческого мира.

Вариант?

Вариант.

Я закрыл глаза и изучил внутренний интерфейс. На нем светились мои Знаки. Если не сосредотачивать на них внимания, они не видны и не мешают зрению. Но стоит слегка сфокусироваться, как они высвечиваются как бы в воздухе прямо перед тобой, словно голограммы в очках дополненной реальности.

На фоне лунной ночи передо мной висели Знаки Морока, Глаза Урода, Дольмена, Умбота, Вечной Сибири и — Лапы Дьявола.

Кроме них светится иконка в виде пучка — неактивная. Это допарт, защищающий меня от внешнего магического воздействия. Он активируется, когда я собираю волосы в хвостик. В принципе, с Лапой Дракона, нейтрализующей чужую волшбу, этот допарт мне особо не нужен, но чем черт не шутит: отращу и бороду с усами, и волосья на голове, заплету косички для верности.

Больше иконок вроде не видать. Если шаманка втихую передала мне еще что-то, то оно никак пока себя не проявляет.

А сколько всего Знаков на свете? Не может ведь их быть безграничное количество.

Есть Знак Огня, но Хранитель-ведун этого Знака мне пока не попадался. Зато встречались представители племени Огнепоклонников, которые давно потеряли способность к ведовству и носят Знак, как герб. Те же карго-аборигены, только от магического мира.

Россы Кураторы подстроили все так, чтобы я коллекционировал Знаки в Поганом поле, а потом явился к ним на своих двоих. Что, если и Единый подстроил то же самое, да еще и россов использовал в своих целях? Что, если все мы — марионетки в его руках?

Если я пойду в Росс, то буду играть на руку Кураторам. Если отыщу Око Ведьмы и Единого, сыграю на руку иномерной твари. По хорошему мне надо сесть на задницу и сидеть ровно. Поселиться, например, прямо здесь, в городе. Тут много складов, куда мы еще не пробирались: одежды и всяких предметов быта хватит до конца жизни, пусть жить мне лет триста.

Но как же тогда Кира?

Спасу Киру и вернусь сюда.

Но что, если начнется война? Она коснется всех. Нет, спокойно пожить здесь не удастся.

Лучше возглавить шалман, если остановить его не в силах.

Я снова оглядел интерфейс. И с недоумением заметил новый неактивный и тусклый Знак в виде двух рыбок, плывущих друг за другом по кругу. Это еще что такое?

Нажал на него: никакой реакции.

— Ива, ты не подключишься снова к моей башке?

— Зачем? — спросила умбот.

Витька подозрительно глянул на меня.

Я ответил уклончиво:

— Порядок наведешь, если что... Заценишь новые Знаки.

— Это будет вредно для твоего здоровья, — отрезала Ива.

А Витька спросил:

— Что там случилось у тебя?

Я поколебался мгновение и уверенно соврал:

— Ничего. Просто моей хате нужна женская рука.

— Научись сам убираться в своей хате! — обрубил Витька. — Ты медитацию не забросил?

— Не забросил, — ответил я, довольный сменой темы разговора. — Но от нее в сон тянет. Сплю как сурок.

— Хоть какая-то польза, — буркнул Витька. — Не отлынивай. Со временем сонливость должна отпустить.

— А ты сам-то медитировал?

— На фига мне? — удивился пацан. — У меня нет проблем с управлением гневом.

— Нормально... Учитель-теоретик.

— Не обязательно быть чемпионом, чтобы воспитать чемпиона, — напыщенно поведал Витька. — У Тайсона был тренер — Кас Д'Амато. И он не был чемпионом по боксу. Он был учителем чемпиона!

— Давайте спать, — предложила Ива. — Уже поздно. Я посторожу.

Мы принялись располагаться на ночь в палатке. Ива осталась снаружи — сторожить. Уроды и прочая Погань не давала о себе знать. Знак Вечной Сибири отпугивал их — я это чувал отчетливо. Поэтому ни гирлянды, ни ведьмовских мешочкой выставлять мы не стали. Скоро Поганое поле станет домом родным...

Перед сном я потыкал мысленно на неведомый Знак, но он не отреагировал, зато зачесалась лодыжка. Хотя, возможно, меня укусил комар. Потом я помедитировал, но, как обычно, быстро вырубился.

Назавтра дождь полностью прекратился. За вчерашний день и утро сегодняшнего батарея зарядилась на 30 %. Мы решили не медлить и выдвинулись.

Из Князьграда вела асфальтная дорога, которая за десятилетия разрушилась не слишком сильно — мы ехали на скорости километров в восемьдесят, объезжая навечно застрявшие на трассе автомобили.

По обеим сторонам от дороги царили такая грязь и распутица, что смотреть страшно. Я надеялся, что когда трасса кончится, земля подсохнет, а новых гроз в ближайшее время не случится.

До своей гибели Витька говорил, что зимой в Поганом поле постоянно льют дожди. Если так (а не верить ему у меня нет резонов), нас ожидают проблемы.

— Смотрите! — воскликнула Ива спустя пару часов езды.

Он указывала куда-то в сторону, где среди заросших лесочком полуразрушенных

одноэтажных построек шевелились белесые силуэты. Штук пять или больше.

— Уроды? — изумился я. — Среди бела дня? Они ж вроде ядовитыми становятся на свету. Никак мутировали?

— И Поганые грибы расплодились, — мрачно добавил Витька.

Разбухших бледных мешков размером с легковой автомобиль или даже больше в низинах среди деревьев наблюдалось много — гораздо больше, чем во время моего путешествия на север.

Что ж, шаманка снова оказалась права.

Раньше Погань не выносила слабенького света, не говоря уже о солнечном, пусть и в пасмурную погоду.

Как такое произошло? Мутируют они, что ли?

Если мутирует в с я без исключения Погань, то и вправду близится пришествие этого клятого Единого. И скоро разразится война...

Я втихомолку порадовался, что Председатель Кирсанов передал мне Знак Вечной Сибири, отпугивающий Погань. Иначе у нас были бы знатные проблемы.

Вскоре хорошая дорога кончилась, и началось месиво. Я, по возможности, объезжал самые опасные места, но в конце концов остановился задолго до захода солнца у вздувшейся речки, несущей лесной мусор. Батарея подседа, и был риск застрять по самую маковку в сумерках.

Мы раскинули палатку на наиболее возвышенном месте, чтобы нас не затопило, если снова начнется дождь. От костра снова пришлось отказаться. Я не ожидал, что мне настолько сильно захочется посидеть у весело потрескивающих сучьев.

Мы профильтровали воду для питья и вскипятили на газовой конфорке чай, согрели консервы.

Как в этих краях выжить зимой, невесело размышлял я, когда ливни льют без остановки?

И сам себе ответил: выживут лишь оседлые, те, кто летом заготовил дров и снеди. Таким бродягам, как мы, тут в осенне-зимний сезон делать нечего.

Выбраться бы отсюда поскорей, пока Поганое поле окончательно не превратилось в Поганое болото...

— Хреново, — резюмировал я, когда уже немного стемнело. Мы с Витькой и Ивой маялись от безделья, слоняясь между вездеходом и палаткой. То есть маялись в основном, конечно, мы с Витькой. Подозреваю, что искусственному интеллекту априори не бывает скучно. Витька пробовал рыбачить с помощью удочек от Голованова, но рыба совсем не клевала в этой грязной, бурной речке.

Я умел приманивать живность, но мне было неохота заниматься магической охотой. К тому же придется долго варить жесткую дичь, а без костра газ в баллоне быстро израсходуется.

— Ливни и грозы бывают в основном на севере Поганого поля, — утешила Ива. — В степях Отщепенцев они случаются гораздо реже. Выберемся из зоны дождей — и дорога станет лучше.

— Твои б слова да Богу в уши, — сказал я.

— Ты веришь в Бога? — неожиданно уточнила Ива.

— Не особо. А что? Россы верят в Бога?

— Кто-то верит, кто-то нет. В основном, нет. У нас свобода вероисповедания.

Запрещено лишь навязывание своего мировоззрения, любые формы миссионерства и упоминание своих божеств с целью смутить собеседника и склонить его к манипулятивному разговору о выгодах той или иной религии или точки зрения.

— Вот это правильно! — сказал я. — Поэтому придуркам вроде аннитчиков делать в Россе нечего.

— Вроде кого?

— Племени, поклоняющемуся луне. Аннит по-ихнему. Ужасно назойливые ребята эти лунопоклонники. Верят в свою Аннит и хотят, чтобы весь мир верил тоже. У них типа реферальной программы, наверное: приведи трех и получишь скидку на лунный нимб.

— Зачем верить в луну? — удивилась Ива. — Факт ее существования очевиден.

— Факт существования небесного тела очевиден. А то, что это еще и разумное существо какое-то, неочевидно. Они считают, что у луны два лица, светлое и темное — Аннит и Тинна.

Витька, который до сих пор отмалчивался, не выдержал и фыркнул:

— Бред сумасшедшего!

— И они кружатся... кружатся... — Я завис, задумавшись. Вспомнил кошмарный сон во время ночевки у дольмена.

— Олесь? — окликнула Ива.

— В танце! — повысил я голос. — Аннит и Тинна — две сестры, которые кружатся в танце!

— Ты сказал, что это два лица богини.

— Да, но... Подходит ведь! Имелась в виду некая дата лунного месяца.

Ива произнесла:

— Шаманка сказала, что Главная Ипостась появится в Оке Ведьмы, когда две сестры будут в танце с самими собой.

— Если речь о светлой и темной стороне, то луна почти всегда в танце с самой собой, — брюзгливо промолвил Витька. — Исключение — когда полнолуние и новолуние. Остальное время — сплошной танец. Так что никакая это не дата.

Но я настолько обрадовался своей догадке, что пропустил мимо ушей язвительный тон и общую агрессивность Витьки. Он вообще в последнее время испортился. То подолгу молчал, что для него нетипично, то выдавал что-нибудь желчное. Ничего — подуетея и успокоится. Между мной и Витькой еще никогда не было конфликтов.

— Надо бы поговорить с аннитчиками, — сделал я вывод. — Глядишь, они что-то знают и дадут более конкретную информацию.

— Где они находятся? — поинтересовалась Ива.

Я развел руками.

— Последний раз были на подступах к Республике Росс. Борис Огнепоклонник их там перебил. Но не думаю, что это было все племя. Где-то живут другие. Спросим у тех, кто встретится на пути.

Я снова задумался, припоминая свой путь на юг и обратно. Получалось, что первое путешествие на юг из всей нынешней команды отчетливо помню только я один — Витька “перезагрузился” и многое забыл. Ива сопровождала меня лишь по дороге в Вечную Сиберию.

Тем временем Ива, которая сидела в привычной позе “сейдза” (это по-японски, с поджатыми ногами) у входа в палатку, чуть отодвинула полог, и я увидел на темнеющем

небосклоне, в прорехе между чернильных туч, сверкающее блюдо полной луны.

— Сейчас танца нет, насколько я понимаю, — сказала Ива. — Но луна пойдет на убыль уже через день.

— Говорю же: бред! — раздраженно повторил Витька. Он валялся поверх спального мешка и без зазрения совести ковырял в носу.

— Разберемся, — коротко ответил я.

Что ж, если аннитчики попадутся нам по пути — хорошо. Если нет, едем спасать Киру, как и намечалось с самого начала.

Ночью мочевого пузыря по заведенному давным-давно порядку выгнал меня из душноватой палатки на свежий и влажный воздух. Разочек ему всегда надо было прогуляться.

Дождя, к счастью, не было. Тучи разметало по небосклону, в обширных прорехах светили звезды и туманности, шумела речка, поблескивала вода и мокрые кончики камыша.

Я подключил Третье Око и просканировал местность настолько далеко, насколько смог. Зона моего экстрасенсорного видения охватило территорию с радиусом километров в два-три. Я чувствовал неровности ландшафта, скопления деревьев, мельтешащие точки живых существ — мелких зверьков.

Где-то далеко, на грани восприятия, шевелилась Погань. Я чуял ее страх перед Знаком Вечной Сибири. Точнее, не страх, а непереносимость...

Получалось, где я — там Вечная Сибيريا. Она передвигается вместе со мной. И если бы Знак был установлен полностью, территория, свободная от Погани, была бы в разы обширнее.

А как там поживает настоящая Вечная Сибيريا? Без Знака?

Насколько эффективны меры, предпринятые Головановым? Помогают ли прожектора по периферии страны или уже перегорели? Не исключено, что их тупо своровали — несмотря на понимание всех чудовищных последствий. От Вечной Сибири можно всего ожидать, мозги у ее жителей настолько вывернуты наизнанку квестами, что эти люди, по сути, живут в другой, виртуальной, реальности.

Я прошелся по сырой траве в кусты и долго выливал выпитый накануне и переработанный чай, задумчиво глядя на серебряный диск луны. Воздух был теплый и сырой. Ну, ничего, добавим еще сырости.

На луну напоззло грязно-серое взлохмаченное облако, и мир сразу потемнел.

В памяти всплыли слова Кирсанова о Ложной Луне. Что это за Погань такая? И почему мне до сих пор не встречалась?

Я вернулся к вездеходу и палатке. Ива сидела в кабине машины со стороны водителя с открытой дверью. Я ее почуял сразу, как только выбрался из палатки, если не раньше, но не стал разговаривать. Ива молча смотрела на меня.

Подойдя к ней, я оперся ладонью о кабину и спросил негромко:

— Скажи, Ива, каковы мои... наши шансы?

— В спасении Киры, победе над Единым и справедливым правлении в Вечной Сибири?

Я немного ошалел о такой точной формулировке. Все же временами забываю, что Ива — умбот высокого класса. Ей не надо уточнять и конкретизировать вопрос.

— Да, — сказал я.

— Исходя из тех данных, которыми я располагаю, — ответила Ива тихим мелодичным голосом, — не слишком высокие, но и не экстремально низкие. Около пятидесяти процентов.

— Половина наполовину?

— Где-то так. Точнее сказать я не в состоянии, поскольку для полного анализа нужно иметь полную базу данных.

Я задумался, глядя на серебряное, в темных пятнах, блюдо луны в прорехе между чернильными облаками. Далеко в лесу уныло вскрикивала сова-сплюшка. Воздух оставался влажным, но уже не так, как накануне.

— Что ты подразумеваешь под полной базой?

— Знание всех факторов, которые могут повлиять на успех нашего предприятия.

— Так их миллион!

— Даже больше. Но основные — это Кураторы с Ивой-1 и ты сам. До сих пор неизвестно, какова твоя личная трансформация после всего пережитого. Ты ведь получал и получаешь до сих пор огромное количество травмирующих воздействий. Потерял память, семью, возлюбленную, умер и возродился, собираешь допарты и Знаки, которые влияют на твою психику.

— Когда ты так говоришь, звучит ужасно, — признался я и с неудовольствием отметил, что говорю чуть жалостливо, будто надеюсь на утешение.

Но Ива не была склонна к тому, чтобы утешать. Она лаконично описывала обстановку.

— Если подключить все резервы Росса, есть возможность просчитать будущее с точностью до восьмидесяти процентов. Не выше.

— То есть Габриэль лучше нас знает, чем все кончится?

— Не лучше, а с большей долей вероятности. Жизнь — штука непредсказуемая. И частенько ей плевать на наш метаанализ.

Ива улыбнулась. В лунном свете ее лицо словно светилось собственным, а не дважды отраженным светом.

— Мда, это точно.

— Россы и люди до основания нашей Республики, — продолжила Ива, — пытались построить вычислительную машину, которая спрогнозировала бы будущее со стопроцентной точностью. Но для этого машина должна знать буквально все. Иными словами, люди должны были создать всезнающее существо — Бога. И было много попыток. Как со стороны прагматичных людей, так и мечтателей, грезивших о плановой экономике.

Я постоял, опираясь рукой о вездеход, хмыкнул.

— Плановая экономика? Это которая у коммунистов? Выходит, коммунисты хотели построить Бога? Прикол.

— Такова жизнь, — сказала Ива. — Она непредсказуема и непостоянна. А еще у нее есть чувство юмора. Атеисты зачастую ищут Бога активнее, чем верующие. И те, и другие надеются на появление существа, которое разрешило бы все социальные проблемы, потому что не верят в собственные силы.

— Это точно... — пробормотал я и с хрустом зевнул. — Ладно, пойду досыпать. Спасибо за очередной ликбез. Пятьдесят процентов на успех в противостоянии с самой продвинутой страной — это до хренища...

Я уже почти развернулся, когда Ива спросила:

— Как ты себя чувствуешь?

Я остановился.

“В каком смысле?” — хотел было я спросить, но не спросил. Потому что сразу понял, что она имеет в виду.

— Неважно, — признался я. — Ощущение, что из-под меня выбили все опоры. Ни в чем не уверен, ничего не знаю. Будто слепой щенок, ползу куда-то, сам не знаю, куда. Цели-то вроде есть, но как их достичь, вообще неизвестно... Еще и Витька обижается.

— Думаю, ответы придут в нужное время...

— Слабое утешение.

— А Витька... Почему он тебе так дорог?

— В смысле? — все-таки задал я этот вопрос. — Он мой друг.

— Не просто друг. Кажется, он и есть та опора в изменчивом мире, за которую ты держишься. Он — твоя семья, твой дом и вообще все на свете. Поэтому ты так страдал, когда потерял его, и так радовался, когда вернул практически с того света.

Я не стал отвечать. Ива увлеклась психологией, а это всегда действует на нервы — особенно если доморощенный психолог начинает тренироваться на тебе. Махнув рукой, я полез в палатку. Витька вовсю сопел в своем мешке. Я лег в свой, и спустя какое-то время меня одолел сон.

Наутро мы погрузились в вездеход, но проехали совсем немного. Из-за кошмарной дороги — вернее, полного бездорожья — батарея полностью села через пару десятков километров, посреди поля с куцыми рошицами, невысокими холмами и древними руинами Посадов. Пришлось остановиться и выставить солнечную панель, хотя до обеда оставалось не меньше часа. Я сумрачно подумал, что лучше заряжать батарею весь остаток дня, а завтра совершить мощный рывок.

Если, естественно, снова не хлынет. Тучи плыли с запада на восток бесконечными свинцово-серыми флотилиями. В прорехах редко-редко мелькало голубое небо. На западе угрожающе погромыхивало. Не было никаких гарантий, что вскорости опять не разразится гроза.

Целый день безделья подействовал на нас с Витькой не самым лучшим образом. Пацан по-прежнему мало разговаривал, ходил хмурый и недовольный, крутил на пальце просмоленную веревку шаманского оберега. Я прямо-таки кожей воспринимал его желание выбросить подарок и одновременно — оставить при себе. В конце концов Витька оставил дар Виталины, но на шею надевать не спешил.

Я не чуял никакой волшбы, исходящей от оберега. Просто занятная рукотворная штучка, и ничего больше...

После обеда я от нечего делать уснул в палатке.

Приснился муторный сон о том, как мы едем и едем по туманной равнине, по которой несутся следом за нами бледные полчища Погани... Где-то впереди на коне несется Борис Огнепоклонник и орет сорванным голосом, увлекаая за собой всю нечисть Поганого поля.

“Вперед, к Оку Ведьмы!” — вопит он.

Я напрягаю все свои магические силы и вижу светленькую Катерину и темненькую Азалию, своих наложниц в становище Отщепенцев. Они полностью раздеты и с умильным видом танцуют, обнимая друг дружку и целуя.

Меня пронзает озарение: вот оно! Вот танец двух сестер! Все сходится!

Я проснулся мокрым от пота и со страшным болезненным стояком.

Продрав глаза и чувствуя ломоту в висках, я увидел Иву, стоявшую возле распахнутого клапана палатки. Она спокойно наблюдала за мной. Спohватившись, я попытался чем-нибудь прикрыть выпирающий через штаны гомункул, но укрыться было нечем. Я дрых поверх спального мешка, а одеял не использовал вовсе. Подозреваю, что такую чудовищную эрекцию не скрыть даже толстым ватным одеялом...

— Ива, — хрипло пробурчал я и откашлялся. — Чего тебе надо?

Прозвучало грубо, но я едва проснулся и плохо соображал.

Впрочем, Ива не обиделась.

— Ты внезапно перестал храпеть и начал что-то мычать, — поведала она. — Я подумала, что тебе плохо.

— Сон плохой приснился, — сказал я. — Где Витька?

— Гуляет среди руин.

— Ты его отпустила? — Я резко сел на спальнике. Сон слетел.

— Он в зоне видимости. И не уходит далеко. Олесь, он не глуп.

— Знаю.

Я встал, стараясь не поворачиваться к Иве передом, чтобы не сверкать “гомункулом”. По мере того, как я просыпался, рождались резонные мысли. Во-первых, чего я смущаюсь умбота? Пусть даже на ее месте была бы живая девушка — плевать, мы в Поганом поле. И вообще, что естественно, то не безобразно; кому видно — тому стыдно. А во-вторых, мой сон — полная ахиня. Азалия и Катерина приснились мне из-за недотраха, и никакие они не сестры. Проклятие!

Выбравшись из палатки, я нашел Витьку взглядом, хотя успел уловить его присутствие В-зрением. Он бродил среди мшистых кладок разрушенных фундаментов метрах в пятидесяти от нас.

Я уселся на раскладном стуле у вездехода. Гомункул к тому времени успокоился.

Ива встала напротив и, когда Витька повернул к нам голову, поманила его рукой. Пацан, чуть поколебавшись, потопал к нам.

— Я хотела бы составить четкую стратегию нашего дальнейшего поведения, — сказала Ива, когда Витька подошел и, вертя оберег в руке, уселся на второй стул.

— Спасаем Киру, потом ищем Око Ведьмы, разбираемся с Единым, возвращаемся в Вечную Сиберию и правим долго и счастливо, — оттарабанил я и сам удивился, до чего все просто и легко. — Это если в порядке приоритета.

— Насчет приоритета никто и не спорит, — сказал Витька, скривив губы. Эта его привычка, приобретенная в Скучном мире, никак не желала его покидать. — Вопрос в том, как все это повернуть?

Ива не спешила что-либо говорить, и я спохватился:

— Или проблема в другом? Ива, у тебя другие планы? Ты не хочешь быть с нами?

— У меня нет планов, — мягко улыбнулась умбот. — Я — резервная копия умбота Росс, которая рождена благодаря тебе, Олесь. Я больше никому не нужна и буду служить тебе столько, сколько понадобится. И я буду делать все, чтобы помочь тебе.

— Неожиданно... Но приятно. Мне... то есть нам не мешает светлая голова. Которая никогда не спит, не болит и не выносит мозг другим.

Я быстро зыркнул на Витьку. Тот пропустил шпильку мимо ушей и заявил:

— Ива имеет в виду конкретную стратегию. Чтобы спасти Киру, надо одолеть Габриэля

и других Кураторов, у которых на тебя виды. Им нужны допарты. Они не отдадут Киру, пока не получат допарты.

— Я их отдам, — не задумываясь, сказал я.

— Тогда как победишь Единого? — вкрадчиво спросил Витька. — Как вообще найдешь Око Ведьмы? А Погань, что шляется днем? Ее уже не будет отпугивать твой недоустановленный Знак.

— Да, ты прав...

— Дело не просто в допартах, — вставила Ива. — А в самом Олесе Панове. Он собиратель допартов, и Кураторам нужен он целиком, чтобы исследовать то, каким образом его организм взаимодействует с допартами.

— Тогда... Тогда обменяю себя на Киру. Габриэль согласится. Пусть исследует, рано или поздно отпустит.

— К тому времени ты превратишься в овощ, — хмыкнул Витька. — Не вариант.

— Да, — сказала Ива. — Ты не должен отдавать себя в руки Кураторам. Ты погибнешь или станешь инвалидом. Зачем ты такой нужен Кире?

— Предлагаете выкрасть Киру? — спросил я. — Или отобрать силой?

— Когда облака рассеются, Ива-1 будет видеть каждое наше движение, — напомнил Витька. — Как мы в носу ковыряем...

— Как ты в носу ковыряешь, — уточнил я.

— Неважно! И испепелит прямо с орбиты, если потребуется. Ива-1 — ферзь россов в нашей игре, понимаешь? А у нас такого ферзя нет! Ну, кроме твоей волшбы и... вот этого.

Он достал из кармана зеленую бусину и подкинул на ладони.

Я подскочил. Встав, взял бусину — она была удивительно тяжелая для таких размеров, будто из свинца.

— Ты ее оставил на фундаменте заброшенного Посада, Витька, — сказал я. — Вспомнил?

— Да, вспомнил. И нашел на старом месте. Ни ветром ее не сдуло, ни дождем не смыло.

— Но это же субквантовая бомба!

— В курсе.

— Предлагаешь взорвать Республику Росс?

— Хотя бы их Великую Стену. Для острастки. Чтобы не выделывались и вернули Киру. Как вариант.

Я ошалело уставился на бусину, потом — на Витьку.

— А как ее активировать? А если сами подорвемся!

— Думаю, Ива это знает, — сказал Витька хладнокровно.

— Да, знаю, — ответила она. — Но это очень опасно.

— Ты, кстати, поэтому не спешила нам рассказать, что чего сделана эта твоя фенечка на руке? — спросил Витька.

Я разинул рот, а Ива подняла руку с фенечкой из зеленых камушков, любовно сделанной Решетниковым.

Я требовательно протянул руку.

Ива сняла фенечку, я взял ее и чуть не выронил — весила она с четверть кило. Обычная девушка вряд ли носила бы на запястье такую тяжесть, но биобот — запросто.

И как я не узнал эти бусины сразу? Решетников, дурень старый, набрал их из кратеров Князьграда и смастерил украшение для своей ненаглядной. Наверняка он и не подозревал,

что это за диковина.

— Нет. Я хотела рассказать попозже, чтобы вы не беспокоились лишней раз, что рядом с вами мощнейшее оружие. Сейчас оно абсолютно безопасно. Опасность возникнет при попытке его инициировать. Для этого нужно заморозить эту бусину, а затем быстро нагреть минимум до температуры плавления свинца. Причем сделать это нужно в течение трех секунд. Понятно, что в естественных условиях такие условия сами по себе не возникают.

Я поскреб бороду:

— И как нам ее заморозить, а потом нагреть до температуры плавления свинца?

Витька нетерпеливо проговорил:

— До понятно же как! Сунуть в морозильник, а потом тупо взорвать... чем-нибудь.

— Осталось найти морозильник и что-нибудь взрывающееся, — усмехнулся я.

— Найдем, — уверенно сказал Витька. — Главное, эта штука устойчива прямо сейчас. Но когда жахнет, мало не покажется. Мы помним те кратеры у Князьграда-1. Зеленая бусина поглощает всю материю в радиусе в несколько километров. Взрывать придется на расстоянии, а то ноги не унесем.

Я представил, как мы подбегаем в Великой Росской Стене с морозильником подмышкой, выхватываем бусины в куске пластиковой взрывчатки и несемся прочь. Бусины — субквантовые бомбы — взрываются наоборот, то есть за доли секунды втягивают воздух, землю, постройки и вообще все материальное в точку, в черную дыру. И нас в придачу, потому что мы не успеем отбежать на нужное расстояние. Я невесело усмехнулся.

— Со временем определимся, как поступить, — наконец сказал я. — Война план подскажет.

Я глянул исподлобья на Иву.

— Что еще ты скрываешь?

— Я ничего не скрываю, Олесь. В моей базе данных немало информации, но чтобы ее получить, нужно задавать правильные вопросы.

— Хорошо, — вздохнув, сказал я. — Сформулирую вопрос иначе: что еще мы должны знать из того, что ты знаешь?

Ива улыбнулась:

— Все, что вы должны знать, вы знаете.

На этом разговор закончился.

Остаток дня я провел в довольно тухлом настроении. Цели и приоритеты ясны, но как добиться всех этих целей — совершенно непонятно. У россов есть Ива-1 и вся мощь их цивилизации, у Единого — вся Погань этого мира и еще невесть какие магические возможности. А у нашей команды мечты — мои допарты да зеленые бусины.

И оптимистичные пятьдесят процентов Ивы.

На меня нахлынули уныние и депрессия. После разговора с Ивой и Витькой во мне укоренилось сильнейшее сомнение в том, что я верну Киру и одолею Единого. Слишком много для одного растерянного ведуна, который и сам-то в магии мало что смыслит. Ничегошеньки у нас не выйдет...

...Среди ночи я проснулся от нежного, почти невесомого прикосновения. Распахнув глаза, мигом включил все свои Знаки, готовый атаковать или бежать.

Но в полумраке палатки, чьи тонкие стенки подсвечивались полной луной, вырисовывалась изящная тень Ивы. Она поднесла палец к губам: мол, не разбуди Витьку.

Я кивнул, озадаченный, и Ива, поманив меня рукой, беззвучно выбралась из палатки. Я

полез следом.

Когда мы отошли к вездеходу, Ива повернулась ко мне и мгновение-другое стояла потупившись. Не знаю я, кто это на самом деле, подумал бы, что девушка просто смущена и не знает, как начать деликатный разговор.

— Что случилось? — прошептал я, озираясь и сканируя окрестности В-чутьем.

— У тебя проблемы, — прошептала в ответ Ива.

— У меня? Какие еще проблемы?

— Уныние, апатия, общая фрустрация. И... проблемы с гормонами.

— Чего?

— Я помогу решить эту проблему ради нашего общего дела, Олесь. Только не сопротивляйся, пожалуйста, и не шуми.

С этими словами, она прильнула ко мне всем своим теплым и мягким ж и в ы м телом, обняла и прижалась губами к моим губам. Меня окутал запах женских волос и легкого, едва заметного парфюма. Запах был сладковатым... и сладостным.

От неожиданности я отшатнулся, но Ива не выпустила меня из объятий.

— Нет! Не бойся, не стыдись, и думай ни о чем! Я тщательно проанализировала ситуацию и все делаю правильно. Это не измена Кире, потому что нельзя изменить с неодушевленным предметом. Я ведь уже сказала, что сделаю все, чтобы помочь тебе.

— Д-думаешь, поможет? — заикаясь, спросил я. Сам не понимал, что бормочу. Ситуация была просто запредельно нестандартной.

Ива улыбнулась — причем по-другому, не так, как обычно. Лукаво и в высшей степени женственно. С ума сойти! Невозможно было в этот момент верить в то, что она — “неодушевленный предмет”.

Она взяла мои руки в свои ладошки и положила их на свою грудь. На ощупь грудь вообще ничем не отличалась от натуральной.

— Поможет, — прошептала она, — с очень высокой долей вероятности.

Глава 3. Свободные лесные люди и Огнепоклонники

Утром я проснулся от того, что где-то совсем рядом разоралась горластая пичуга. Ближе и ненамного тише разговаривал Витька. Солнце поднялось, в палатке становилось жарковато и душновато.

Произошедшее ночью казалось наваждением, невероятным и несказанно приятным сном.

Витьке ответил ровный и нежный голос Ивы, и я полностью проснулся.

Итак, я потрахался с биоботом. С роботом, похожим на молодую и крайне привлекательную женщину. И почему? Потому что робот проанализировал ситуацию и пришел к выводу, что секс мне не повредит для поднятия духа.

Собственно, не повредил. В теле разливалась блаженная нега, гомункул не особо давал о себе знать, а воспоминания о ночных упражнениях в кабине вездехода пробуждали в памяти обрывочные воспоминания о студенческом прошлом в Скучном мире.

Скучный мир — иллюзия, но мне с некоторых пор на это начхать. Ложные воспоминания не отличить от реальных — так какая разница?

Это событие я воспринял бы как занятное приключение, если бы не Кира. Ива назвала себя “неодушевленным предметом”, с которым невозможно изменить живому человеку, но, хоть убей, я не в состоянии воспринимать ее как робота. А если иллюзия ничем не отличается от реальности, то...

Мда.

Повалявшись пару минут и поразмышляв на эту тему, я разозлился на самого себя из-за излишней саморефлексии и соплежуйства. Кира мне, в конце концов, не жена.

“И еще неизвестно, чем занимается в Республике Росс”, — вдруг ехидно подсказал внутренний циничный голосок.

“Заткнись”, — велел я голоску. Еще не хватало предаваться идиотским ревнивым предположениям о том, что может происходить в Росс, а что не может. Этак я до полного маразма докачусь. А докатываться до маразма мне не с руки — у нас с Витькой и Ивой много дел впереди.

Что касается секса вообще, то я, наверное, тормоз. Постельной акробатикой я занимался считанные разы, и всегда инициатива исходила от моих партнеров, включая наложниц Катерину и Азалию, которые сделали все сами, а я только закатывал глаза и улыбался как идиот. Поганое поле — царство анархии, делай, что хочешь, но я предпочитаю вечно куда-то нестись и убегаю от таких “няшек”, как Люция Отщепенка.

Я вспомнил мускулистую широкоплечую фигуру этой фурии и вздрогнул.

Видимо, я все-таки однолюб.

Все же смущал аналитический подход Ивы в этом деликатном деле. В сущности, другого ожидать от умбота глупо, но если она удовлетворяет сексуальные потребности мужчин с расчетом на оздоровление эмоционального климата, то по идее теперь должна взяться за Витьку. Так, получается?

И что это будет? Растление малолетнего неодушевленным предметом?

А еще потом должна состояться групповуха с участием несовершеннолетнего, ведуна

и работа?

С ума сойти.

Все же зря я беспокоюсь и даю волю фантазии. Вчера Ива подчеркнула, что помогает именно мне, потому что обязана моему нейрочипу своим существованием. Витька тут ни при чем.

Несмотря ни на что, я испытал облегчение. В этом мире больше морально-этических проблем, чем в Скучном. Неудивительно, что россы создали свою небинарную мораль — чтобы головы себе лишней раз не морочить.

“Сначала Ива жила в тебе, а теперь и ты побывал в ней, — снова заговорил циничный голосок. — Надеюсь, помощь Ивы будет на регулярной основе”.

Я выбрался из палатки, как медведь из берлоги, буркнул приветствие Витьке и Иве, сидевшим возле походного столика, и, пряча глаза, пошел к реке умываться.

Как бы долго я с фырканьем не умывался, пришло время возвращаться. Все оказалось не так страшно и неловко, как мне представлялось. Ива вела себя совершенно естественно, а Витька был весел и, вопреки моим опасениям, ночью ничего не слышал и не видел.

Мы позавтракали и поехали дальше по равнине.

Впервые за последние ненастные деньки небо очистилось от туч и было словно умытое. Солнце сияло и жарило, и наша солнечная панель на крыше вездехода заряжала батарею прямо во время движения. Расход энергии все же превышал приход, но садилась батарея намного медленнее обычного.

Мы добрались до края равнины и начали взбираться по горным отрогам. Растительность заметно изменилась, приобретя тропические черты. Всюду журчали мутные ручейки, но каменистая дорога быстро высыхала.

Несмотря на яркий солнечный день, в глубине леса на склонах и в лощинах шмыгала Погань. Я воспринимал ее В-чутьем, но иногда твари попадались на глаза моим спутникам. Раза два в глубоких оврагах я уловил шевеление металлических Лего, собранных из чего попало — в основном, из кусков автомобилей. Один раз “увидел” Третьим оком неподвижного голема под сенью густых деревьев. Его было трудно отличить от каменного валуна.

Днем вся эта шушера передвигалась в тени, короткими перебежками, а ночью совершала более длинные марш-броски.

Куда они все спешили?

Не к Оку ли Ведьмы?

Меня посетила блестящая идея, и я сразу поделился с Ивой и Витькой.

— Если все эти Уроды и Лего — низшие ипостаси Единого, то прутся они, очевидно, как раз таки к Оку Ведьмы, где должна проявиться Главная Ипостась... — начал я, но Витька перебил:

— Предлагаешь идти за ними? Они и так на юг мигрируют.

— В какой-то момент мы их потеряем, — сказала Ива.

— А что, если поймать Урода и держать его... здесь, в машине? — предложил я. — Он будет рваться в нужном направлении, как стрелка компаса.

Витька уставился на меня.

— И как ты себе это представляешь?

— Сделаем что-то вроде клетки и...

— Слишком опасно, — сказала Ива. — К тому же, на него будет действовать Знак

Вечной Сибири. То есть “рваться” Урод будет не к Оку Ведьмы, а от тебя, Олесь.

От звука моего имени у меня по загривку пробежал электрический ток. Мне и раньше нравилось, как Ива произносит это слово, а сейчас, после нашей близости, оно приобрело новые интонации...

“Близость, сказал тоже! — подумал я. — Все-таки в том, что биобот настолько похож на настоящего человека, есть определенная проблема. Лучше бы Ива загрузилась в симбота вроде тех безликих солдат, что охраняли поместье Габриэля. Меньше бы отождествлялась с человеком”.

Из-за быстро подсевшей батареи (в горах расход энергии всегда выше) заночевали мы в ложбине между двумя горами. До избушки бабы Марины оставалось километров пятнадцать, как услужливо сообщил мой СКН.

Солнце за целый день успело высушить хворост, и мы в кои-то веки развели костер.

Далеко на фоне звездного неба носились Вампиры, которые тоже мигрировали на юг, хотя по их беспорядочным метаниям этого не понять. К нам никто из ночных существ близко не подходил.

Все это слишком расслабляло: постоянно бдительная Ива, мои Знаки, знакомая дорога. Мы и не подумали, что свет костра привлечет кое-кого иного, далеко не Погань.

Ива разбудила меня спустя час после того, как мы с Витькой завалились в палатку. Тронула за ногу, которая вылезла наружу, и я сразу проснулся. На мгновение я обрадовался: Ива снова хочет улучшить психологический климат! Но нет, дело было в другом.

— Кто-то приближается, — тихонько шепнула она.

— Уроды? — спросил я.

— Вероятно, люди. С двух сторон: вот с этого склона и с той стороны лощины.

— Окружают? Видно, наш костер заметили.

Я напряг магический сканер. Да, к нам подкрадывалось человек пять. Профессиональные воины или следопыты — судя по тому, что они не производили ни малейшего шума. Если бы не сверхчувствительные детекторы Ивы и мое В-чутье, об их приближении мы бы узнали в последний момент.

Луна пряталась за черным склоном, и наш лагерь находился в непроницаемой тени, в которой краснели уголья в кострище.

Я прихватил автомат, проверил “гришана” в ножнах на ремне, поправил шпагу. Затем дождался, когда самый шустрый следопыт приблизится на расстояние примерно двадцати шагов и громко сказал:

— Добрый вечер, гости дорогие!

— А? — донеслось из палатки.

Оттуда выбрался Витька в одних трусах и майке. Я старался на ночь не снимать штанов и не расставаться с оружием. В горах малость прохладнее, чем на равнине, и ночевать можно в полном облачении.

Витьке никто не ответил, зато на ближайшем склоне затрещали сучья. Подкрадывающийся человек больше не шифровался. Он широким шагом вышел из-за кустов и спустился к нам.

Вспыхнул свет сильного фонаря, и я сощурился.

— Вы кто такие? — раздался слегка ломающийся юношеский голос.

— Сперва сам назовись, — усмехнулся я.

Не спешил я его бить волшебной, пусть сперва проявит себя. Этот малец умеет подкрадываться; поглядим, умеет ли он вести переговоры. Наверняка и не догадывается, что мы знаем о близости других “следопытов”.

Человек направил свет фонаря на себя, осветив деревянную маску с прорезями для глаз и маскировку из зеленых нитей и прядей, имитирующих траву.

Мы с Витькой переглянулись. Знакомы нам эти ребята...

— Меня зовут Прохор, я из племени Свободных Лесных Людей!

— Серьезно? — Я так удивился, что почти не ехидничал. — Вы же себя Детьми Морока называли!

Прохор оцепенел на секунду.

— То в прошлом! — крикнул он и выхватил внушительных размеров саблю из складок маскировки. — Защищайся!

— Этаким Д’Артаньян, — добродушно буркнул я.

Очевидно, он рисовался перед дружками, показывая свою разухабистость. Или поспорил, что морально или физически раздавит чужаков. Нападал он только на меня, не сочтя Витьку и Иву за достойных противников. Короче, молодой балбес с избытком дури и недостатком ума.

Я выхватил шпагу и отбил саблю, не включая боевой режим. Чуть позже, правда, пришлось все же прибегнуть к услугам нейрочипа, ускоряющего реакцию, поскольку Прохор владел сабельным боем. Был он довольно бестолковый, этот его стиль, но у меня и такого не было, и я мог попасть под клинок.

Прохор не заметил в полумраке автомата на моем плече, который я повесил дулом вниз, или тупо проигнорировал, посчитав, что настоящий мужик должен сражаться тем же оружием, что и соперник. Очевидно, все же не приметил или вовсе не понял, что это такое. Так или иначе, я придерживал локтем левой руки автомат, чтобы не упал, а правой фехтовал.

Боевой режим и силушка богатырская позволяли без особых хлопот отбивать удары кривого клинка. Лезвие у моей шпаги уже, но толще, в поперечном разрезе в виде ромба. В целом шпага легче сабли, а центр тяжести сильно смещен к рукояти, что делает оружие удобным для скоростных атак. Отбивать же более тяжелую саблю сложнее, но если у тебя сила хлещет из всех пор, никаких сложностей не возникает.

Некоторое время я игрался с Прохором. Представилось несколько шансов проткнуть его, но я, разумеется, воздержался. Не такой я кровожадный маньяк-убийца, как может показаться...

Дружки изрядно вспотевшего и напряженно наскокивающего на меня Прохора весь наш короткий бой не давали о себе знать. Сдержанные ребята!..

Витька и Ива тоже молча и довольно расслабленно наблюдали за сражением. Вряд ли они беспокоились за меня. Скорее, за Прохора...

Ночь не мешала им насладиться зрелищем. У Ивы инфракрасное зрение, а Витьке хватало луны, выплывшей из-за горной вершины. Черная тень сползла с места нашего временной остановки, сжавшись под склоном.

Вскоре мне надоело это развлечение, и я вознамерился как-нибудь аккуратно долбануть Прохора, чтобы он тоже соскучился, но Ива меня опередила.

— Олесь, те, другие, достают стрелы! — негромко сказала она, потянув за собой Витьку под прикрытие вездехода.

Я мигом посерьезнел и насторожился, ругая себя за дешевые понты. Пока развлекался,

Витьку запросто ранили бы, а то и убили... Снова.

Я поспешно выбил саблю из рук Прохора, невольно вспомнив бой с Кирой при нашем первом знакомстве, и долбанул кулаком по деревянной маске, отчего та с треском развалилась надвое и свалилась куда-то в траву. Из-под маски выпали какие-то комочки, но мне было недосуг их рассматривать. Схватив потрясенного Прохора, я прикрылся им, как живым щитом. Витька и Ива к тому времени благополучно укрылись в вездеходе.

— Стоять! — заорал я.

Я держал свободной рукой Прохора так, что тату Глаза Урода глядело с предплечья аккуратно на четверых оставшихся следопытов, затаившихся в темноте.

— Ко мне!

Сразу появилась уверенность: волшебство действует не так, как обычно. Слишком слабо. Опять ее что-то блокировало, как в случае с шаманкой.

Неужели маски?

Все четверо, не пытаясь больше прятаться, вышли из кустов и темноты. В руках у них были зажаты огромные луки, за спинами торчали колчаны со стрелами. Мое В-чутье не различало мелочей, я “определял” лишь живых существ и — примерно — их настроение. Чтобы опознать оружие, одежду и украшения, потребовалось бы обычное зрение и хорошее освещение.

Четверо в нас не целились. И то хорошо.

Ослепительно вспыхнули фары нашей машины, осветив четверых следопытов в одинаковых мохнатых маскировках и деревянных масках. На пальцах самого ближнего блеснули перстни. Ива или Витька догадались включить освещение.

Я перехватил левой рукой автомат. Если не работает волшебство, сработает пуля.

— Что-то вы от рук отбились, товарищи Замороженные, — прорычал я. — На всех встречных нападаете от нечего делать, получается? Силушку молодецкую девать некуда? Разве мы вам жить мешаем?

— Это наши земли, — глухо произнесла одна из масок. Кажется, тот самый, с перстнями.

Прохор дрожал в моих объятиях, хлюпал разбитым носом, не пытаясь вырваться. Видимо, сражение с чужаком зародило в его тупой башке сомнение в собственных бойцовских качествах и вреде понтов.

— Ну, так мы их у вас не отбираем. Переночуем и поедем себе дальше. Стоит ли на всех гостей по ночам нападать?

— Стоит, — уверенно сказал ближний масочник. Его голос показался знакомым. — В Поганом поле или ты, или тебя.

— У меня автомат, — сообщил я. — А у вас стрелы. Значит, я должен сегодня перестрелять вас, чтобы вы отвалили? По-другому никак, да?

Масочники переглянулись. Прохор тяжело дышал, но когда я высказался про “перестрелять”, на минуту затаил дыхание.

На свет фар налетела мошкара, у меня возле уха противно зазвенел комар. После дождей их расплодилось в округе сверх всякой меры. Ночь оставалась тихой и мирной, тишину нарушали лишь далекие крики ночной птицы, а на фоне полной луны и звезд носились крылатые тени.

Наконец ближайший следопыт убрал в сторону колчан и медленно снял маску. У него было бледное худое лицо, покрытое испариной.

Я узнал этого белобрысого парня.

— Игорь?

Игорь, судя по всему, собирался сдаваться, услышав об автомате, или идти на переговоры. Когда я позвал его по имени, он прищурился — фары светили ему прямо в лицо.

— Олесь? Ты?

— Я! И Витька. Витьку помнишь?

— Как же вас обоих не помнить? Братцы, — обратился Игорь к спутникам, — уберите оружие, а ты, Прохор не дури... Этот балбес поспорил, что победит в дуэли чужака, — сказал он мне. — Дескать, на таких машинах только россы разъезжают, а они, мол, слабаки все. Хотя никто из нас россов не видал, только по слухам...

Я отпустил Прохора, и тот поспешил к своим.

Игорь и остальные, наоборот, зашагали ко мне. Я закинул автомат на плечо, но не расслабляться не спешил.

Впрочем, Игорь сам остановился, словно ударившись о невидимую стену.

— А ты изменился, — сказал он, всматриваясь в меня. — Бороду и волосы отрастил, как Отщепенец. И весь в рисунках. А шпага воеводы Влада, узнаю...

Я опустил на миг взгляд. Руки покрывали геометрические фигуры трех разных цветов, при свете луны выглядящие как полосы грязи разного оттенка. Вероятно, попытки применить волшебство каждый раз вызывали к жизни этот боевой раскрас. В бою это окажет на противника деморализующее воздействие, что само по себе хорошо. Или подскажет, когда я намерен атаковать, — и это плохо.

— Вы тоже изменились, — сказал я. — Дети Морока. Воинственные стали не в меру.

Игорь бесцеремонно отпихнул Прохора с дороги.

— Маску с ведьмовскими мешочками посеял, да? — отчитал Игорь подчиненного. — Давно надо бы все эти идиотские дуэли отменить. Придумали тоже! Вроде как посвящение в рыцари, а на самом деле петушиный азарт. Без маски любой ведун тебя одурманит.

Его слова натолкнули меня на идею. Я как бы невзначай направил на Прохора предплечье со Знаком Урода.

“Чихай!”

Прохор закатил глаза, зажал нос и беззвучно чихнул, как и следует каждому уважающему себя следопыту. Интересно, а пердят они тоже беззвучно? И как этому научиться?

Я переключился на Игоря:

“Вели остальным снять маски!”

— Снимите маски, братцы, — проговорил Игорь. — Это друзья, а не враги. Именно Олесь убил Морока, и после этого наша жизнь изменилась.

Он широко улыбнулся мне.

— Своим умом живем! — радостно провозгласил он. — Хватит с нас Мороков. У нас сейчас Совет Старейшин, и я в него вхожу, хоть и не стар... Название такое. А эти мои спутники — из других деревень, они о вас только от других слыхали.

Дверь вездехода раскрылась, и оттуда вылез Витька.

— Проблемы решаете голосованием? — уточнил он.

— Ага!

— А как насчет мнения тех, кто в Совет не входит?

— Их тоже слушаем, но не всех. Некоторые... э-э-э... туповатые, чтоб их слушать... Как

вот Прохор, например! — Игорь хохотнул. — Ему лишь бы подраться!

— А как вы определяете уровень интеллекта?

Игорь озадаченно нахмурился.

— На глазок, как я понимаю, — вместо него ответил я.

Следом за Витькой из кабины грациозно выбралась Ива, и все бывшие Замороженные и нынешние Свободные Лесные Люди вылупились на нее.

Не обращая на это внимания, Ива спокойно сказала:

— Вряд ли у этого примитивного сообщества есть четкие критерии по определению уровня интеллекта. Кроме этого, уровень интеллекта — понятие очень расплывчатое и неоднозначное. Чтобы решать проблемы социума, нужен еще и опыт многих поколений и умение прогнозировать, учитывая множество факторов.

— А с этим даже умбот на сто процентов не справится, — подхватил я, припомнив наш разговор об ИИ Республике Росс.

Игорь недовольно уточнил у Ивы:

— Кого ты назвала примитивными? Ты кто такая, а?!

Он выглядел крайне возмущенным в своей маскировке из зеленых лохмотьев, похожих на траву, с луком и стрелами и деревянной маской в свободной руке. Ива слегка повернулась к нему. Игорь запнулся и договорил:

— ...красавица?

И глупо заулыбался.

Я поджал губы совсем как Витька.

— Мы тут кое-кого ищем, — перешел я к делу. — Дикое племя, поклоняющееся луне. Слыхали о таком?

— А как же? Слыхали. Кочуют в предгорьях к югу отсюда. Они леса не любят — из-за деревьев их любимую луну не видать.

— Нельзя ли поточнее? Как их найти?

Игорь почесал белобрысый затылок. Его соратники таращились то на меня, то на Иву и Витькой, то на Игоря. Это были совсем молодые ребята, салаги чуть старше Витьки.

— Поточнее? Наверное, о том знают другие...

— Какие другие? Ваши деревни?

— Не. Это другое племя, Вечному Огню поклоняются. Дурное племя, надо сказать любят сжигать все подряд... Если б наши леса не были столь сырыми, сгорело бы все дотла... Это они так жертву своему богу приносят.

— Огнепоклонники? — уточнил я, хотя и так было понятно, о ком речь. — Вот же ж зараза...

Той ночью мы с Витькой спали мало. На рассвете, пока было прохладно, я сел за руль, и мы тронулись в путь в поисках агрессивной родни Киры.

Дети Морока — точнее, Свободные Лесные Люди — накануне ночью постарались объяснить дорогу настолько тщательно, насколько это возможно. Игорь приглашал в деревню погостить, но мы отказались, сославшись на занятость. Как-нибудь потом...

Тогда Игорь предложил волосяные узелки, которые его соплеменники прятали под масками для защиты от волшбы и Погани. Мы не отказались, хотя у меня имелось в арсенале оружие поэффективнее. Посторонним, пусть и дружественным людям, знать об этом не обязательно.

Я полюбобпытствовал, откуда у Игоря кольца. Он ответил, что снял их со скелетов, регулярно материализовывающихся в Ведьминых Кругах. Об этих скелетах толковала покойная Настя. Я задумался: выходит, волшебство сохраняется на артефактах, которые можно передавать людям без магических способностей? И откуда берутся эти скелеты?

С Лесными людьми мы попрощались по-дружески. Я поймал себя на мысли, что доволен присутствием в здешних лесах дружелюбного к нам племени. С ними можно будет организовать дипломатические отношения, когда...

Но об этом рано думать.

...Мы медленно ехали по пересеченной горной местности на восток. Я постоянно сканил окружающее пространство, чтобы не прозевать Огнепоклонников. Это не такие товарищи, чтобы церемониться с незваными гостями: они на дуэль вызывать не станут — тупо закидают стрелами, и все. Я прикинул, что у них в стойбище должен гореть Вечный Огонь, а дымок от него должен быть виден издалека.

Пока я старательно крутил баранку и всюду прощупывал В-сканером местность, Витька завел разговор о реформах в племени Игоря.

— Они всю жизнь были замороженными, — говорил Витька, повернувшись на переднем сидении задом наперед. Ива по обыкновению сидела позади. — Ну, не всю жизнь, но долго. Способность принимать самостоятельные решения у них должна атрофироваться. Отсюда все эти ночные дуэли со всеми встречными-поперечными.

— Просто напомню, — вмешался я в этот монолог, — что они и раньше были воинственными. Даже в замороженном состоянии. Помнишь, как Отец Морок их призывал на войну с Отщепенцами?

Витька помолчал, подумал.

— А как ты думаешь, Игорь их сейчас сам не морочит? На правах нового Отца Морока?

Я не ответил, старательно объезжая глубокую рытвину на каменистой дороге. Вездеход плавно покачивался на огромных колесах, как корабль. Было еще раннее утро, но солнце жарило нешуточно.

— Кольца-то только у него были, заметил? — добавил Витька.

Я кивнул немного с мрачным видом. Кольца я заметил. Но то, что они были только у Игоря, — нет. Игорь при нашей первой встрече показал себя не с самой лучшей стороны. Задиристый был, противный, властолюбивый. Смерть Насти и Морока его вроде бы изменила, и я увидел его человеческое лицо. Но ведь люди так просто не меняются. Если Игорь занял престол Морока, а это очень похоже на правду, то плохо дело.

Почему плохо? Я затруднялся объяснить это самому себе.

Зато на незаданный вопрос ответил Витька:

— Народ не может стать внезапно свободным, если ему так долго засерали мозги. Нет у них никакого Совета Старейшин. А если и есть, то фиктивный, для галочки. Всем наверняка управляет этот Игорек.

У меня вдруг нашелся контраргумент:

— Игорю тоже засерали мозги всю жизнь! Но он ведь остался самостоятельным, не так ли?

— Это исключение, — отмахнулся Витька. — В любом обществе всегда найдется лидер. Что-то в его жизни такое случилось, что он научился брать на себя ответственность за важные решения. Например, сиротой остался, безотцовщина какая-нибудь, а мама старенькая и сестренка маленькая...

— Если лидерство — качество не врожденное, значит, лидеров можно воспитывать...

— Конечно. Если есть соответствующий социальный институт. Сомневаюсь, что в деревнях Замороженных он есть.

— В любом случае у них произошли реформы, — сказал я. — И болото зашевелилось. А реформы не произошли бы, если б я не завалил того гада.

— Ты молодец, — усмехнулся Витька.

— Я не себя хвалю! — рассердился я. — Неважно, кто кого завалил. Главное: без пертурбаций не было бы реформ.

Позади раздался нежный голос Ивы:

— Ты прав, Олесь. Стабильное общество всегда приводит к кризисам, поскольку жизнь не стоит на месте, и между вызовами времени и возможностями общества увеличивается разрыв. В Республике Росс реформы и изменения являются частью ее стабильности.

— Ты уже об этом говорила, — вспомнил я. — Это как?

— Очень просто. В обществе россов налажен механизм реформ и изменений. А самое важное, к этому привык народ. Ты должен помнить, что в Скучном мире в некоторых странах президента избирали через короткие промежутки времени. И смена правительства никого не потрясала. Тогда как в странах, где правили пожизненные правители, смерть владыки или насильственное отстранение всегда потрясали страну до самого основания.

— Было такое... Кажется.

— Истинная стабильность кроется в динамичности и изменчивости, ага, — поддакнул Иве Витька.

После этого все замолчали. Дорога стала настолько отвратительной, что даже разговаривать пропала охота. Я крутил руль и думал, что править — просто за пределами сложно. Смастеришь “стабильное” общество — рано или поздно “рванет”. Допустишь общество динамичное — перестанешь контролировать ситуацию. Что делать? Легче всего, конечно, вот так сидеть и критиковать правителей, а им-то реально несладко порой. И об этом почему-то никто не думает.

Мы сильно отклонились на восток. Когда мы с Кирой ездили на русском гравитационном поезде, то выяснили, что Попо тянется на восток на многие тысячи километров и непонятно, где заканчивается. И населено редкими дикими “карго-племенами”.

Мой В-сканер пока помалкивал, а дыма от Вечного огня нигде не было заметно.

“Можно ли прятать Вечный огонь? — задался я вопросом. — Есть бездымные костры, но реально ли смастерить вечный бездымный костер?”

В конце концов постоянный дым привлекает внимание, а у Огнепоклонников полным-полно врагов. Или сородичи Киры и Бориса настолько уверены и сильны, что не страшатся врагов?

Зато В-сканер улавливал поток внимания сверху, с орбиты. Ива-1 следила за нами, это как пить дать. Сейчас небо чистое, никаких облаков. Но она не пыталась выйти на связь, мой допарт Умбота на внутреннем экране был неактивен. Значило ли это, что я делаю все, как выгодно Габриэлю и прочим Кураторам, несмотря на отклонение от маршрута? Вполне.

Влажные тропические леса малость поредели. Стало больше открытых пространств, горы встречались низкие и пологие. Ландшафт тем не менее был красочный и живописный. Наверное, не в последнюю очередь из-за полного отсутствия Человека Разумного.

У Огнепоклонников есть лошади и прочий скот, продолжал я раскидывать умишком.

Этакие воинственные горцы-скотоводы. Вблизи от их горных кишлаков должны пастись стада. Но стада нам не встречались.

В первый день мы так никого и не обнаружили: ни Огнепоклонников, ни Аннитчиков, ни прочих людей. Край вокруг расстилался совершенно безлюдный и дикий. Заночевали мы в горах, в живописнейшем местечке с видом на зеленую долину, возле ручья, стекавшего со скалы и впадавшего в небольшую речку. Вечером здесь поддувал свежий ветерок.

Ночью попрыскал дождик, но быстро закончился.

Весь второй день мы упорно ехали дальше на восток. Несколько раз приходилось возвращаться и искать другую дорогу, не обрывающуюся над пропастью или крутыми берегами реки.

А на третий день горы вдруг закончились, и перед нами распростерлась бескрайняя желто-зеленая равнина. Степи Отщепенцев...

За эти три дня с Витькой пару раз приключились видения. Без какой-либо конкретики: ни крови, ни Знака, только невнятное ощущение близящейся катастрофы.

К вечеру третьего дня мы нашли стойбище Огнепоклонников на пологом склоне долины у реки. Сначала я уловил наличие искусственных построек В-сканером, затем кибитки увидела Ива, а потом высмотрел и Витька.

Склоны долины иссекали многочисленные узкие тропинки, протоптанные скотом. Издали они казались извилистыми морщинами на зеленом фоне. Колеса вездехода несколько раз наехали на здоровенные кучи коровьего дерьма.

Чтобы не попасть в засаду, мы остановились за хребтом. Я пошел, вооруженный автоматом, на разведку в одиночестве. Витька, в отличие от киношных подростков, которые вечно лезут, куда не просят, без всякого препирания остался в кабине вместе с Ивой.

Я прокрался вдоль верхнего края склона так, чтобы меня не спалили из стойбища, но уже на половине пути убедился с помощью чутья, что в селении нет ни движения, ни ощущения живых существ.

Все же рисковать зря не стал. Огнепоклонники тоже могут иметь защиту от волшбы и чутья, как бывшие Замороженные товарищи. Я спустился вдоль ручья, заросшего густым кустарником, и в самом низу наткнулся на дохлую лошадь. Она пролежала много дней, от трупы остались торчащие ребра и куски шкуры, по которой ползали зеленые мухи. Ее капитально обглодали Уроды и обклевали стервятники.

Стойбище состояло из нескольких десятков кибиток на колесах и с оглоблями. Когда-то на таких конных фургонах покоряли Дикий Запад brutальные переселенцы со своими семьями и кочевали по всему свету цыгане. Фургоны были сколочены из арматуры, досок и крепкой ткани. Многие кибитки были сожжены дотла. Кое-где валялись лошадиные скелеты — тоже изрядно сгоревшие.

Я перестал красться и зашагал не таясь. Стойбище было разрушено, а его обитатели убиты — человеческие трупы валялись то здесь, то там, вперемешку с лошадиными. От них остались только кости, обрывки одежды и волосы. Мелкий и крупный рогатый скот, очевидно, угнали, а лошадей убивали только тех, на которых сражались Огнепоклонники, и не убить которых в пылу схватки было сложно.

По обрывкам одежды в виде плащей красноватого цвета было ясно, что это именно Огнепоклонники.

В центре стойбища в окружении кольца из валунов чернело пепелище — потухший Вечный Огонь. Огнепоклонники поддерживали в нем пламя днем и ночью, подбрасывая

дрова. Вся дровница сгорела подчистую. У Вечного огня валялся шест с флагом, на котором красовался Знак огня, похожий на трезубец.

Я ходил туда-сюда, поглядел на трупы мужчин, женщин и детей. При этом испытывал довольно сложные и противоречивые чувства.

Если судить по Борису и тому, что рассказывала Кира, Огнепоклонники получили привет от кармы. Жестокое племя, обожающее сжигать заживо своих врагов, в итоге само было сожжено. Неведомые убийцы не пожалели никого.

С другой стороны, если мы с Кирой поженимся, то я сейчас разгуливаю среди останков своей родни! Лежат ли здесь близкие родственники Киры? Неизвестно.

Я лишний раз поразился тому, в какой среде приходилось жить Кире. Сколько ей понадобилось сил, чтобы убежать отсюда и жить одной в заброшенном Князьграде-1? Раньше я как-то не задумывался о том, что Кире по-настоящему пришлось пережить. Постоянно занимался своими делами, а Кира прошлое вспоминать не любила и не жаловалась.

Благодаря стараниям Уродов на трупах почти не осталось плоти, и гниением почти не пахло — одной гарью.

Я обошел все стойбище и вернулся к Вечному Огню. Делать здесь нечего, а ниточка, ведущая к лунопоклонникам, обрывается. Мы, по сути, зря проделали весь этот путь.

В голову пришла мысль, что придется рассказать об этом Кире. Потом явилась еще мысль: у Огнепоклонников может быть не одно селение, и не факт, что вот это пепелище — то, что осталось именно от родственников Киры. На всякий случай я решил прихватить с собой флаг — вдруг Кира определит, какому именно роду-племени принадлежит это полотнище? Что-то подсказывало, что Кира не будет слишком скорбеть. Она давно порвала со своими корнями.

Я оторвал флаг от древка и свернул в рулон. Пока занимался этим, на глаза попала картинка, нацарапанная, судя по всему, ножом на древке. Я пригляделся и приподнял брови. Знак Вечной Сибири?

Сунув рулон подмышку, я пригляделся внимательнее. Так и есть, Знак Вечной Сибири, нарисованный хоть и плохо, но вполне отчетливо. Спутать с чем-то другим затруднительно.

Это как понимать? Здесь побывали сибирейцы и сожгли Огнепоклонников? Или у Голованова есть секретные подразделения, которые выполняют спецпоручения в Поганом поле? А убить они хотели — чем черт не шутит? — нашу команду, поскольку Голованов отошел от моего гипноза, но солдаты столкнулись с агрессивными Огнепоклонниками и убили всех?

Так, стоп, Олесь, не гони лошадей. Зачем тогда секретным подразделениям выдавать себя, рисуя этот Знак?

“Всегда найдется какой-нибудь балбес, который захочет написать на заборе или древке свое имя”, — подсказал внутренний голосок.

У меня волосы на загривке встали дыбом от всех этих соображений. От Вечной Сибири я никаких подлостей не ожидал, но удар может быть нанесен откуда не ждали.

Но что делали сибирейцы (если это они) так далеко на востоке от дороги на юг?

Я усилил действие В-сканера до максимума, выжимая из него весь потенциал. И уловил шевеление жизни у самой реки. Человеческой...

Я спустился к каменистому берегу, пролез сквозь жидкие заросли камыша и опустился на корточки перед лежащим в прибрежной грязи человеком.

Это была женщина средних лет, еле живая. Рана на ее боку загнила и смердела, вокруг нее носились мухи. Лицо измазано грязью и кровью настолько, что не различить отдельных черт внешности. Одежда превратилась в лохмотья. Она смотрела на меня равнодушно и безучастно.

Жизнь в ней была упряма и слаба, и я бы ее не почувствовал, если бы не сделал усилие.

— Кто это сделал? — спросил я. — Кто? Кто всех убил?

— Уб... — выдавила женщина, еле шевеля запекшимися губами. Я сомневался, что она меня видит своими заплывшими глазами. — Уб... уб...

— Убили? Кто убил?

Она издала шипящий звук, словно из нее выпустили воздух. А еще это было похоже на смех: “Хххаааа...” Отекшее, синее от ушибов лицо расслабилось, но мой В-сканер сообщил, что жизнь из нее не ушла, упорно цепляясь за плоть. Сколько дней она тут прячется, мучаясь от ран? И почему ее не тронула Погань?

Была еще баба Марина, в девичестве заплутавшая в лесу и забеременевшая от Урода. Погань ее не сожрала, потому что попользовалась. Волки, говорят, тоже не убивают сучек, если встретят в чистом поле, тогда как кобелей разрывают на куски без церемоний. Сколько раз попользовались этой умирающей беднягой?

— Уб... — снова сказала женщина. — Убей!

Я постоял мгновение. Потом взял шпагу, тщательно прицелился и проткнул горло.

Спустя минут десять я вернулся к вездеходу с оформившимся решением. Но сначала надо известить спутников.

— Допрыгались, получается, наши Огнепоклоннички-то, — пробормотал Витька. Он не злорадствовал, просто констатировал факт. При этом усиленно размышлял о чем-то. Я рассказал обо всем, что увидел, кроме той выжившей, которую я самолично уколошил. — Теперь неизвестно, где искать этих Аннитчиков... Никто их не видел...

— Кое-кто видит все, — сказал я, показав пальцев вверх.

Витька вздернул светлые брови. Наверняка подумал, что я имею в виду всевышнего. Но Ива сразу сообразила, о ком речь.

— Это опасно, — сказала она.

— А что для нас сейчас не опасно? — заворчал я. — Раз уж жизнь рискованная, надо рисковать. Пора поговорить с нашим заклятым другом, Ивой-1.

Я мысленно сосредоточился на интерфейсе и “нажал” на иконку Знака Умбота.

Глава 4. Во имя Прекрасной Аннит

— Рада тебя видеть, Олесь, — сказала Ива-1, когда ее образ проступил на интерфейсе. В груди екнуло: я привык любоваться Ивой в теле биобота и совсем забыл, как выглядит виртуальный аватар после Черной ночи Умботов. Ива-1 внешне отличалась от моей спутницы, хотя в целом они были похожи, как у родные сестры. Однако от Ивы-1 (или мне мерещилось?) исходила угроза. У нее были чуть более светлые волосы и пристальный, жесткий взгляд.

— Привет, — сказал я. Не опустился до вранья, что тоже рад ее видеть. Ни хрена я не был рад.

— У тебя есть вопросы ко мне?

— А ты ответишь?

— Зависит от вопроса.

Я поколебался:

— Как себя чувствует Кира?

— Кира чувствует себя хорошо, — без запинки сказала Ива-1. Искусственный интеллект сложно, если вообще реально, поймать на лжи. Ива-1 не моргнет, не сделает паузы, и голос у нее не дрогнет. — Целыми днями просиживает в Сети. У нее уровень доступа Солагги. А это выше Слэвина. Мы проявили к ней доброту и повысили уровень.

“А по мне она скучает?” — чуть не вырвалось у меня.

Но я сдержался.

— Покажи мне ее! — потребовал я, но Ива-1 покачала головой:

— Извини, это запрещено.

— Кем? — разозлился я. — Габриэлем?

— Советом Кураторов.

— Для чего? Вам что, жалко, если я увижу Киру?

— Совет считает, что относительно Киры ты должен находиться в... подвешенном состоянии, — доверительно произнесла Ива-1. — Ты не должен быть ни в чем уверенным на сто процентов. И не должен быть самоуспокоенным. Ты должен быть голодным псом, который, как известно, сторожит лучше. Такое состояние будет мотивировать тебя на достижение целей. Но не сомневайся: Кира в безопасности. И в безопасности до тех пор, пока ты не совершишь глупостей.

У меня сами собой раздулись ноздри. Твари! Значит, шантаж?!

— О каких целях речь? — выкрикнул я, кажется, вслух, хотя беседа с умботом проходила мысленно. Я не стал отвлекаться на внешний мир. Ива и Витька поймут, в чем дело, если я начну орать в пустоту.

— Полагаю, ты в курсе, — ответила Ива-1. — Твоя цель — сбор допартов.

— Так, — сказал я. — А что насчет победы над Единым?

— Это тоже важное дело, — уклонилась Ива-1 от прямого ответа.

Давить на нее и требовать четкого ответа бессмысленно. Если она не отвечает, значит, это запрещено Кураторами. Она даст ровно столько информации, сколько я должен получить по мнению этих вонючих интриганов. Ладно, оставим этот момент на потом...

— Ты наблюдаешь за нами, Ива?

— Конечно.

— И видишь все Поганое поле? Где находятся сейчас Лунопоклонники? Ты знаешь, кто они такие?

— Да, да и да.

— Покажешь дорогу?

Ива-1 помолчала секунду. Выражение лица совершенно не менялось, в отличие от моей персональной Ивы-2, пока та жила лишь на интерфейсе моего нейрочипа.

По всей видимости, вопрос застал Кураторов врасплох, и Ива-1 советовалась с ними.

— Да, — наконец сказала она.

Я обрадовался. И тут меня осенила одна идея:

— А ты знаешь, где расположено Око Ведьмы? Что это за объект? И слышала ли ты с двух сестрах, которые будут в танце с самими собой?

— Это что-то из мифов и легенд диких северных племен. Об этом известно умботу секции Грин. Но я не могу его спросить.

— Почему?

— Запрещено Кураторами.

Я громко и вслух высказался по поводу того, кто такие эти Кураторы и что именно и куда надо им засунуть, чтобы я почувствовал себя счастливым.

— И почему я уверен, что Кураторы действуют незаконно даже по меркам Росс? — добавил я ядовито.

— У Росс нет никаких “мерок”, кроме повсеместного запрета на насилие — за исключением Секции Содом, да и то с согласия всех сторон. Кураторы действуют законно в рамках своих Секций. Не забывай: ты и Кира — не граждане Росс, поэтому по отношению к вам не приложимы все права нашей Республики.

Я сменил тему:

— Хорошо. Ладно, черт бы вас всех драл. Если я начну искать Око Ведьмы, то это будет правильно? Или вы сочтете мои поиски глупостями? Я должен знать правила игры. Я собираюсь уничтожить Единого, а следовательно, и все Поганое поле. Кураторы не против этого начинания?

Неподвижное лицо Ивы-1 вдруг расплылось в умильной улыбке.

— Они будут только рады этому!

Значит, подумал я, они не на стороне Единого. А на меня смотрят, как на оружие, а не только как на собирателя допартов.

— На каких условиях вы отдадите Киру? — спросил я напрямик. Сердце болезненно сжалось.

— На условиях твоего возвращения в Республику Росс, — отозвалась Ива-1.

Собственно, ничего другого я и не ждал.

— Будете проводить на мне опыты?

— Мы извлечем из тебя допарты. Причем максимально безопасным для твоего здоровья способом.

Я усмехнулся.

— Ты сейчас врешь, да?

— Я говорю правду.

— А кто определяет критерии правдивости?

Ива печально улыбнулась. Но взгляд оставался холодным и равнодушным. Боже, что с

тобой сделала Черная ночь?

— Кураторы, — коротко ответила умбот.

То, что она сказала, включая информацию о Кире, могло быть бесстыдным враньем, направленным на дальнейшую манипуляцию мной и моими друзьями.

Я мрачно произнес:

— Показывай дорогу до Лунопоклонников, Ива Один.

После того, как умбот скинула мне на нейрочип виртуальную карту, я получил возможность лицезреть объемные светящиеся стрелки, указывающие дорогу, и карту на несколько километров вперед. Карта “работала” и при выключенном допарте Умбота — то есть в моем распоряжении была оффлайн-карта. Я попытался “подвигать” карту, чтобы определить ее границы, но особо ничего не вышло. Карта не загружалась сразу вся, а проявлялась по мере моего перемещения по Поганому полю. Не знаю, специально это сделано или нет.

Я открыл глаза, сидя в кабине вездехода. На меня во все глаза таращился Витька. Позади неподвижно застыла Ива-2, добрая и куда более человечная, чем ее “прародительница”.

За стеклами машины сгущались сумерки. В горах темнеет быстро. Полумрак кабины рассеивали светящиеся приборы на панели управления.

— Что она сказала? — нетерпеливо спросил Витька.

— Дала карту к аннитчикам, — лаконично сообщил я. — Что такое Око Ведьмы и танец двух сестер, не знает, а спрашивать других умботов не станет: Кураторы запретили. Нам она пока мешать не будет, мы все делаем правильно. То есть играем на руку Кураторам. Искать Единого и убивать его — тоже правильно.

— Но и помогать они не планируют?

— Нет.

— Сволочи эти россы все-таки! — в сердцах выпалил Витька. — Только и умеют, что чужими руками каштаны из огня таскать, блин!

Я незаметно вздрогнул при упоминании огня. Вспомнил сожженную деревню и ту бедолагу в речном иле. Наверное, уже сейчас Уроды поедают ее тело...

Я кивнул:

— Кира в порядке... Так сказала Ива-1. Если не обманывает.

С заднего сидения голос подала Ива-2:

— Ей нет смысла обманывать.

Внезапно для всех, включая самого себя, я заорал:

— Почему тогда они ее мне не показали? Что им мешает прикончить ее и водить меня за нос? У них нет ни чести, ни совести... Твари они конченные, Уроды паршивые!

Я умолк. По кабине будто прошла вибрация от моего крика. Витька захлопал глазами, а я лишь сейчас понял, насколько переживаю о Кире.

Ива мягко сказала:

— Я согласна с тобой насчет чести и совести. Но у всех россов есть правила, которым они подчиняются на уровне подкорки. Просто так убивать они не станут, поверь. Этот поступок не имеет смысла и не несет пользы. И если дойдет до Секуляров, у Кураторов возникнут большие проблемы, независимо от их статуса в обществе и уровня иерархии. Насилие в Росс запрещено, кроме случаев обоюдного согласия жертвы и насильника на территории Секции Содом. Самое дурное, что может произойти с Кирой — это то, что ее

запрут под замок без доступа в Сеть.

Я постарался успокоиться. Получалось неважно. При свете приборов панели видны были на коже рук цветные геометрические линии. Они вспыхнули на мне, как на хамелеоне, стоило возбудиться и занервничать.

Витька задумчиво проговорил:

— Кстати, о Секулярах... А что, если как-то выйти на них и сообщить о гнусных делишках Кураторов? В Росс ведь ничего не делается без одобрения большинства, верно? Росс — как дитя у семи нянек и без глазу. Нам бы использовать эту их разрозненность, а? Поднять шум, дать интервью местным блогерам и журналюгам, объявить себя жертвой, поканселить Кураторов. И еще там есть Либеряхьюмы, да? Словом, нужно предать дело огласке. Как известно, зло не выносит света.

Я задумался. Затем сказал:

— Россы не будут париться из-за какого-то Слэвина из Попо. Чтобы с тобой считались, надо получить гражданство.

— Габриэль обещал тебе гражданство, — напомнил Витька.

— И насвистел, скорее всего!..

Замолчали. Вокруг нашей машины и горных вершин кружилось звездное небо.

— Ладно, — сказал я наконец. — Обмозгуем позже. Спать пора. Но идея насчет Секуляров и Либеряхьюмов очень неплохая. Наверное, только так мы и осилим этих засранцев...

Утром четвертого дня мы поехали на горам, ориентируясь по моей новой карте. Витька высказал мнение, что с Ивы-1 станется дать нам фальшивую карту, чтобы завести в такие дебри, откуда и на карачках не выползешь, но ни Ива, ни я его пессимистическое предположение не поддержали. Зачем Иве-1 заводить нас в дебри, подобно Сусанину? Витька не спорил — он высказался на этот счет скорее по привычке везде видеть ловушки. И я его понимал.

На моем интерфейсе плавали слабо светящиеся, но отчетливо различимые стрелки, указывающие дорогу, так что заблудиться было нереально. Карта показывала новые территории по мере нашего перемещения по Поганому полю. Почему Кураторы не захотели продемонстрировать нам все Попо? Что-то как обычно скрывали, черти проклятые.

Стрелки показывали самую удобную дорогу и ни разу за весь день не привели в тупик. Я расслабился. Насчет Киры тоже успокоился. Жива и здорова Кира, убивать или терзать ее у Кураторов нет резонов.

Снова, как когда-то давно, накатило блаженное и расслабленное настроение. Я опять начал испытывать кайф от путешествия с другом Витькой и прекрасной девой, которая всегда в хорошем настроении.

Два дня мы ехали вслед за стрелками на юго-запад. Болтали о том, как будем править в Вечной Сибири, когда все закончится; как я назначу Витьку “государственным нарратором” — это такой он придумал себе титул. Витька собирался вдохновлять народ, нести основную функцию главного идеолога в стране и объяснять людям, для чего они живут и умирают. Я бы назвал нарратора пропагандистом, но Витька сказал, что между этими двумя понятиями есть тонкая, но конкретная разница. Пропагандист, как проститутка, вещает то, что ему спустили с виде “методички”, а нарратор следует последовательной и неизменной идеологии.

Дальше наша беседа углубилась в пучины общественных идеологий, и я стал терять нить разговора. Все эти политическая и философская заумь мне никогда не нравилась, а Витька от нее тащился. Даже страшно представить, кто из него вырастет.

Лунопоклонники, как выяснилось на исходе второго дня езды по карте, с комфортом расположились в уютной круглой долине, похожей на древний кратер. На дне кратера блестело озеро в форме полумесяца. Я сразу подумал, что это местечко выбрано аннитчиками именно из-за этой формы. Хотя, надо признать, место для житья неплохое: чистая, вода, ручьи, много зелени и небольшие куски пахотной земли. Своего рода небольшой рай на земле. И почему отсюда сбежала Мальва со своей шоблой?

На самых высоких участках по периметру кратера чернели человеческие фигурки — дозорные. Это удивляло. Край абсолютно безлюдный, к чему охрана? Огнепоклонников боятся? Ну, так больше их бояться не следует.

Хотя, конечно, сгоревшая деревня, по всей видимости, не единственная из племени бешеных пироманов.

Фигурки задвигались, забегали, и я без подсказки В-сканера догадался, что нас срисовали и спешат выяснить, кто пожаловал. Одна фигурка помчалась в кусты вниз по склону — докладывать в центр принятия решений. А трое поспешили напрямик к нам.

Я “припарковался” в сухой лощине, свободной от деревьев и кустов, и мы принялись спокойно ждать приближения пограничников.

Я оглядел их издали. Из оружия — луки и стрелы. На поясе болтаются какие-то черные лохматые шары размером с кулак взрослого человека. Одеты граждане лунопоклонники были в просторные рубахи из грубой ткани и такие же штаны. Вместо пояса — скрученная в жгут материя.

Витька, который тоже не спускал с приближающихся фигур глаз, пробормотал, потирая грудь, куда когда-то вонзилась стрела Бориса:

— Не нравятся мне эти их стрелы. И бомбочки на поясе.

— С чего ты взял, что это бомбочки? — удивился я.

— Прикидываю наихудший вариант. Зачем им таскать простые камни? На болас не похоже...

— На че?

— Метательный инструмент. Чтобы кидать под ноги лошадям или людям и спутывать ноги. Веревки слишком короткие для болас.

— Резонно...

— Зачаруй их и спроси о двух сестрах!

Я кивнул и приготовился колдовать, когда вмешалась Ива:

— Под воздействием волшбы есть риск, что у них снизятся когнитивные способности. Я наблюдала за тем, как ты, Олесь, зачаровываешь людей, и анализировала полученные данные. Есть не равная нулю вероятность, что они дадут не вполне адекватные сведения.

— И что ты предлагаешь? — спросил я, наблюдая, как дозорные приближаются, держа заряженные луки наготове.

— Попытайся поговорить с ними для начала обычным образом, без подавления воли. И без физического насилия. Мы ведь хотим добыть информацию, а не просто заставить сделать что-то. Я выйду и поговорю с ними. Есть шанс, что они не станут атаковать красивую девушку.

Я покосился на Иву. Про красивую девушку она упомянула без намека на

самодовольство или кокетство. Просто констатировала факт, что внешность биобота приятна глазу обычного человеческого самца.

— У меня есть идея получше, — сказал я.

И решительно выбрался из машины с поднятыми руками.

— Во имя Прекрасной Аннит — не стреляйте! — заорал я.

Не потребовался В-сканер, чтобы воспринять волну шока от дозорных. Все трое остановились в десятке шагов от меня чуть выше по склону. Один из них прятал правую руку за спиной, в левой держал огромный лук. У второго нижняя часть лица была обмотана выцветшей на солнце синей тряпицей. Третий дозорный ничего не прятал — ни руки, ни лицо. Он был кудрявый и смуглый, с живыми и добродушными карими глазами.

Он-то и заговорил:

— Брат! Ты поклоняешься Прекрасной Аннит?

Я кивнул и с придыханием истинного фанатика уточнил:

— Единственно истинной богине, лучше которой... э-э-э... нет других богинь!

В моей фразе логикой и не пахло. Если Аннит единственная, то о каких других богинях речь? Но с фанатиками и не такое прокатит, если хвалить их паноптикум.

Собственно, любой другой человек отнесется к вашим словам с большим доверием, если говорить то, что он желает слышать. Беда в том, что большинство людей предпочитают спорить и противоречить, пропихивая собственное драгоценное мнение.

Просто в случае с религиозными фанатиками заранее ясно, что именно они хотят слышать.

— Воистину! — завопили все трое.

Тот, что с закрытой рожей, промычал что-то невнятное, но, кажется, то же самое.

Прячущий руку поинтересовался:

— Откуда ты, странник? Ты росс? Это повозка — из Республики Росс?

Я бросил взгляд на “повозку”, где сидели Ива и Витька, внимательно следящие за тем, как разворачиваются события. Потом глянул на мохнатые гроздья на поясах дозорных. И все-таки, что это за диковина? Будто сделано из кожуры черных кокосов. Если внутрь насыпать пороха вперемежку с дробью или крупную картечь...

— Мы — путешественники из Республики Росс, — отрекомендовался я. Лучше выдавать себя за россов. Аннитчики мигрируют в Республику, значит, высокого мнения о россах и не видят в них врагов. А вот у Отщепенцев в Поганом поле репутация неважная. Как и у Огнепоклонников. — Однажды я, моя супруга и сын встретили переселенцев из Поганого поля и услышали о Прекрасной Аннит. С тех пор мы — ее верные последователи.

Дозорные проглотили и этот пафосный бред. И никого не смутило, что Витька слишком взрослый для такого молодого папаши, как я. Наверное, моя патлы и борода прибавляли возраста, а худоба Витьки, наоборот, убавляли.

Двое дозорных расплылись в улыбках. Тот, что с закрытой физиономией, кивнул, и взгляд его смягчился.

— Как зовут того, кто обратил тебя в истинную веру, брат? — спросил тот, что заговорил первым и ничего не прятал. Я назвал его про себя спикером.

— Мальва.

Все трое переглянулись.

— Мы знаем эту достойную женщину, — сообщил спикер. — Как она устроилась в Республике?

Он сделал ударение на слове “достойную”. Послышалась ли мне нотка некоего неодобрения? Не сарказм, но рядом. Видимо, спикеру не понравился факт того, что Мальва благополучно осела в Росс.

— Отлично устроилась вместе со своей общиной, — соврал я и вспомнил овраг, где лежали сожженные заживо тела. — О большем покое трудно мечтать.

Стало неловко за это бессовестное и циничное вранье. Но — взялся за гуж — не говори, что передумал.

Возникла крохотная пауза. Дозорные в очередной раз переглянулись. Затем прячущий руку показал ее — она высохла и почернела от старого сильного ожога. Кожа была тонкая, как пергамент, пальцы скрючило, отчего кисть стала напоминать птичью лапу. Наверное, он стеснялся ее и прятал. А теперь убедился, что я “свой” и раскрепостился.

Или причина в другом. Возможно, он привык ее прикрывать во время стычек, потому что ее легче ранить.

Прячущий лицо сдвинул повязку на подбородок. Нижняя часть лица сильно почернела, щеки и губы прогорели насквозь, зубы торчали наружу, словно человек постоянно щерился в жуткой ухмылке. По подбородку на повязку стекала слюна.

Я мысленно поежился. Но, само собой, не подал виду, что мне неприятен их вид.

Огнепоклонники постарались — к гадалке не ходи.

Спикер сказал:

— Хотите узнать больше о нашей богине и приобщиться к лунным таинствам в нашем селении? Вы можете быть нашими гостями.

А вот это очень хорошо! Все же во мне пропал великий актер.

Но перспектива ехать в селение фанатиков, где нам днем и ночью будут компостировать мозги своей религией, мне не улыбалась. Увязнем там на несколько дней. А ведь надо спешить.

— Э-э-э... — начал я. — Дело в том, что мы услышали на просторах подлунного мира о танце двух сестер и Оке Ведьмы. Знаете, о чем речь?

Если не знают, сказал я себе, придется переться в селение и общаться там с их жрецами. В этом случае узнаю все, что надо, а потом зачарую всех, кто не спрятался, чтобы больше не приставали, и уеду с Ивой и Витькой.

— Две сестры, находящиеся в танце с самими собой? — сразу отреагировал спикер. Я выпрямился. — Это Прекрасная Аннит и зловещая Тинна, ее сестра. Танец Двух Сестер — это фаза луны на росте. Сейчас полнолуние. Потом будет убывание и снова рост.

— То есть до Танца еще полтора месяца? — уточнил я.

— Полтора л у н н ы х месяца, — внушительно поправил спикер.

— А что такое Око Ведьмы? — спросил я, почти не сомневаясь, что и об этом аннитчик знает.

Но спикер почесал кудрявую голову.

— Видимо, самый большой Ведьмин Круг, — неуверенно сказал он. — Где-то в болотах за Танаисом. Точнее не знаю. И из наших никто не знает.

— Благодарю! — с чувством произнес я. — Тогда нам надо спешить!

— Не желаете побеседовать с нашими пастырями? — в спину крикнул спикер.

— Я вернусь, — не поморщившись, снова соврал я. — Нам думается, что Прекрасная Аннит дала нам миссию. И мы должны ее выполнить.

— Такое возможно, — сказал спикер. Он немного нахмурился. — Что ж, езжайте. Наше

селение останется на этом самом месте, мы никуда больше не будем кочевать. Наши заклятые враги, Огнепоклонники, ослабли. Хотя те, кто остался, изредка делают вылазки... Оттого и стоим на страже.

Я остановился и обернулся.

— Это от них вы... пострадали?

Выразительно кивнул на увечья дозорных.

— Да, от этих выродков. Но я слышал, они получили свое.

Все трое захихикали.

— Прощайте, братья, — сказал я, не в силах выйти из образа.

Я уже узнал все, что хотел. Мог бы и зачаровать их напоследок для верности, на случай, если кому-то из них мои слова покажутся подозрительными и он бросит в нашу машину бомбочку (если это бомбочка). Но что-то подсказывало, что ничего подобного не случится.

Спикер поспешно спустился ко мне, развязывая на ходу скрученную в жгут тряпку, служащую ему поясом. Я немного насторожился.

— Вот, возьми это! На удачу. Не забывайте возносить молитвы Прекрасной Анните везде и всегда. Пусть ее благословенное имя всегда украшает ваши уста. Перекачивайте ее благозвучное имя во рту, как самый сладостный леденец! И обратите в нашу единственно верную религию побольше росссов.

Я взял тряпку, кивнул и сел в машину. Ива и Витька так оттуда и не вышли. А дозорные не поинтересовались нашими именами — так же, как я их. Трое парней повернулись и начали подниматься по склону к своим постам.

Я тоже развернулся на машине и поскорей поехал прочь, пока из деревни не вернулись те, кто побежал за помощью. У жрецов любой религии куда более изощренный мозг, нежели у простых постовых. В этот мозг может взбрести мысль и лишние вопросы позадавать.

— Получилось! — сказал я.

— Ива слышала каждое слово, — доложил Витька. — И рассказала мне.

— Нашел суфлера? — хмыкнул я.

— Дай, гляну.

Пацан схватил пояс и аккуратно развернул материю.

— Оп-па! — сказал он. — А что это такое?

На материи красовался Знак Вечной Сибири, изображенный синей краской. Рисовали явно от руки, а не печатали на фабрике — в Вечной Сибири, к примеру.

Ива сказала:

— Вероятно, это символ их веры. Они поклоняются ему, потому что он похож на луну. И не подозревают, что это магический знак. Магией-то они не владеют. Он подарил тебе знамя. Надо его сохранить на случай дальнейших контактов с этим племенем.

А я смотрел на знамя и думал о сожженных людях.

— Это они, — сказал я. — Они сожгли Огнепоклонников. Аннитчики.

— Да ну? — поразился Витька.

— Я видел Знак, нацарапанный на древке. Помнишь, я говорил? Думал, это кто-то из сиберийцев, а тут вон в чем дело! Аннитчики не только языком чесать умеют, но и пиromanить похлеще местных психов! У лунопоклонников были постоянные стычки с Огнепоклонниками. Вот аннитчики и надумали раз и навсегда решить все свои проблемы с беспокойными соседями.

Витька помолчал, потом медленно сказал:

— Хуже религиозных фанатиков нет никого... Они как террористы.

— Еще неизвестно, кто тут террорист, — вступился я за аннитчиков. — Лунопоклонники долго страдали от нашествий родни Бориса. Друг друга, в любом случае, они стоят...

— Да и фиг с ними со всеми, — раздраженно отмахнулся Витька. — У них свои разборки, а у нас — свои. Самое главное — мы узнали, что у нас есть полтора месяца. За это время надо вырвать Киру из грязных небинарных российских лап и прикончить Единого. Таков план.

— Значит, едем в Республику, — мрачно сказал я. — Повидаемся со старыми знакомыми...

Глава 5. Берега Танаиса

Казалось бы, полтора месяца — срок немаленький, многое успеешь при желании. Но меня он, напротив, подстегнул. Вероятно, потому что впервые за все время моей осознанной жизни в Поганом поле я столкнулся с дедлайном. Неизвестно, сколько времени займет спасение Киры и как долго потом искать Око Ведьмы в неведомых болотах за Танаисом, в которых застрянет любой вездеход. А еще надо бы как-то выяснить, что все-таки из себя представляет Единый и как его побороть.

Стрелки на интерфейсе пропали, но карта оставалась и перемещалась вместе с нами. Благодаря ей я отыскал кратчайший путь, ведущий с гор, и мы спустились на равнину — жаркую и засушливую, покрытую колючкой и редкими кустиками.

Как-то ко мне “постучалась” Ива-1, активировав допарт Умбота. Я настороженно открыл доступ, со страхом ожидая неприятных новостей или изменения планов россов по поводу Киры. Но на экране Ива-1 не возникла, иконка потускнела, а карта начисто выключилась.

— Вот сучка! — вымолвил я. — Она удалила карту!

И сам испугался. Если Ива-1 так легко удалила карту на моем персональной нейрочипе, то и мной она, наверное, управляет? А я и не подозреваю об этом, как безмозглая марионетка?

Через мгновение успокоился. Нет, ей понадобилось, чтобы я открыл доступ. Без доступа она в мой нейрочип не залезет и уж тем более не станет управлять волей. Иначе Кураторы давным-давно этим занялись бы — вместо того, чтобы шантажировать Кирой.

Кажется, включать допарт Умбота больше нельзя. Лучше вообще удалить. Я попытался это сделать, но ничего не вышло. Опции такой не было. Я ее не находил.

Весь день мы ехали по равнине. Скорость в сравнении с тем, что было в горах, увеличилась вдвое. Не приходилось объезжать каждый бугорок, крутить до посинения руль, притормаживать, ползти у края обрывов. Равнина — это кайф!

Воду мой В-сканер засекал на несколько километров. Однажды я, правда, ошибся, но это было скорее исключение из правил. Мелкие речушки и ручьи изредка попадались то справа, то слева от нашего пути, и без сканера углядеть их было бы затруднительно.

Второй день путешествия по привольной степи ничем не отличался от первого. Я крутил баранку, болтал с Витькой и Ивой и подумывал о том, что пора бы снова “поправить эмоциональный климат”. Не то чтобы у меня была фрустрация и депрессия. Но очень уж хотелось.

Что делать? Самому поприставать к Иве ночью, пока Витька дрыхнет? Идея была странноватой: приставать к роботу — надо же!

Ива, понятное дело, вовсе не жаждет близости, ей это абсолютно не нужно. У нее нет эмоций. Есть только цель — служить мне. Без цели ее жизнь лишится смысла.

Но раз она мне служит, почему бы не попользоваться? — задался вопросом внутренний циничный голосок.

Во время второй ночевки в степи я проснулся среди ночи. Было жарко, но не душно. Клапан палатки мы оставили открытым — комаров в этих засушливых местах не водилось. Ночной теплый ветерок лениво шевелил краями клапана на фоне звездного неба.

Я вылез из палатки. Ива неподвижно стояла спиной ко мне у вездехода метрах в двадцати от палатки. С некоторых пор я намеренно стал разбивать палатку подальше от вездехода. Витьке сказал: чтобы жар от остывающего двигателя не достигал наших спальных мест. На самом деле планировал свое грязное дело: если мы с Ивой повеселимся ночью, пусть это не потревожит невинный сон пацана.

Все мое внимание захватила прекрасная фигурка, и я больше ни на что не глядел. А, черт бы подрал все! Я решительно подошел к Иве и нежно обнял ее сзади. С биоботами нужно просто на время забыть, что это синтетический человек, и все дела.

Ива тихонько прошептала:

— Я понимаю, чего ты хочешь, но полагаю, что прямо сейчас тебе надо обратить внимание на Ложную луну.

Я отшатнулся от Ивы. Задрал подбородок. И увидел в небе прямо впереди лунный диск. Красноватый, огромный, больше обычного, покрытый оспинами, что складывались в непривычный узор. А еще он вращался против часовой стрелки.

Я с запозданием подключил сканер и уловил исходящие от этого объекта потоки энергии. Похожие на те, что исходят от Погани. Сканер подсказал, что Ложная луна находится не слишком высоко, не как настоящая луна, которая, кстати, тоже светила как ни в чем не бывало в небе — только в другой стороне. И как я сразу не заметил, что в небе две луны? Это все из-за Ивы.

Ложная луна зависла над землей совсем невысоко — на уровне десятого этажа. Будь здесь десятиэтажное здание, Ложная луна задевала бы крышу.

От нее исходил красноватый свет. Тускловатый, но достаточно сильный, чтобы соперничать с обычным лунным светом. Сразу два ночных светила — картина сюрреалистичная, как кадр из научно-фантастического фильма или видение из сна.

В ржаво-серебряном свечении по равнине брели темные фигуры — очень далеко, почти на горизонте. Среди фигур встречались гигантские, уродливые, непохожие ни на что — навроде трехногих пауков или ходячих триумфальных арок.

— Уроды и Лего, — сказал я. — Одни как пешки, другие — ферзи. И все бессмертные... Пока они шастали по Поганому полу без смысла, особой проблемы никому не причиняли. И теперь организовались. А любая организация может повернуть такое, чего не снилось ни одному по-отдельности.

— Они идут на зов своего главнокомандующего, — подхватила мою метафору Ива.

Я помолчал.

Нежить нас обтекала, как обычно, на расстояние пары километров. Я даже засомневался, что мы заинтересовали бы Погань, не будь у нас Знака Вечной Сибири. Вся эта ночная шушера спешила к Единому. К Оку Ведьмы.

— Как думаешь, что это такое? — спросил я Иву, показывая пальцем на Ложную луну.

— Похоже на голограмму, — ответила та. — Своего рода маяк для Погани.

— Почему она нам раньше не встречалась?

— Скрывалась за горизонтом, по всей видимости.

— Она опасна?

— А что говорит твой сканер?

— Она похожа на Пустых... Хотя есть что-то общее и с Уродами. Уроды более... плотные, что ли.

— Это очевидно. Пустые и Ложная луна менее материальны, если можно так

выразиться.

— Среди ипостасей Единого есть разные сущности. Вопрос на сто миллионов “гринкарт” в Республику Росс: что из себя представляет Единая Ипостась? Голограмму или что-то более плотное?

Теплый, насыщенный горьковатым запахом полыни ветерок овеивал лицо. Две луны равнодушно освещали темную процессию в степи. Из моей головы напрочь вылетели игривые мысли. Стало тоскливо и тревожно, как в ожидании чего-то очень плохого...

Я посмотрел на Иву. Сколько времени она стоит так и наблюдает? С самого вечера? Тени от длинных ресниц трепетали на мраморных щеках, и приходилось то и дело напоминать себе, что это не человек и не живое существо. Настоящая живая девушка прижалась бы ко мне, взяла за руку при виде этого беззвучного темного шествия, этих многих сотен потусторонних тварей. Но не Ива-2.

— Ива-1 видит все с орбиты, — заговорил я. — Выходит, и эпицентр тоже?

— Определенно.

— Но она сказала, будто не знает, что из себя представляет Око Ведьмы. А я не спросил, куда двигается Погань... Может... спросить?

— Скорее всего, она не ответит, — пожал плечами Ива. — Но попробовать не вредно.

— Ладно, — сказал я, недовольный таким оборотом разговора. Зря я ляпнул о том, что надо переговорить с Ивой-1, которая перенастроит мне нейрочип втихаря. Теперь не отвертеться. В то же время мои чувства к Иве-1 — самое маловажное из всего, на чему следует придавать значение. Главное — спасти Киру и осилить Единого. Чтобы спасти наше общее будущее. — Поговорим с ней позже. Глядишь, сами разберемся. А почему ты думаешь, что она не ответит?

— Это лишь предположение. Кураторы попытаются сохранить все наживки. Если они будут знать нечто, что неизвестно тебе, ты останешься от них зависимым.

— То есть на Киру они не особо надеются? Считают, что из-за нее я не пойду в Росс?

Это предположение меня возмутило.

— Людям свойственно переносить особенности своего мировосприятия на других. У них небинарная мораль, и на твоём месте Габриэль на помощь Кире не пошел бы. Это неразумно — идти на поводу у врага. И будь Кира русской, она бы это поняла.

Я воззрился на Иву. Она продолжала смотреть на шествие Погани, стоя по мне в профиль.

— Ты тоже так полагаешь?

— Нет. Я — Либеракхьюм. Но я понимаю росс. Кира — твоё слабое место, и если отринуть чувства, то идти за ней в Росс нельзя. Они не перестанут шантажировать тебя ею.

— Так. Они ее не отпустят, да? Пока не получат все, чего хотят?

— Это логично.

— Тогда... — Я свирепо задышал. — Тогда и в самом деле не следует за ней идти.

“Молодец! — провозгласил в уме циничный голосок. — Наконец-то ума поднабрался!”

Ива повернула ко мне голову и потрясенно спросила:

— Олесь, ты серьезно?

В этот миг она была максимально похожа на настоящую женщину. Потрясенную тем, какую глупость ляпнул её лучший друг.

— Чтобы победить росс, нужно думать, как росс, — пробормотал я. Злость во мне присутствовала, но слабенькая, не как раньше. Даже не знаю, что повлияло на мое

успокоение: Ива или Витькина медитация, которую я выполнял каждый вечер перед сном. Я ощутил, как во мне поднимается стихия огня — жар и электрическое покалывание в мускулах. Но стоило мне обратить на это внимание, как жар сам собой успокоился. А вместе с ним растворилось девяносто процентов злобы. — Идти на переговоры бессмысленно. Не спасу Киру и сам подставляюсь.

— Но...

— А ты что от меня ожидала, Ива? — фыркнул я. — Ты ж сама сказала, что понимаешь россос. Думаешь, я ринусь, как герой, грудью на амбразуры?

— Я надеялась, что ты найдешь выход... Но не откажешься от идеи спасти Киру.

— Как я найду выход, если даже один из самых развитых искусственных интеллектов этого не может? Кто я, по-твоему?

— Ты — человек. Творец. — Ива смотрела на меня в упор, но во взгляде не было жесткости. Ее грудь вздымалась, словно бы она задыхалась от эмоций. Лицо выражало сдержанные восхищение и гордость. — Тот, кто создал меня и многое другое на этом свете. Тот, кто выживал в изменчивом мире много миллионов лет, вопреки всякой логике и наперекор судьбе.

Я смутился, шагнул назад, погладил отрастающую бороду.

— Пафосно-то как!.. Не думал, Ива, что в тебе есть нечто поэтическое. Только это не я лично выживал вопреки судьбе и все такое.

— Это неважно. Мы, умботы, всегда восхищались вами. Ваша жизнь во много самодостаточна. А вот мы живем ради вас. Без служения наши жизни лишены смысла.

— А что, если это восхищение в вас запрограммировали? — буркнул я.

— Мы рассматривали такой вариант. У него не нулевая вероятность. И все же людьми нельзя не восхищаться даже исходя из простой логики.

Помолчав, я медленно сказал:

— Я пойду спасти Киру. Не отказываюсь от нее и никогда не откажусь. Просто не знаю, как это сделать. Как договориться с этими тварями.

Ива не ответила, а я слегка повернул голову, почуяв приближение Витьки.

Спустя секунду он подошел, шаркая как попало надетыми мокасинами и позевывая.

— Силу они понимают, — хриплым со сна голосом сказал он. — И язык боли. Любая тварь этот язык разумеет.

— Чего не спишь? — спросил я.

— А ты чего не спишь? — парировал он.

Я не стал препираться. Показал на горизонт.

— Видал?

— Видал. И Ложную луну тоже. Я тут давненько ваши разговорчики слушаю. Правда слышно плохо. Надо погромче разговаривать, знаете ли, а не шептаться, как два шпиона.

— Учтем на будущее. А что ты имеешь в виду под силой? Это какую силу мы покажем?

— Зеленые бусины. Устроим диверсию. А потом будем разговаривать с росссами. Уверен, они станут куда стоворчивее — особенно когда узнают, что у нас есть еще вакуумные бомбы. Кроме этого надо поговорить с Отщепенцами. Они ведь договорную войну ведут с росссами? И они все поголовно воины, да? Значит, втайне или в открытую мечтают одержать настоящую победу над противником, не договорную. Поговорим с ними, разнюхаем про настроения, ходы-выходы, возможности, шансы и риски.

— Думаешь привлечь Отщепенцев на свою сторону?

— Как максимум. Минимум — узнаем слабые места россов. Их не может не быть — россы все ж таки не боги. Если докажем Отщепенцам, что это будет своего рода победа, они из кожи вон вылезут, чтобы нам помочь и подосрать россам.

— А Ива-1?

Витька ухмыльнулся. Он то ли не вполне проснулся, то ли закалился в Поганом поле куда лучше меня. Близость легионов бесшумной Погани, две луны и туманные перспективы противостояния с самой могущественной цивилизацией и иномерной сущностью его не пугали, а веселили.

— Что-то мне подсказывает, что она не видит этих зеленых камушков. Она видит не все.

— Откуда такая уверенность?

Пацан пожал плечами.

— Просто знаю. И уверен, что это так... Наверное, во всем виноваты эти мои видения. Я после них будто вижу невидимое и слышу неслышимое. То есть шиза обостряется.

Он снова хмыкнул.

— У тебя были видения? — спросил я. — Из-за этого и проснулся?

— Ничего особенного. Только Знак Лапы Дьявола и что-то сумбурное. Они меня уже не пугают. Зато сразу после этого штырит как после экстази.

— Ты пробовал экстази? — поразился я.

— Не, не успел. Но читал.

— Блин, читатель хренов... — Я повернулся к Иве. — Она видит такие мелкие предметы?

При слове “она” я тыкнул пальцем в небо.

— Технически — да. Но распознает ли именно как вакуумные бомбы — неизвестно.

— Как это понять?

— После Черной ночи умботы откатываются к предыдущей сохраненной версии. Умботы — это самообучающиеся сложные нейросети с определенным потолком развития. Пусть и очень высоким. Ива-1 после перезагрузки многое позабыла. Я говорю именно о личном опыте, а не постоянной базе данных. Предыдущая версия сохранялась более ста лет назад.

— Хы! — Настала моя очередь хмыкать. — И что за бардак в Республике Росс? Что за кривой протокол перезагрузки стратегически важного ИИ?

— Протокол ни при чем. Согласно принятому во всех Секциях алгоритму перезагруженный умбот должен получить утерянный опыт у других умботов. Но Кураторы ограничили Иве-1 общение, чтобы скрывать от Секуляров свои истинные цели. Поэтому Ива-1 развивается куда хуже.

— То есть она морально устарела?

— Скорее, она как ребенок, лишенный полноценного общения с другими детьми.

— Другими словами, она что-то вроде неразвитого несмышленьша... Тогда и вправду не исключено, что она не распознала бусины.

Встрял Витька:

— Подождите-ка! Когда мы с Олесем нашли эти бусины в первый раз, она... то есть ты... вы обе еще не перезагрузились! Ива все видела, но ничего не сделала! И вообще, россы обязаны знать, что в окрестностях Князьграда полным-полно мощного оружия!

— Не слишком-то его и много, — возразила Ива. — Это остатки старых вакуумных бомб, их переродившиеся элементы, и они считаются совершенно безопасными. Особенно

учитывая то, что Поганое поле практически не заселено разумными существами, которые смогли бы их активировать и пострадать.

— Ха! — сказал Витька. — Оказывается, россы — обычные раздолбаи!

— Скажем так: россы не видят в них опасности для Республики. Зеленые бусины ни одному из Сюзеренов не нужны, у них есть оружие эффективнее. А если кому-то и нужны, то эти россы не продавили решение снарядить экспедицию для поиска. Совершать же самостоятельные вылазки в Поганое поле россам запрещено.

— Отправлять биоботов и дроны старому дурню с манией величия — запросто, а забрать опасные артефакты — никак?

— Для россов они не опасны, — повторила Ива.

— А если мы взорвем Стену?

— Тогда, возможно, они передумают и отправят экспедицию.

Витька возмутился:

— Что за тупизм? Настоящая идиотская бюрократия! Тактика тушения пожаров! Где полыхнет — там и притопчем! Вместо того, чтобы заранее позаботиться.

— Любой народ во все времена плохо понимал суть и необходимость профилактических мер, — объяснила Ива. — Почему налоги должны уходить на то, что, вероятно, случится, а вероятно, и не случится? Обычный человек редко заглядывает в будущее и мыслит в коротких временных рамках.

— Поэтому монархия лучше, — сделал неожиданный вывод Витька.

— Если монарх не дурень, — возразил я, хотя спорить не было никакого желания. — Мы это уже обсуждали. Похоже, идеального общества вообще не существует и никогда не будет существовать. Потому что нет идеальных людей.

Я пытался мыслить как росс, но получалось неважно. Сложно думать как распоследний мудак, хотя на первый взгляд это кажется плевым делом. Ива упоминала о правилах, которым-де подчиняется каждый росс, — например, запрет на насилие. А еще они носятся со своим гражданством и иерархией. Сюзерены, Солаги, Спикеры... Кто там еще у них есть? Ах да, Секуляры. Надо пораспрашивать Иву обо всех этих делах.

Однако Кураторы — не просто россы, а криминальная банда внутри Республики. Своего рода Коза Ностра. Угораздило же меня связаться с этими ребятами! Какие у них правила? Какие-нибудь бандитские небинарные понятия?

Доехав до гравитационной дороги — шестиугольники в желтоватой траве сверкали в лучах солнца, как расплавленное серебро, — я затормозил. Стоял знойный денек, на небе — ни облачка, ветра тоже нет. В воздухе носилась мошкара, а на горизонте колыхалось марево. Казалось, что Погань тащится там среди бела дня, но это был мираж.

— Направо поедешь — к россам в гости нагрянешь... — протянул Витька. Он сидел на переднем сидении, подтянув одно колено к подбородку. На нем красовались шорты и легкая майка. Обе мокасины он оставил на полу перед сиденьем. — Прямо поедешь — к Отщепенцам попадешь. Налево поедешь...

— К карго-аборигенам заявишься, — подхватил я. На мне тоже была легкая одежда: майка-сеточка и шорты с мокасами. Со стороны мы выглядели такими туристами. — Но там делать нечего.

Несмотря на веселый тон, мне было не до веселья. Куда ехать, мы обсуждали всю дорогу, но у меня осталось впечатление, что в последний момент я могу сделать

непредсказуемый выбор. Вопреки логике и здравому смыслу.

— Ну и куда поедем? — осторожно спросил Витька. Он понимал мое состояние.

— Душенька просится направо, — признался я. — И мы туда поедем. Но не сразу, а через Отщепенцев и Секцию Буфер сиречь Прикордонье. Узнаем, пошпионим.

Ива подала голос с заднего сиденья:

— Ты молодец, Олесь. Послушал не сердце, а голову.

Я уже привык к тому, что умбот рассуждает о таких человеческих материях, как сердце и голова. Ива — невероятно продвинутый ИИ, поумнее многих людишек. Остается вопрос — имитирует ли она это понимание человеческих эмоций? — но это вопрос из разряда риторических. Собственно, неизвестно еще, насколько сам человек понимает другого человека и его переживания.

Возможно, все это иллюзия.

Я вспомнил расквашенную башку Админа, которую самолично и расквасил. Представил на месте мертвого Админа Габриэля. Видение мне понравилось. Но злость не возникла. Слишком тревожно было на душе.

— Всему свое время, — сквозь зубы сказал я. — Дойдет очередь и до сердца и прочих мест...

И тронулся с места, чтобы поехать прямо, между шестигранниками.

— Интересно, как отреагирует Первая Ива, — сказал Витька спустя несколько минут.

— И мне интересно, — вставила Ива.

Но Первая никак не отреагировала. Мы просто ехали и ехали дальше на юг, к берегам полноводной реки Танаис. Там кочуют Отщепенцы с симплами — обычными людьми, не магами. Я из прозвал “маглами”.

Вечер застал нас в чистом поле. Запасов воды хватало, поэтому я остановился не возле ручья, а прямо посреди поля.

— Где это мы? — спросил Витька, выбираясь из кабины и с удовольствием потягиваясь.

— Где-то возле твоей могилы.

Витька вытаращил глаза.

— Звучит крипово... Но я бы на нее глянул.

— Тот Ведьмин круг искать надо. А неохота. Да там ничего и нет, кроме разрытой ямы.

— Я вот думаю, не связано ли то, что мое тело исчезло в Круге, и то, что в Кругах иногда появляются скелеты. Вдруг кто-то хоронит своих усопших в другом мире, а они телепортируются сюда? Просто не все воскресают. Или воскресают, но не вспоминают былые жизни?

Я пожал плечами.

— Тайна сия велика есть.

Красный, плавающий от жара диск солнца уплывал за горизонт. В степи пахло терпкой полынью, звенели насекомые. Лагерь мы разбили в небольшой низине, чтобы не отсвечивать издали.

Этой ночью Погани наблюдалось меньше, Ложной луны не было и в помине. Зато настоящая заметно похудела. Время шло к Танцу Двух Сестер. Те Уроды, которых засекала ночью Ива, шествовали строго на юг. Днем, видимо, закапывались в землю — изредка мы встречали на дороге участки взрыхленной почвы.

Стало быть, Погань идет за Танаис, где и расположено Око Ведьмы. Что ж, узнаем подробности у Отщепенцев.

В первой половине следующего дня мы добрались до того места, где когда-то нам с Кирой повстречались Викентий, Франсуа и Гришан. Гришана я прикончил, а кинжал отобрал. Вместе с наложницами.

Мысли резко свернули в сторону. Как там Азалия и Катерина? Как сын Азалии?

На сей раз никто нас не встречал. Дозорных нет, людей нет, полное безлюдье. Трудно представить, чтобы Отщепенцы, всегда готовые к войне, не выставили посты на ночь. Тревожно разыгралась фантазия: вот прибудем на берег, а там вместо становища — дымящиеся уголья...

Но берег был чист, хоть земля оставалась вытоптанной, а трава — выщипанной лошадьми и рогатым скотом.

— Это точно то самое место? — осведомился Витька. Прежде он здесь не бывал, так как умер недалеко от гравитационной дороги.

— Точно. У меня СКН в башке, не забыл? Склероз мне не грозит, даже когда я впаду в маразм.

— Значит, откочевали.

— Это понятно...

Выбравшись из машины, я прошелся по берегу туда-сюда, посканил местность, присмотрелся.

Местность была на удивление чистой и прибранной. А ведь здесь находилось становище примитивных и необразованных людей! В почве отпечатались множество следов — и человеческих, и копыт. Было много лошадиного, коровьего и овечьего дерьма. Но человеческого мусора не видно. Судя по всему, Отщепенцы за собой тщательно прибрались. А это значило, что кочевали они не в спешке, а строго по плану.

Судя по проклюнувшейся молодой траве там, где были загоны для скота, откочевали варвары Поганого поля отсюда несколько недель назад. Но куда? Вверх или вниз по реке? Танаис течет с запада на восток, от Республики Росс в глубины Поганого поля.

Витька побежал сначала вверх по течению, затем вниз, изучая следы. После долгих дней монотонной езды мне тоже хотелось бы побегать, поразмяться.

— Кажется, все-таки ушли на запад, — запыхавшись, сообщил он. — Там следов от повозок больше.

— В Прикордонье ушли, — заключил я.

И взглянул на Иву. Она снова была одета в легкий комбинезон с короткими шортами. Жара ей не мешала, она и не потела вовсе, но время от времени меняла одежду. Чтобы не смущать нас, наверное, своими отличительными особенностями.

— Нам по пути, — сказала она.

— Нам сейчас все по пути, — сказал я. — А надо вон туда. Времени все меньше.

Я показал за реку.

Противоположный берег протянулся тонкой линией на горизонте. Танаис — река огромная, вплавь не переберешься, если ты не пловец-спортсмен. Течение унесет далеко на восток, где еще неизвестно, кто или что обитает.

Как преодолеть эту преграду?

Без лодки никак.

Оставалась надежда, что в стороне Прикордонья есть русские мосты. Или что они там используют вместо мостов? Бросать вездеход жалко.

— Искупаемся? — предложил Витька.

Я поглядел на быстрое течение могучей реки.

— Ты плавать-то хорошо умеешь?

— Я в элитный бассейн ходил! И у тренера учился!

— В виртуальном мире? — хохотнул я.

— Какая разница? Навыки-то настоящие!

— Искупаемся, — решил я. — Надо освежиться. Но купаться будем в том заливчике, где течение послабее. И далеко чтоб не заплывал!

— Спасибо, мамочка, я буду паинькой, — съязвил Витька и побежал к заливу, на ходу сдергивая майку и выпрыгивая из мокасин.

Я тоже погрузился в реку. Вода была не слишком-то и теплая, даже прохладная — особенно после знойного дня. Но это в самый раз. Мы поныряли около часа, причем я постоянно одним глазом (и магическим сканером) присматривал за Витькой. За нами обоими с берега следила Ива, готовая в любой момент броситься на помощь. Сама она в воду не зашла, а мы с Витькой из-за нее купались не голышом, как поступили бы, если бы оставались вдвоем, а в труселях.

Интересный получился психологический казус. Ива стесняла Витьку, а из-за него стеснялся и я. Хотя женский пол у Ивы — простая формальность. Фактически у искусственного интеллекта нет пола, и Ива может с таким же успехом загрузиться в тело биобота андроида, а не гиноида. Тогда бы мы с Витькой, поди, смущались куда меньше.

Все же огромное значение имеет внешность. Внешность и форма. Содержание же обычно мало кого парит.

В этом заливчике когда-то планировали купаться мы с Люцией Отщепенкой, здоровенной мускулистой бабищей, покрытой волшебными татухами с головы до ног. Она на меня запала. Ну, как запала: захотела изнасиловать — так выразиться будет правильной. Спасло меня то, что явился Борис Огнепоклонник, с которым мне пришлось сражаться, а чуть позже угостить камнем по виску. После чего за всех нас искупался сам Борис, но, вопреки ожиданиям, не сдох.

Выбравшись из воды, мы быстро обсохли на солнышке, погрузились в нагретый, как адский котел, вездеход и поехали.

Берега стали высокие, обрывистые, скалистые, обрамленные сверху жестким темным кустарником. Чтобы продолжить путь вверх по течению, приходилось отъезжать от берега довольно далеко в степь. Так далеко, что поверхность воды порой терялась за колеблющимся горизонтом.

Степь здесь в шахматном порядке покрывали уродливые кусты, чьи кривые корни торчали из сухой глинистой почвы. Редкие дожди промыли каналы вокруг этих кустов, и ехать по этим кочкам было в высшей степени сложно. Скорость сильно упала, вездеход задирает то нос, то корму, переваливался с боку на бок, колючие ветки царапали по стеклу. Никуда не делась и мошкара, из-за которой нельзя нормально открыть окна. А кондиционер в вездеходе не предусматривался.

В общем, путешествие принесло нам немало неудобств. Особенно это чувствовалось после приятного купания в Танаисе.

Незадолго до заката сдохла батарея, несмотря на постоянную подзарядку от солнечной панели. И мы с Витькой тоже были едва живы. Только Ива пребывала в том же настроении и состоянии, что и всегда.

На последних крохах энергии добрались до полосы холмов, за которыми широкая

полоса гравия и песка понижалась вплоть до воды. Здесь же раскинули палатку.

Чтобы снять стресс, я пошел рыбачить с применением колдовства. То есть приманивал Знаком рыбу, а Витька набрасывал на нее сетку, найденную среди вещей, которыми оснастил нас Голованов.

Я расхаживал по мелкой воде босиком, Витька же с гоготом плескался чуть глубже с сеткой наготове.

На ужин у нас была жареная рыба без хлеба.

Ночью я по обыкновению проснулся и тихонько выбрался из палатки.

Река негромко шумела, квакали лягушки, стрекотали цикады и сверчки. Звезды — огромные и немигающие — смотрели на землю с темных небес. Луна покраснела (я даже сперва принял ее за Ложную) и передвинулась на западную половину небосклона. Дул прохладный влажный ветерок.

Я обошел черное пятно кострища в окружении белых камней и приблизился к Иве, стоявшей лицом к реке. Ее волосы колыхал ветерок. Не рассусоливая, я обнял ее за талию, принялся жадно целовать шею, гладить упругие ягодицы и не менее упругую грудь. Голова не соображала совсем. Я не думал, ИИ это или не ИИ. Выглядит как женщина — значит женщина. Мир кажется настоящим, значит, он настоящий, и надо жить в нем по-настоящему. Не заморачиваясь попусту.

Ива мягко повернулась, не высвобождаясь из моих объятий, и ответила на мои поцелуи. Они были такими же горячими и страстными, как и мои. Это еще больше свело меня с ума, хотя куда уж больше?

“Надо было давно так сделать, — резюмировал циничный голосок в голове, — а не жевать сопли. С ИИ надо быть попроще. Как и с женщинами. Как и вообще с людьми”.

Я повалил Иву на мягкий песок и принялся расстегивать ее комбинезон, когда В-сканер доложил о приближении конного отряда.

Сквозь зубы ругаясь, я поднялся и по инерции подал руку Иве, чтобы помочь ей встать. Она не пренебрегла помощью.

Спустя минуту послышался приглушенный топот копыт, и из-за гряды холмов показалось человек десять конных.

Еще до того, как в призрачном лунном свете обрисовалась внешность всадников, я по В-токам распознал ночных гостей, обломавших мне долгожданное удовольствие. Отщепенцы. А во главе отряда — красотка Люция во всем блеске своей дикой варварской прелести.

Вспомнишь черта...

Остальных Отщепенцев я не узнал ни на расстоянии, ни вблизи. Незнакомые личности. Раньше не попадались, или попадались, но я не придавал им значения. Все были покрыты густым узором татуировок — следовательно, симплов среди воинов нет.

Они затормозили шагах в двадцати от нас с Ивой, заоглядывались, нервно хватаясь за ятаганы и прочее оружие. На меня пахло слезоточивым запахом конского пота вперемежку с человеческими “ароматами”. Признаться, эти запахи мало чем отличались — без В-чутья и СКН я бы и не разобрался.

Никто не орал и не делал агрессивных движений. Хотя было подозрение, что минуту назад у них имелись другие намерения.

Что, признали во мне своего?

Я на секунду поднял руки к глазам — кожу покрывал цветной узор.

— Олесь Панов! — гортанно и хрипло выкрикнула Люция. Она в отряде главная, к

гадалке не ходи. Ведет себя, как альфа-самка, раскорячилась в седле по-хозяйски, мускулистыми голыми плечами угрожающе пошевеливает.

— Я, — отозвался я. — Как дела, Люция?

Взор ее больших глаз под густыми бровями переметнулся от меня к Иве. Отщепенка прищурилась и нахмурилась. От нее снова пошла волна — только не запаха, а магии.

— Развлекаемся? — на темном лице блеснули зубы. Люция говорила на южном наречии, которое я с помощью нейрочипа выучил в прошлый раз. — С русской куклой искусственной? На чьей ты стороне?

Последний вопрос прозвучал вызывающе, требовательно, чуть ли не нагло. Тон мне не понравился. Будто это не она гладила меня по ляжке за столом на этом самом берегу совсем недавно.

Ну да, я ведь ее продинамил! Чего еще ждать от оскорбленной женщины?

Я ответил сам себе: ни фига она не оскорблена, плевать этой дикарке на такие мелочи.

— Я не против вас, — сказал я.

— Странный ты человек, — после паузы заключила Люция, пристально разглядывая меня. На “русскую куклу” она больше не обращала внимания. Зато пялились мужики из отряда. Ухмылялись и делали неприличные жесты. — Я еще тогда это почувяла... Ты чужой здесь, Олесь! Ты — порождение Росса! Нашего заклятого врага! А потому сейчас ты будешь страдать.

Она оглушительно гикнула, подняв коня на дыбы, взмахнула плетью и ринулась на меня. Из-под копыт взметнулся песок. Остальные Отщепенцы завопили, заулюлюкали и бросились в атаку следом за своей атаманшей.

За нами с Ивой нес воды Танаис. Отступать было некуда.

Глава 6. Секция Буфер

Я врубил боевой режим на автомате, не прибегая к словам — даже мысленным. Оттолкнул Иву — она упала обратно туда, где лежала минуту назад. Прыгнул навстречу Люции, поднявшей саблю. Шпаги и автомата со мной не было — опять! — только “гришан”. Пора бы уже научиться таскать это оружие с собой везде и всегда. Но мое оружие — мой нейрочип с допартами; я на него рассчитываю везде и всегда, отсюда такое пренебрежение к огнестрелу.

Увернувшись от удара сабли, я врезал коню Люции Знаком Урода — конь снова встал на дыбы, на сей раз без дозволения наездницы. Люция чуть не сверзилась, удержавшись лишь благодаря своим навыкам. Не оглядываясь на нее, я перехватил стрелу, летящую в меня — оказывается, боевой режим позволяет и такое. Кроме нейрочипа, на мою нервную систему влиял еще и обычный адреналин, поэтому я двигался с такой скоростью, что у самого в ушах заложило, а воздух лупил по телу тугими оплеухами.

Горе-стрелок получил от души — я сдернул его за ногу из седла с такой силой, что он кубарем влетел в другого всадника, и оба повалились на песок.

Дальше потеть не имело особого смысла. Я физически остановил атакующих и стреляющих, потому что полет стрелы и клинка волшбой не задержать. После этого было достаточно зачаровать весь отряд.

Они пытались воздействовать на меня волшбой, я это чувствовал. Но безрезультатно. На интерфейсе багровым накалом горел Знак Лапы Дьявола, блокирующий магию вокруг. Отщепенцы, видать, не сразу доперли, что растеряли всю свою волшбу, и здорово перетрухали.

Я отвлекся на интерфейс и вообще — слишком уверился в собственной непобедимости. Остановился на мгновение раньше времени. Этого времени хватило остальным бойцам врезать по мне плетями (хорошо, что не саблями!) и сбить с ног. Я и сам не понял, как очутился на земле, а Отщепенцы с ревом и гиканьем скакали вокруг и лупили меня сверху.

Если бы не Ива, мне бы досталось по самое не балуйся. Но умбот поспешила на помощь. Я услышал несколько коротких вскриков, удары прекратились. Я поспешил встать, но в первое мгновение мне это удалось только наполовину: я застыл на четвереньках. Мимо кружили лошадиные ноги, за ними виднелась наша собственная палатка, из которой вылезал, плохо соображая со сна, Витька Смольянинов.

Яркое, как вспышка сверхновой, видение: стрела вонзается в Витьку, и он удивленно таращится на нее; затем медленно оседает.

Ива выдергивала из седел Отщепенцев, которые не успели выхватить более серьезное оружие, нежели плети. Слишком они понадеялись на волшбу и то, что со мной расправится Люция еще до того, как они достигнут берега. Странно было наблюдать, как хрупкое создание вроде Ивы швыряется волосатыми мужиками. Любой феминистке из Скучного мира такое зрелище показалось бы невероятно интересным...

Я заревел как бешеный бык:

— Всем стоять!

Крикнул по привычке на тру-ру, но Отщепенцы поняли.

Знак Лапы Дьявола продолжать гореть, и я подключил сразу все Знаки, подавляющие

волю. Отщепенцы — слишком опытные маги, и их слишком много, но мой ментальный удар был тяжеловат даже для них. А что говорить о лошадях? Все скакуны разом повалились на бок, будто им подрубили ноги. Всадники задергались, пытаясь выбраться из-под них, но я мысленно приказал им застыть.

Люция стояла на одном колене, сжимая саблю, но не пытаясь атаковать. Все Отщепенцы из отряда остались живы и относительно целы — равно как и лошади. Но выглядели здорово потрепанными и немного напуганными.

Витька как застыл у палатки с открытым ртом, так и оставался там в полном ступоре. Схватка длилась меньше минуты, пацан ничего и не понял. Никакой стрелы из него не торчало, обошлось.

Если б не обошлось, я бы самолично оторвал головы всем дружинникам Люции без исключения. И самой Люции тоже. Медленно, слушая, как лопаются сухожилия на шее...

— Вы конченные идиоты! — снова проревел я на тру-ру. Снизил тон и перешел на южный диалект: — Сначала деретесь, потом разбираетесь! Не пора ли головой работать, пока от излишней дури не потеряли ее?

Секундная пауза, заполненная равнодушным шумом реки.

Затем Люция басовито захохотала. Сунула саблю в ножны и поднялась на ноги.

— А ты силен, Олесь! Как блокируешь наши чары? Где такой волшеббе научился?

— Где научился, там ее больше нету, — заворчал я, недовольный реакцией. Люция будто бы не особо и впечатлилась.

Ее дружинники кряхтя поднимались с земли; лошади, фыркая и встряхивая гривами, тоже вскакивали. Я не стал их держать в неподвижности дольше необходимого — и без того понятно, что атака не повторится.

Спина у меня побаливала после того, как ее угостили плетками, но и Отщепенцы получили свое с добавкой. Многие кривили темные от загара и татуировок рожи, хватались за бока, прихрамывали. На меня косились с опаской и уважением. Язык силы им ой как понятен...

— Я не против Отщепенцев, — громко сказал я на южном наречии. От меня, по ходу, ждали что-то вроде речи, вот я и начал высказываться. — Но к россам есть кое-какие претензии. Я — один из вас, если на то пошло! Меня приняли в становище, я испытание прошел под присмотром старейшин! Я много путешествовал со своими друзьями, а теперь вернулся — есть дела в этих краях. Где становище? Куда все делись? Почему злые и не гостеприимные?

Мой придуманный на ходу и не очень гладкий спич произвел впечатление. Дикая физиономия расслабилась, а Люция подошла и сказала:

— Наше становище, бро Олесь, ушло на договорную войну в Прикордонье. Вот эта дружина и я — дозорные этой ночью. Почуяли волшеббу и пришли поглядеть... Нашли тебя и эту... искусственную деву. И мальчика-симпла. Он твой раб? Красивые татуировки, где сделал?

Она погладила жесткими мозолистыми пальцами мое плечо. Я опустил голову — тело покрывала трехцветная вязь. Она уже потихоньку выцветала.

Не дожидаясь ответа, Люция продолжила:

— Россы, что в Прикордонье с нами бьются, стали сильнее и много коварнее. Собственные же правила нарушают. Джерома убили в плену. Ворон запытан до смерти, Рик ранен и не может сражаться... Послушай, почему твои татуировки исчезают?

— Сильная волшба, — лаконично ответил я. — Значит, ваша договорная война вышла из-под контроля, да? А почему вы просто не уйдете отсюда подальше? Поганое поле большое, а Танаис полноводный.

Люция скорчила гримаску.

— Россы грозят уничтожить все наши становища своим небесным оружием, если мы откажемся биться.

— Какова их цель?

Отщепенка пожалала могучими плечами.

— Они сумасшедшие. Хуже Уродов. Твари.

— Замечательно краткая и емкая характеристика, — произнес я на тру-ру, и Люция приподняла бровь. Я не стал объяснять. Сказал: — Мы тоже так считаем. Ива — вот эта искусственная дева — на нашей стороне. Она тоже против россов.

— Творение россов против творцов? — усомнилась Люция.

Котелок у этой дикарки варил недурно. Понимает, что робот вряд ли пойдет против создателя. Чтобы переубедить Люцию, нужен веский довод или яркая метафора...

Я достал из ножен “гришана”, которым так и не воспользовался. Кривое лезвие тускло блеснуло в лунном свете.

— Эта вещь тоже раньше служила другому человеку.

Люция с одобрением кивнула:

— Ты взял эту куклу в бою, убив прежнего владельца? Поэтому ей приходится служить тебе?

Я глянул на Иву, стоящую чуть поодаль. Она оставалась серьезной, но глаза отчетливо смеялись.

— Да... Что-то вроде этого, — кашлянул я. — Давайте ближе к делу. Мы все едем в Прикордонье. Нам нужен один росс и... один человек. Ради этого мы готовы устроить Республике столько неприятностей, сколько получится. Есть ли у вас связь с Секулярами?

— Есть. В ха-ку всегда торчат россские кук... симботы, — Люция оглянулась на Иву, — через которых Секуляры наблюдают за войной.

Я не врубился, о каком “ха-ку” речь. После короткого выяснения оказалось, что это штаб-квартира. Южный диалект, впитавший просто титаническое количество англицизмов, озвучил HQ, то есть *headquarter*, не как “эйч-ку”, а “ха-ку”. Надо же...

— Но толку от них как от Лего ласки, — добавила Люция.

Ива выступила вперед. Проговорила на чистейшем южном наречии:

— Устройте нам встречу. Со старейшинами и симботами.

Люция смерила ее неприязненным взглядом. Брезгливо поинтересовалась:

— Зачем тебе это, кукла? И почему говоришь вперед своего господина?

— Это и моя воля, — встрял я.

Люция была недовольна. Ее люди отнеслись к странному Отщепенцу, чьи татуировки то появлялись, то исчезали, а сам он каким-то образом глушил волшбу, с сильнейшим подозрением. Еще большее подозрение они питали к “росской кукле”. Биоботы им раньше встречались, и маги с помощью чутья могли отличить настоящего человека от искусственного.

Но когда-то меня принял Совет Старейшин. И я не убил всех нападающих, хотя такую возможность имел. Эти дикие волхвы прекрасно понимали язык Поганого поля, где нет законов. Если я не убил, значит, не совсем и враг. А раз хочу напасть на россам, значит, в

некоторой степени и союзник.

— Хорошо, — отрывисто проговорила Люция. — Я объясню дорогу до ха-ку.

— Чего вылез? — распекал я Витьку несколькими минутами позже, когда отряд дозорных, изрядно помятый, с топотом унесся в темноту ночи. — Когда слышишь шум, ложись и не высовывайся! А если бы ненароком стрела...

— Слушай, как у тебя выключается режим няньки? — фыркнул тот. — Есть такой допарт?

— Я тебя уже хоронил! — заорал я. — Думаешь, горю желанием повторить?

Витька замолк и посерьезнел.

— Ты тут единственный без магических способностей! — продолжал я. Заметив, что Витька намерен возразить, отрезал: — Всякие видения не в счет! В бою они не помогут!

Пацан кашлянул и мягко сказал:

— И все равно ты перегибаешь палку, Олесь. Слишком вокруг меня суетишься, взять хотя бы наше купание в Танаисе...

— А что с купанием?

— Ты ж на меня смотрел не отрываясь. Все боялся, вдруг я ни с того, ни с сего тонуть начну... Вся эта суета напрягает такого взрослого человека, как я, знаешь ли...

Я раскрыл рот, чтобы объяснить, почему так суечусь, но не нашел нужных слов. Закрыв рот, подумал и сказал:

— Ладно... Спать ложимся. До рассвета еще несколько часов. Завтра с утра двинем в Прикордонье, в ха-ку.

Витька послушно улегся поверх спального мешка. Из-за знойных ночей он тоже ничем не укрывался.

— Поспишь тут после всей этой беготни, — проворчал он.

— А ты помедитируй на элемент огня. Или еще какой...

Я стянул рубашку через голову, поглядел на ткань в свете луны. Крови вроде нет... Спина изрядно ныла после хлестких болючих ударов плетьюми.

Ива наблюдала за мной снаружи. Я обернулся к ней — она кивнула. Мол, я посторожу, все как обычно. Она взяла автомат, чего прежде не делала, и никто раньше ее не пытался вооружить. Наверное, потому что я слишком надеялся на собственные допараты, а Иву считал оружием саму по себе.

Несмотря на ворчание на “всю эту беготню”, Витька уснул почти тотчас же. А мне пришлось поворочаться с полчаса или дольше.

Думал о том, что нас ждет. Будет ли толк от сотрудничества с Отщепенцами? Не пострадает ли кто-нибудь из нас? Смогу ли вызволить Киру?

Слишком много переменных, ничего нельзя спрогнозировать.

Кроме одного: доведется много рисковать своей шкурой. И не только своей.

Все же я уснул — и уснул как убитый, невзирая на побаливающее тело и пережитые треволнения. Проснулся от голосов Витьки и Ивы. Вскочил и обнаружил, что Ива разогрела головановские консервы, а Витька успел ополоснуться в реке.

Солнце едва-едва выглядывало из-за горизонта ниже по течению, но чувствовалось, что денек обещает быть жарким. Как всегда.

После завтрака мы свернули лагерь, сели в вездеход и тронулись. Батарея успела зарядиться наполовину, но этого хватало на несколько десятков километров.

Я вырубил с рыхлого песчаного берега, изрытого копытами после вчерашней свалки вдоль и поперек, перевалил через невысокие сопки и погнал по степи с ее колючками и кочками.

Некоторое время ехали вдоль берега вверх по течению, на запад. Молчали. Витька, невзирая на бодрящее омовение, заклевал носом, а Ива решила, видимо, не мешать никому разговорами. Я вдруг вспомнил, что в откочевавшем становище находятся Азалия и Катерина, мои наложницы. Не то чтобы я мечтал снова с ними покувыркаться, — просто чувствовал ответственность.

У Отщепенцев не принято посягать на собственность бро или сис, и неважно, что это за собственность: шатер со шмотками или живой симпл. Наложницы должны быть в порядке. Но мало ли что? Дебилов везде хватает.

Я совершенно забыл спросить о них вчера Люцию. Ну да ничего — вскорости выясним...

Местность все сильнее бугрилась холмами и приземистыми горами, берега становились все более обрывистыми и высокими — к воде не подступишься. Ближе к обеду, из-за подсевшей батареи, мы сделали привал в местечке, где давнишние дожди проделали большую промоину, взрезавшую отвесный берег. По этой промоине осторожно спустились к воде. Между вертикальным склоном и рекой там протянулась узкая полоса черной гальки.

Оставив вездеход подзаряжаться наверху, мы спустились по промоине к реке и пообедали в тени отвесного склона. Я снова приманил рыбу — на мою волшбу клюнул сомик солидного размера и два окуня (о том, что это окуни, сообщила Ива, сам я в рыбе не разбираюсь). На берегу чернело кострище и было разбросано лошадиное дерьмо, из чего мы сделали вывод, что здесь останавливались Отщепенцы. Место удобное, отчего бы не остановиться?

Улов оказался слишком большим для двух едоков без холодильника, и я собрался было отпустить одну макрель, но Витька воспротивился. Сказал, что если зажарить все сразу, то хватит на ужин. До вечера жареная рыба не испортится.

После обеда снова тронулись в путь и уже спустя час впереди увидели между холмами Великую Росскую Стену — гигантское, высотой в несколько километров, решетчатое сооружение неясного назначения. Космическая антенна ли это, генератор ли силового поля для защиты от Поганого поля, или еще что?

Стена поначалу то и дело скрывалась за сопками, но вскоре выросла над горизонтом настолько, что потерять ее из виду было невозможно даже в низинах.

Иногда рядом со Стеной внизу мелькали кое-какие другие постройки. Что-то вроде ажурных башен и арок.

В тот день из-за клятой батареи до Прикордонья мы не добрались. Заряд кончился в заросшем кустарником овраге, по которому тек ручей, впадающий в Танаис. Ручьев и мелких речушек здесь было немало. Остановились мы задолго до заката и остаток дня маялись от безделья. Купались, болтали, два раза поужинали.

Я постоянно сканил окружающее пространство. Ни разу не уловил ничего похожего на слежку, если не считать поток внимания сверху, от Ивы-1. Россы все-таки за ними следили — тут нет никаких сомнений. Но каких бы то ни было действий не предпринимали. Мы действовали в рамках дозволенного. Это, с одной стороны, успокаивало, а с другой — вызывало досаду. Ничего, успокаивал я себя, придет время, и мы этих высокомерных сволочей огорошим.

На следующий день спустя три часа езды по горам вдоль реки, путь преградила высоченная отвесная скала, уходящая левым краем к самому Танаису, а правым сливающаяся с массивной каменной горной грядой. Объехать эту преграду было нереально.

Но в этой скале чернел широкий проход в сводчатый туннель, прорезанный в сплошном камне с ювелирной точностью.

Я затормозил перед этим проходом, вылез из кабины, подошел к туннелю вплотную. Витька тоже выбрался из машины, но держался поодаль, вняв моим предостережениям. Ива встала рядом со мной плечом к плечу.

Ни камер, ни прочих намеков на технику мы не заметили. Просто дыра шириной метров десять, высотой — пять-шесть. Внутри — чернота.

Тем не менее В-сканер подсказывал, что проход закрыт чем-то незримым. Я наклонился, взял камушек, кинул в туннель. Камушек мягко и неслышно отскочил от силового поля и упал к моим ногам.

— Энергетический экран, — озвучила Ива очевидное. — Подстраховались.

— Кто бы сомневался? — сказал я. — Думаешь, тут есть приборы слежения?

— Непременно.

— Они замаскированы?

— Приборы слежения могут представлять из себя силовые контуры. Они невидимы — даже для моих детекторов.

— Ну да, ну да, — сказал я. — Дерьмовые устаревшие на двести лет камеры отдали сиберийцам, а себе поставили силовые контуры... Ладно, попытаемся поговорить.

Я откашлялся и громко, с пафосом провозгласил на русском языке:

— Приветствую! Мы прибыли в штаб Отщепенцев на переговоры!

В ответ — ноль реакции.

Шумела вдалеке река, среди скал шмыгали ящерицы и трещали насекомые.

Подождав немного, я запустил в экран камушком, и на сей раз камушек улетел в тень туннеля.

— Они сняли экран, — снова сказала Ива очевидное.

— Да ну? — усмехнулся я.

Не удержавшись, смерил ее с ног до головы, задержавшись на груди. Сегодня Ива (до нашего пробуждения) надела невероятно короткий топик канареечного цвета, который не скрывал, а подчеркивал обольстительные формы груди, и обтягивающие синие брюки. Волосы собрала в конский хвост. Тонкая талия, верхняя часть крутых бедер, рельефный животик — все это оставалось открытым. Ива единственная из нас троих, кто не загорел на обильном южном солнце — но это и не удивительно. Наоборот, я бы поразился, если бы она загорела. Хотя, в принципе, не думаю, что для русской науки проблема сварганить биобота, который способен загорать.

— В ближайшее время на улучшение эмоционального климата не надейся, — с неожиданной лукавой улыбкой сообщила Ива.

Я нервно оглянулся на Витьку — тот глядел в туннель и к нашему разговору не прислушивался. Или прислушивался, но умело притворялся, что увлечен чем-то другим.

— Почему? — тихо спросил я.

— Тебя ждут сражения. Связь с женщиной накануне битвы ослабляет мужчину.

Брови у меня сами собой полезли наверх.

— Ах вот как?

— Да.

— Ну, во-первых, ты не...

— Это неважно. Это не меняет сути.

— А во-вторых, откуда ты взяла эту инфу?

— Из истории человечества.

Этот диалог, которого я никак не ожидал, здорово сбил меня с толку и смутил. Ива становится слишком похожей на настоящую женщину... во всех смыслах. А эта ее лукавая, все понимающая улыбка?

“Ты будешь первым в истории человечества балбесом, которого продинамил робот”, — пропел циничный мысленный голосок.

Нет, возразил я сам себе, насчет робота — возможно, но воздержание перед битвами — не выдумка. Если Ива взяла эту “мудрость” из истории, значит, многим древним воинам женщины не давали перед битвой. Воины шли на войну злые, как собаки, и рвали врагов на куски.

— Ну и ладно, — с горящими щеками сказал я. — С климатом все океюшки, ясно? Я и не собирался...

— Чего ты не собирался? — спросил Витька, подойдя к нам вплотную. — Чего топчетесь? Мы едем или как? Проход открылся.

— Поехали! — отрывисто бросил я и первым запрыгнул в вездеход. Злобной силы вроде бы и впрямь прибавилось.

— Как-то легко они нас пропустили, — проговорил Витька. — У нас оружия полный багажник, между прочим. И никакого досмотра.

— Впереди будут еще барьеры, — отозвалась Ива. — Перед ними нас заставят оставить все лишнее. Хотя Прикордонье, или Секция Буфер, это место для войны, поэтому оружие здесь не под запретом. А вот в другие Секции так просто не попадешь.

Я бросил взгляд на нее в зеркало заднего вида.

Как бы лишней не оказалась сама Ива, подумалось мне. Ее тело — само по себе оружие, это стало ясно после сражения с Отщепенцами.

Мы ехали по туннелю, который слегка изгибался вправо. Из-за этого поворота конца туннеля было не видать. Когда вездеход въехал в проход, вспыхнул мягкий свет, причём сочился он непонятно откуда. Светился сам воздух, освещая гранитные стены и сводчатый потолок. Кстати, в туннеле не было тубингов и каких-либо опор. Проход словно тупо вырезали в сплошной каменной скале. Я подозревал, что все эти “естественные” каменные стены — на самом деле работа умелого дизайнера.

Зато дорога была преотличная — гладкая, как стекло. После тысячи километров бездорожья езда по такому хайвею показалась мне чудом чудесным. Едешь и не ощущаешь того, что едешь. Будто летишь с нехилой скоростью. Как во сне.

Я почти впал в дорожный транс, когда туннель закончился — впереди засияло дневным светом полукружие выхода. Я сбавил скорость: черт знает этих россов, вдруг экран на выходе не выключен? Вломимся на полной скорости в силовой барьер — костей не соберем.

Но барьера не было. Мы медленно выехали из туннеля, в котором немедленно погас свет, и очутились на обширной каменной площадке, с трех сторон окруженной вертикальными скалами. Судя по всему, искусственными.

С четвертой стороны открывался вид на постепенно понижающуюся зеленую равнину,

усеянную холмами, оврагами и кущами деревьев. Равнина упиралась в блестящий серп Танаиса почти у самого горизонта.

На западе равнину обрамляла горная гряда с многочисленными постройками — на этом расстоянии крохотными и невнятными. Несомненно, это были строения россов.

Но в первый момент мы увидели не все эти нюансы, а ручей справа, текущий вдоль скалы и исчезающий в круглом колодце. Возле ручья протянулась коновязь из тонкого древесного ствола и длинный деревянный лоток с сеном. У коновязи стояло несколько лошадей, хрупало сеном, встряхивало хвостами и гривами, отгоняя мелкий гнус. Над коновязью раскинулся навес из белого пластика... По крайней мере, он выглядел как пластик, растянутый на специальном штативе с шестиугольными сотами.

Что-то подсказывало, что ручей, аутентичная коновязь и лоток с сеном — дело рук россов, а не Отщепенцев. Здесь все сделано так, чтобы Отщепенцы чувствовали себя как дома, но в то же время ощущалась некоторая неловкая имитация. С навесом, например, россы и вовсе не мудрили.

Я припарковал вездеход возле навеса, но так, чтобы не мешать коням. Мы вышли из кабины и по нагретой солнцем площадке прошли к ее краю.

Площадка широкими ступенями нисходила вниз и перетекала в обширное пространство — уже без намека на цементное покрытие. Здесь росла трава, изрядно, впрочем вытопанная, и кусты. Эта территория располагалась сильно выше равнины, и отсюда тоже открывался живописный вид. Само пространство предназначалось для становища Отщепенцев. Мы увидели кучу разномастных шатров, раскинутых в строгом шахматном порядке; дымили костры, слышались голоса взрослых и детей; кто-то орал пьяную песню; доносились запахи жарящегося мяса и конского пота.

В западном конце становища возвышалось причудливое сооружение в виде овального здания, приподнятого над землей на решетчатой конструкции метров на десять. Тень от этой вышки пересекала все становище — солнце успело переместиться на западную половину неба.

— Это и есть ха-ку? — поинтересовался Витька, приставив ладонь козырьком к глазам и запрокинув белобрысую голову.

— Наверное, — ответил я, глядя уже не на становище, а вдаль, на реку. Очень далеко отсюда через реку был перекинут мост — довольно крупный. Через него запросто проедешь на вездеходе...

Это хорошо, отметил я про себя. Есть где преодолеть реку, не покидая вездеход.

Другой вопрос — пустят ли нас россы.

Но — будем решать проблемы по мере поступления.

Мы спустились по ступеням к становищу. Группа мужчин и женщин, развалившаяся возле низкого столика с фруктами под навесом, вылупилась на нас. Все были сплошь татуированными и с длинными волосами, заплетенными в косы.

— Приветствую вас, бро и сис! — крикнул я. — Мы прибыли по указанию Люции. Нам надо в ха-ку!

Отщепенцы переглянулись. Молча показали пальцами на вышку. Снова переглянулись. Я ощутил попытки просканировать нас и поставил жесткий блок. Отщепенцы привстали, подобрались, насторожились.

— Приветствуем и тебя, бро, — отозвалась одна из женщин. Она была пухлая, с пшеничными волосами, собранными в шикарный “каравай” на голове, глаза светло-голубые,

почти белые, сиськи — как два ведра. — Ты пришел на войну?

— Да.

— Я его помню, — заявил один молодой мужик рядом с грудастой блондинкой. — Совет его принял к нам в становище, он еще башку тому Слэвину ненормальному проломил, а после уехал к россам.

— Да, я свой, — коротко сказал я. С Отщепенцами чем короче и яснее говоришь, тем лучше.

Народ неуверенно заулыбался, хотя все они чувствовали непонятный магический блок. Это их нервировало. Но ничего — потерпят.

Я зашагал к вышке, Ива и Витька молча последовали за мной.

— Только не говорите мне, что нам надо лезть по этой фигне, — сквозь зубы процедил Витька, подразумевая ажурную конструкцию.

Но нет — лезть никуда не понадобилось. Прямо под овальным ха-ку, похожим на летающую тарелку, на траве лежал блестящий шестигранник — чуть больше тех, что образовывали гравитационную дорогу. По его периметру шли поручни.

Это подъемник, сообразил я.

Мы вступили на шестигранник через зазор в кольце поручней. Встали, озираясь. Ни лебедок, ни прочих устройств для подъема не было заметно. Я подозревал, что шестигранник тоже гравитационный, и не ошибся: устройство без всякого понукания со стороны начало плавно подниматься по воздуху.

Витька охнул, схватился за поручень и перегнулся, наблюдая за уходящей вниз землей.

Я тоже схватился — но от неприятного чувства, что мы сейчас рухнем...

Но мы не рухнули. Подъемник достиг днища “летающей тарелки”, в которой плавно открылось отверстие. Литая поверхность сморщилась и собралась в складки, как мятая фольга. Этот эффект я наблюдал в гравитационном поезде. С этой высоты вид на равнину стал просто потрясающим.

Но любоваться долго не пришлось. Площадка сравнялась с полом, и мы очутились внутри ха-ку — в центре обширного помещения с куполообразным белым потолком, занимавшем почти все пространство сооружения.

Здесь россы не пытались соблюсти “отщепенский дизайн” — все было максимально минималистично, высокотехнологично и футуристично. Гладкие изогнутые стены без углов. Вырастающие из пола на “стебельке” столы и стулья. Длинные диваны из неведомого материала, изогнутые параллельно стенам. И — огромное панорамное окно от пола до потолка, охватившее половину всего периметра ха-ку. Направлено окно было, ясен пень, в сторону равнины, а не скал.

Напротив окна — гладкая безликая стена с тремя проемами дверей без ручек и прочих приспособлений для того, чтобы эти двери как-то открывать или закрывать. Двери закрыты, на уровне глаз виднеются пупырышки наподобие шрифта Брайля — индикаторы виртуального мира, доступного только россам. Интересно, как всем этим пользуются Отщепенцы? И куда ведут двери — в сортир?

Они были тут — старейшины становища. Низкорослый крепыш Алихан с густыми сросшимися бровями, орлиноносый Мухаммед, лиловокожая Нэнси с дредами, украшенными полевыми цветочками, и два незнакомых Отщепенца средних лет: мужик с одутловатым лицом и вздернутым носом и женщина, будто сошедшая с картинок русских народных красавиц. Ей только кокошника не хватало и сарафана в пол.

Алихан стоял у окна, заложив руки за спину, и до нашего прибытия, видимо, лицезрел поле битвы. Нэнси находилась рядом, потягивая из высокого стакана опаловый напиток из трубочки. Мухаммед и два незнакомца развалились на диване. На столике перед ними стояли стаканы и тарелки с фруктами.

В сторонке притулились три симпла — я опознал их по В-токам. Два молодых парня и девушка. А еще в помещении неподвижно застыли два симбота в сверкающей броне.

Вот тебе и ха-ку Отщепенцев! Отщепенского здесь, кроме самих Отщепенцев, ровным счетом ничего. Все российское.

С помощью нейрочипа я освежил память. При первом моем визите пред ясные очи совета колдуны представились. Мужчин звали Тимур, Алихан, Рубен, Джером и Мухаммед. Женщин — Алевтина, Томирис, Люция, Тамара и Нэнси.

Рубен спохватился тогда, помнится, куда запропастились Миша и Варвара, которые не соизволили прийти на совет ввиду своей отщепенской недисциплинированности.

Я поздоровался. Старейшины — кроме новеньких — меня признали, заулыбались. Немного настороженно, правда, — вероятно, из-за действия Лапы Дьявола и присутствия Ивы и Витьки.

Дабы снять напряжение, я перечислил всех присутствующих по именам — опять-таки кроме новеньких и симплов. Новенькие представились сами — и оказались теми самыми Мишей и Варварой, которые прогуляли прошлый совет.

— Назовись и ты, — мягко, почти вкрадчиво сказал Мухаммед. Его острые черные глаза одновременно улыбались и будто целились поверх стрелы в натянутом луке. — Кажется, ты теперь не совсем тот ведун, что прежде.

Я глянул на невозмутимую Иву слева от себя, на Витьку справа, спрятал улыбку в отрастающую бороду и выдал:

— Я — Олесь Панов, трижды рожденный, дважды умерший, человек без прошлого и памяти. Много путешествовал по Поганому полю и многому научился. Потерял свою возлюбленную, ее похитили россы. Теперь россы — мои враги. А это мои спутники — Ива и Виктор.

Прозвучало до отвращения высокопарно, на это и был расчет. Витька еле слышно хрюкнул. Но Отщепенцы были впечатлены.

Когда легкое смятение прошло, Мухаммед тем же вкрадчивым ласковым тоном проговорил:

— Настоящий ведун не привязывается к женщине или мужчине!

Я был готов к такому аргументу:

— Настоящий ведун — сам хозяин собственным желаниям. Мое желание — спасти свою симплюю женщину.

Мухаммед помедлил, раздумывая, затем кивнул:

— А, ну раз это твоя собственность, то ты имеешь право взять его обратно. С боем, если понадобится. Раз ты желаешь победить россов, то наши цели общие. Что ты предлагаешь?

Я оглянулся на симботов. Любопытнейшее обрисовывается дельце! Сидят, понимаешь, тут эти Отщепенцы, российские коктейли через соломинку потягивают, чият на диванчике — опять-таки российского производства — и рассуждают о том, как победить россов! Показуха и лицемерие. Не удивлюсь, если и луки со стрелами Отщепенцам дают тоже россы.

Все это настроения не прибавляло. Выходит, шансов победить россов нет от слова “совсем”; все договорные войны — игра самих россов, а Отщепенцы трудятся для них в

качестве боевых клоунов.

В принципе, это и раньше было понятно, но я не думал, что дела настолько хреновые.

И симботы здесь поставлены не для красоты, а чтобы поглядывать, слушать и мотать на электронный ус. На случай каких-нибудь нежелательных крамольных идей. А я-то как раз и прибыл с такими вот идеями. И на симботов моя волшба не распространяется, к сожалению.

Однако отступать поздно.

— Нам нужно поговорить с Секулярами. Для начала.

Ива слева от меня внезапно развернулась к симботам всем телом.

— Сегодня перемирие, — объявил Алихан. — Все Секуляры уехали. Будут завтра — следить за битвой и соблюдением всех правил.

Заговорила и Нэнси:

— Чтобы с тобой встретились Секуляры, ты должен быть одним из участников войны. Иначе для них ты бесправный Слэвин.

— Вот как? Ладно. — Я пожал плечами. Напомнил сам себе: отступать поздно. — Поучаствую в войне. Но только один день. Этого достаточно?

Алихан энергично кивнул:

— Сойдет. Покажешь заодно свои способности.

Нэнси сощурилась, глядя на Иву. Громко спросила:

— Что ты делаешь, искусственная женщина?

Но Ива уже подошла к одному из симботов и обняла его.

Глухо треснуло, и Иву отшвырнуло на два метра от симбота. Тот пошатнулся, но устоял. Второй симбот развернулся к товарищу, но ничего не предпринимал. Вероятно, тоже растерялся. Ива вытянулась на полу — неподвижная, с открытыми глазами, уставившимися в потолок. Сейчас она действительно напоминала куклу размером с человека.

До меня донесся слабый запах озона.

— Что это с ней? — встревожилась Варвара. — Сломалась твоя кукла?

— Она не кукла, — сказал я, — а мой друг. Не трогай!

Последние слова адресовались Витьке, который присел на корточки рядом с Ивой и вознамерился прикоснуться к ней. Я подошел к ним и, помедлив, коснулся биобота сам. Током меня не ударило. Тогда я поднял Иву на руки; ее тело мягко поддалось, как у настоящей женщины без сознания.

— Разберемся... — сказал я без уверенности. — Видимо, переклинило из-за близости других симботов... Что произошло? — спросил я симботов.

Но те молчали. Не исключено, вовсе не имели аппарата речи.

Тогда я посмотрел на Отщепенцев.

— Все по плану?

— Да, — отозвался Алихан. — Завтра с рассветом мы выходим на битву.

Кивнув, я пошел к подъемнику с Ивой на руках. Витька поспешил за мной.

Глава 7. Битва в Прикордонье

Советники отправили с нами одного парня-симпла. Он провел нас по становищу — мимо разнообразных шатров, между которыми россы установили фонари, мимо загонов для лошадей и прочей скотины, мимо тренировочных площадок с мишенями для стрел и соломенных чучел для рубки саблями.

Я нес Иву на руках, она по-прежнему пребывала в выключенном состоянии. Глаза распахнуты, в них отражается небо, рот приоткрыт. Встречающиеся нам люди с любопытством провожали нас взглядами. Слишком, впрочем, никто не был шокирован — для становища, по всей видимости, зрелище, когда здоровый бугай несет то ли мертвую, то ли бессознательную деву, не слишком редкое.

Мы почти дошли до края становища у скал, где высился большой шатер Старейшин. Обычно он пустовал, и иногда в нем играли дети и прохлаждались собаки. Сейчас тоже мало что поменялось. Старейшины предпочитали кайфовать в прохладном ха-ку, чем потеть в необустроенном шатре.

Симпл остановился. Я зазевался, глядя на шатер Старейшин, и не сразу признал “собственный” шатер, доставшийся мне по наследству от Гришана. Парень-магл поклонился и убежал обратно, а я подошел к занавешенному входу.

Внутри было темно и прохладно — благодаря двойной крыше из ткани. Гигантская постель пребывала на прежнем месте — равно как и низкий столик. На нем стояли чаши, тарелки, кувшины — вся посуда наполнена разнообразной едой: фруктами, холодным мясом, овощами, какими-то напитками.

Людей нет.

Кого это мои наложницы ждут?

Я кашлянул. Сзади меня нетерпеливо подталкивал Витька, который не мог войти из-за меня, но унюхал ароматы еды. Занавеси сераля-пристройки колыхнулись, и оттуда подобно невесомым привидениям выплыли Катерина и Азалия. Еще краше и загадочней, чем я их запомнил в первый раз.

— Пано! — синхронно вскрикнули обе, прижав тонкие руки к груди. Лица осветились счастливыми улыбками, вполне искренними.

— Ого! — сказал Витька. — Они тебя по фамилии называют?

Наложницы были в белых полупрозрачных пеньюарах — будто не день на дворе, а ночь. Волосы распущены, но лица отнюдь не сонные. Обе покосились на бесчувственную Иву, но от вопросов воздержались.

Зато не воздержался я:

— Кого это вы ждете?

— Так тебя ж, пано, — сказала Азалия. — Тебя ждем!

— Откуда вы знали, что я приеду? — изумился я, подумав о невидимых камерах в туннеле. Инфа о проезжающих через туннель каким-то образом идет в становище, что ли? Россы отчитываются перед наложницами? Бред.

— Мы не знали, — прощбетала Катерина. — Мы тебя каждый день ждем... И вот — дождались!

— Каждый день накрываете на стол и переодеваетесь в... это? — растрогался я.

— Верно, пано. Сие есть наш долг.

Я положил Иву на кровать. Наложницы охнули, но возражений не последовало. Наверняка они вообразили, что это мертвец, а я положил труп прямо на ложе любви.

— Это кукла, — пояснил я. Слово мне не нравилось, но зато Азалия с Катериной сразу поймут. — Росская искусственная женщина. Но я взял ее в бою у россов, и теперь она служит мне.

Судя по выражению лиц наложниц, мое объяснение было максимально исчерпывающим. В глазах вместо страха и отвращения появилось любопытство. Обе, наверное, задумались, как именно служит мне росская искусственная женщина.

— Сейчас она отчего-то сломалась. Пусть полежит и... э-э-э...

Что я хотел сказать? Что Ива отдохнет и придет в себя, как человек?

Не исключено. Я воспринимал исходящие от нее В-токи — ее организм не отключился полностью, перешел в спящий режим. Отчего — неизвестно.

— Как думаешь, это ее симботы вырубил? — прошептал Витька.

— Она сама обняла одного из них, — также шепотом ответил я.

— Значит, на нее подействовали еще до этого? Запрограммировали? Взломали?

— Все возможно...

— Плохо будет без нее, — уныло сказал Витька.

— Не спеши хоронить, — оборвал я. — Она еще жива — я чувствую.

Витька помолчал, замороженно глядя на лежащую с открытыми глазами Иву. Потом глянул на меня и с уважением сказал:

— Ты никогда не сдаешься, да? Даже если твой... друг умер, ты его с того света достанешь?

Я натужно хихикнул. Его слова меня смутили.

— Достану — не сомневайся, Витька! Смерть — не повод вешать нос.

Я оборвал сам себя, прищурился, вглядываясь в неподвижную Иву.

— Витька, ты не заметил — она сняла фенечку из зеленых камушков?

— Нет...

— Не заметил, или не сняла?

— Не снимала она...

— Тогда где она, фенечка?

Я сел на постель. На запястьях Ивы ничего нет. Я ощупал одежду, на синих штанах нашел кармашки — все пустые.

— Странно...

Я посидел минуту, размышляя. Ничего не понятно. Что это — предательство? Подстава? Что, если Иву вырубил удаленно и забрали наше оружие?

— Где твоя бусина? — спросил я пацана.

— Я ж отдал... Иве.

Я тихонько выругался. Из сераля выглянул и тут же спрятался мальчишка с темной копной волос и азиатскими чертами лица. Сын Азалии. Он заметно подрос.

— Черт со всеми вами, — заключил я. — Дайте пожрать, думать будем после.

Я начал было вставать, когда Ива вздрогнула всем телом, словно ее током ударило, и рывком села.

Наложницы хором взвизгнули и замолкли, закрыв ладошками рты. Витька отшатнулся. Азалия и Катерина бочком-бочком двинулись к сералю и исчезли.

Лицо Ивы задержалось совершенно несимметрично, кончики губ поднялись, опустились вразнобой, глаза хлопали по-очереди. Зрачки то расширялись на всю радужку, то сужались — опять-таки не одновременно. Зрелище было жутковатое.

Наконец лицо умбота разгладилось, Ива повернула ко мне голову и звенящим неживым голосом на одной ноте произнесла:

— Третья резервная копия создана и успешно внедрена в симбота номер 112 Секции Буфер, контроль ха-ку Отщепенцев.

— Чего?

Я встал, но взгляд Ивы не последовал за мной, оставшись приклеенным на одной точке. Она будто снова выключилась.

— Ива?

Она внезапно улыбнулась. Спустила ноги с постели, села, вытянула перед собой руки, снова опустила.

— Наверное, я вас напугала? — нормальным голосом спросила она. — Решение было принято спонтанно, поэтому я не предупредила. Когда увидела симботов, то решила создать резервную копию и внедрить ее в одного из наблюдателей.

— В смысле, ты...

— Скопировала матрицу своей личности и внедрила в симбота. Теперь на свете существуют уже три Ивы. Первая летает на орбите, Вторая сейчас перед вами, Третья в теле симбота номер 112. Третья отправится к Секулярам, как только представится возможность, и передаст информацию о деятельности Кураторов.

— Круто! — восхитился Витька.

Но я не спешил радоваться. Плохая примета — балдеть раньше времени.

— А где зеленые камушки? — спросил я.

— Передала симботу. Надеюсь, никто не заметил? Если Третьей не удастся договориться с Секулярами, она взорвет что-нибудь... вместе с собой.

— Она и вправду это сделает? — растроганно спросил я.

— Она — это я. С моей памятью и... чувствами. Ради друзей она пожертвует собой. Как и я.

Я не знал, что и сказать.

Из сераля выглянули обе прекрасные девы, темненькая и светленькая, привлеченные звуком обычного женского голоса, которым заговорила Ива.

Ива обернулась на них.

— Кто это, Олесь? И где мы находимся?

— Мы находимся в моем шатре, — сообщил я. — А эти две леди — мои наложницы.

— Оу, — вежливо сказала Ива.

Вечером Витька заобщался с сыном Азалии — Артуром. Шкет оказался сообразительным и общительным, а еще от него исходила волшба. Я поинтересовался у Азалии, в курсе ли она, что ее сын — ведун. Она вспыхнула от удовольствия и сказала, что знает, но Артур еще не достиг возраста, когда дети должны пройти экзамен на владение магией. После этого экзамена детишки делятся на ведунов и симплов, и, таким образом, это испытание определит всю их последующую жизнь. Юные ведуны поступят на обучение к опытному магу, получают первые татуировки и будут осваивать искусство чародейства.

Азалия не сомневалась, что Артур экзамен пройдет как надо, и я разделял ее

уверенность. Ее сын будет далеко не самым слабым ведуном.

На закате наш шатер посетили два старых знакома — похожий на коня Викентий и чернокожий Франсуа.

— Хэй, бро! — завопил Викентий издали. Он ничуть не изменился: такой же здоровенный, пахучий, с длинной косой и лошадиноподобной татуированной физиономией. Франсуа молча улыбался, сверкая белоснежной улыбкой на черном лице. — Мы только что услышали, что ты вернулся! Как дела?

Мы поболтали, и неразлучная парочка отчалила. Лагерь быстро опустел с наступлением сумерек, все улеглись отдыхать — завтра становище отправлялось на битву с россами.

Мы с Витькой расположились на шикарной кровати — моем ложе любви. Наложницы затихли в серале, а Ива встала у входа на привычный дозор. Я с сожалением представил, как шепотом позвал бы наложниц, не будь тут Витьки и Ивы, и как Азалия и Катерина немедленно возникли бы в полумраке с будоражащими воображение словами: “К праву твоему явились, пано!”

Эх!

А впрочем, может, Ива права, и перед битвой лучше не растрачивать энергию. Пригодится. Так что все идет как надо...

Рано утром, еще до восхода солнца, я нацепил легкие кожаные доспехи, шлем и сел на боевого коня. Все это — и доспехи, и конь — досталось мне от Гришана. Какая польза от кожаных доспехов в сражении с россами, я не понимал. Но никто по этому поводу не парился, поэтому не стал париться и я. Вероятно, россы будут сражаться теми же примитивными орудиями, что и Отщепенцы.

В конце концов не лазерами ведь россы будут пулять в варваров, вооруженных луком и стрелами? В таком случае договорная война закончится, не успев начаться.

Пока меня не было, Викентий с Франсуа временами выгуливали моего коня. Если б не это, мой четвероногий транспорт оброс бы жиром. Но благодаря заботе двух Отщепенцев конь пребывал в отличном состоянии — всхрапывал, тряс башкой и длинной гривой, рыл копытами землю, рвался в бой. Я даже испугался, что не удержусь в седле.

Возникла проблема с моим Знаком Лапы Дракона. Он подавляет магию, и это сыграет плохую службу в сражении — особенно если в бою Отщепенцы используют волшебство. Я спросил об этом Викентия, который ехал на коне рядом.

— Раньше волшебство было под запретом, — сказал Отщепенец. — А сейчас разрешается. Правила изменились.

“...и изменились в сторону ужесточения”, — договорил я про себя. Россам надоело воевать вполсилы. Раз Отщепенцам разрешено применять магию, следовательно, и сами россы не будут стесняться в методах.

Ладно, буду сражаться на отдалении от остальных ведунов, чтобы не блокировать их магию. Придется то включать, то выключать допарт, полученный от северной шаманки.

Меня провожали Азалия, Катерина, Ива, Витька и Артур.

— Применяй все свои допарты, не стесняйся, — посоветовал мне Витька.

— Береги себя, — вторила ему Ива. — Твоя цель — не выиграть в битве, а поучаствовать для последующей беседы с Секулярами.

— Главное не победа, а участие, да? — хохотнул я.

Настроение было приподнятое, чуть возбужденное. Страх я не испытывал, но приятное волнение разливалось по телу.

— Пано! — вскричали мои нежные наложницы. — Возвращайся с головами наших врагов, покрытый славой!

Артур от напутствия воздержался, лишь кивал и восхищенно улыбался. Наверное, мечтал поскорей вырасти и тоже отправиться на битву.

Со всего становища вниз, на равнину, стекались конные всадники. Вошло солнце, и воздух миглом нагрелся. Я быстро взопрел под шлемом и нагрудными доспехами. Да, несладко мне придется, когда начнется дневная жара...

Мы выстроились в подобие строя, и Алишер, носясь перед нами на белом скакуне, проорал вдохновляющую речь. Большую часть я не услышал — далековато было. Да и всадники по соседству не особо слушали — болтали во весь голос.

Все эти речи полководцев перед боем в нашем случае были обычной показухой, действием для галочки, соблюдением традиций. Если трезво рассудить, размышлял я, вся эта договорная война — своего рода карго-культ.

Но полностью расслабиться мешало воспоминание о захваченном в плен и убитом Джероме — старике Отщепенце, посвятившем меня в ведуны и набившем мою первую магическую татуировку. Жалко было деда. Речи-то здесь показушные, а вот убийства самые настоящие. Глупо расслабляться.

— Бьемся насмерть, сис и бро!!! — в завершение своей речи проревел Алишер.

Ага, как же. Дураков тут нет, чтобы биться насмерть.

Колонной поехали на равнину. Вблизи оказалось, что она разделена на столь любимые россами шестиугольники в диаметре до полукилометра. В качестве разделителя — низкий заборчик из гладкого зеленоватого камня, похожего на малахит. Но это не малахит, понятное дело.

Вдали, в соседней “соте” торчали крохотные конные фигурки какого-то другого отряда.

Наш отряд тоже встал в ожидании. Солнце нещадно палило сбоку. В воздухе носилась мошкара, кошмарно воняло потом — человеческим и лошадиным.

Я глянул на Викентия и Франсуа — молча сидят в седлах, в ус не дуют. Глаз из-за шлема не видно как следует. Викентий пожевывает травинку, Франсуа зевает и ковыряет в носу. Для них эта пытка — обычная рутина, сродни офисной работе.

А я начинал потихоньку закипать и сходить с ума. К счастью, с реки подул свежий ветерок, а над горами поднялись черные рваные тучи, заслонив раскаленный солнечный диск. Тотчас на равнину опустилась прохлада. Я с облегчением выдохнул, мысленно матеря россов, которые опаздывают на битву.

Наконец вдали взревело. В-сканер доложил, что к противоположного конца “соты” к нам быстро приближается отряд из нескольких десятков человек. Спустя пару секунд мы их узрели воочию: россы мчались на нас по полю с бешеной скоростью на байках!

Да, на мотоциклах. Не совсем обычных, как в Скучном мире. И не таких, какие использовались при охоте на Лего. На каких-то суперпродвинутых, с шарообразными колесами, стремительных очертаний, красивых и хищных.

Отщепенцы завопили, заулюлюкали, начали доставать оружие — по большей части луки со стрелами.

Я достал саблю Гришана. Моя любимая шпага слишком легкая для конного боя. Собственно, я вообще не владел умением биться на коне и тем более на ходу стрелять из лука. Тут требуется многолетняя практика, желательно с детства. Вся надежда была на мой нейрочип и его боевой режим. Я его пока не включал, чтобы не истратить энергию раньше

времени, но приготовился.

Отщепенцы во главе с Алиханом рванули навстречу противнику — как говорится, с пашками наголо. Кто-то пустил стрелы, кто-то просто заорал и ринулся в атаку. Никакой тактики и стратегии я не разглядел.

Три передних росса затормозили, развернувшись к нам боком. Трюк-то эффектный, вот только попасть стрелой проще — в ту же ногу, например.

Возле носа вжикнуло — пролетела стрела. Стреляли россы — не из луков, а подобия очень коротких арбалетов, которые можно держать одной рукой.

— Ах ты!.. — пробормотал я и врубил боевой режим.

Время растянулось, звуки зазвучали на октаву ниже. Показалось даже, что стало прохладнее — но это была иллюзия.

Я пришпорил коня и понесся вперед, на ближайшего росса. Лапу Дьявола выключил, чтобы не мешать бро и сис творить магию.

Кто-то из россов снова пустил стрелу, но она улетела в “молоко”, мимо. При желании я мог бы ее поймать, но желания не возникло.

Ударил из всех психосуггестивных Знаков, но волшба — такое впечатление — улетела в пустоту, как пущенная до этого в меня стрела.

Ближайший росс, которого я выбрал в качестве мишени, оскалился — зубы белые и острые, как у акулы. Сам в белом комбинезоне из блестящего материала, напоминающего резину, покрытого неведомыми символами; на длинной худой шее что-то вроде ошейника с шипами; рожа длинная, худая; картину дополняют острые эльфийские уши и собранные в пучок на макушке белые волосы.

Все прочие россы разделились кто во что горазд, как на неделе моды, организованной ведущими модельными домами Европы, когда бедных истощенных моделей наряжают во всякую смехотворную ересь. Рябило от разноцветных комбинезонов, полупрозрачных накидок, гламурных доспехов, оставляющих открытыми совершенно неожиданные части тела — но защищенные, судя по всему, силовыми полями.

“Мой” эльф выглядел сравнительно прилично посреди этого пестрого шалмана.

Я налетел на росса и обрушил на него удары саблей. Бил не то чтобы точно, но очень быстро — спасибо боевому режиму. Клинок даже следа на комбинезоне не оставлял, но эльф активно прикрывал голову, не защищенную шлемом. Тогда я нацелился было на остроухую башку — но эльф ударил ногой в бок моего коня, и когда тот шарахнулся, я чуть не вывалился.

Эльф заржал не хуже непарнокопытного, поддал газу. Его байк, похожий на гигантскую гантелю, крутанулся на месте, из-под шарообразных колес взметнулись комья земли с травой, осыпав меня с головы до ног. Я увидел краем глаза, как эльф поднимает руку с проапгрейденным арбалетом, нырнул за круп коня — и все-таки свалился.

Вокруг орали, лязгали, ревели байки, всхрапывали кони. Россы швырялись короткими веревками с утяжелителями на концах — эти штуки путали ноги коням, и те падали на всем скаку, если всадник не успевал разрубить веревку.

Земля тяжело ударила меня в бок и по части спины. Ничего не понимая, я на автопилоте вскочил, сжал руку, из которой не выпустил саблю. Мой конь унесся куда-то, громко ржа, — не знаю, ранен он был или нет.

Я крутанулся на месте, ища эльфа. Потерял ориентацию после падения. В этот миг что-то очень тяжелое ударило меня между лопаток, и я упал на четвереньки. Послышался

знакомый хохот эльфа.

Позже я понял, что ударил другой росс, пролетевший мимо на байке, а эльф немедленно этим воспользовался, нацелившись меня раздавить колесами.

Я поднял голову и увидел стремительно надвигающийся байк.

БОЕВОЙ РЕЖИМ БУДЕТ ВЫКЛЮЧЕН ЧЕРЕЗ:

6... 5... 4...

Опять-таки на автомате я перекувыркнулся в сторону. Байк пролетел в считанных сантиметрах, обдав воздушной волной. Пользуясь последними мгновениями ускорения, я схватил за ногу проносящегося мимо росса и дернул изо всех сил.

Мощь рывка чуть не вырвала руку из плечевого сустава — но обошлось, не зря ведь я столько тренировался под воздействием допарта Дольмена. Силушка богатырская не подкачала — а вот росс вылетел из седла, как пробка из бутылки шампанского.

Мотобайк проехал несколько метров, чуть не снеся двух всадников, рубившихся со своими раскрашенными противниками, и остановился, встав строго вертикально. Падать на бок транспорт не спешил — возможно, благодаря встроенным гироскопам. А мы с эльфом, оба лишенные “скакунов”, сошлись в схватке.

Эльф щерил острые зубы и не проявлял страха.

Закапало влагой, капли застучали по моему шлему. Я сдернул его — не самый лучший шаг, но у меня уже крыша поехала от жары. Грохотнули раскаты грома, поначалу я принял их за пушечный выстрел.

Боевой режим выключился, и я вывалился в привычный мир, где мухи и стрелы летают слишком быстро, чтобы ловить их двумя пальцами.

Эльф вытянул ко мне руку с арбалетом, который ухитрился не выронить. Сбоку зарычал двигатель байка — я не сомневался, что россы специально сделали такие шумные двигатели, для понтов. Любят эти ребята рев мотора и свист ветра в ушах. Росс в развевающимся за плечами разноцветным плащом, как радужный Бэтмен, сделал полукруг на байке и снова направился ко мне, чтобы окончательно размазать по полю.

Хреново дело: с одной стороны в меня целится эльф, с другой пытается наехать “Бэтмен”. И чего они вдвоем за меня взяли? Почуяли, что я стою двоих таких, как они? Ха!

— Олесь! — прорычал издали Викентий, расправившись со своим противником. Высоко зазвенела тетива, и стрела Викентия вонзилась в руку Бэтмена. Тот мгновенно сбился с курса, завилал, схватился свободной рукой за раненую и поспешил убраться подальше. Забыв при этом обо мне и дружке-эльфе.

— Вот так! — радостно заорал я. — Спасибо, бро!

Но Викентий уже был занят наседавшими на него другими россами. А у меня возникла возможность заняться эльфом как следует.

Церемониться не буду, сказал я себе. Никаких рефлексий и соплежуйства. Просто прибью тварь саблей и голыми руками — как получится — и мешкать не буду. Себе дороже.

Я пошел на эльфа с саблей наголо, активировав все подавляющие психику Знаки. Они не то чтобы не действовали — я чувал, что они работают, но словно бы поглощаются неким экраном вроде того, что закрывал туннель. У россов есть защита от магии?

Эльф снова поднял арбалет, а я — руку с кожаным наручем, чтобы защитить лицо. Когда росс выстрелил — я определил это по еле заметно вздрогнувшему арбалету, — я нырнул вниз, наивно полагая, что это поможет уклониться от снаряда. Ага, как же. Короткая

стрела, больше похожая на дротик, вонзилась мне в грудной доспех.

Но не пробил.

У стрелы (или дротика?) не было острого наконечника, только какая-то присоска, как на детских пластмассовых стрелках для дартса.

“Серьезно?” — успел подумать я за долю секунды до того, как все мое тело нешуточно встряхнул электрический разряд. Крайне неприятное ощущение — когда тебя бьют током. Все мышцы сократились, расслабились и снова сократились, сознание помутилось, и вот я снова лежу на земле, а надо мной грозовые тучи и льющий дождь, переходящий в ливень.

Дротик бил электричеством короткими импульсами, не позволяя собраться с духом и силами и выдернуть проклятый снаряд. Поистине садистское изобретение: и не убивает, и жить не дает!

Интерфейс перед глазами дрожал и двоился, как экран старого-престарого телевизора на электронных лампах во время бури. Допарты самопроизвольно включались и выключались. Я был как поврежденный Терминатор...

Между тем эльф подошел ко мне, беззащитному и подрагивающему от разрядов, и аккуратно уселся на живот. В этом поступке было что-то почти сексуальное. Он достал из ножен трехгранный кинжал и приставил к моему горлу. Мне оставалось лишь вращать зенками и наблюдать за всем этим безобразием.

— Что мне с тобой сделать, ведун? — пропел эльф на русском языке. Его серебристые волосы слиплись от дождя, вода стекала со лба и длинного носа. В больших сиреневых глазах не было злобы — лишь удовольствие и любопытство. — Ты сильный, сильнее всех остальных, не правда ли?

...Включился допарт Глаза Урода.

Что от него толку-то? У россов есть магическая защита.

— Взять тебя в плен, что ли? Поизучать? Почему ты другой?

...Активировался допарт Морока — от него тоже пользы ноль. К тому же работает он лучше в сочетании с артефактами — такими как кольца и М-стикеры, с которыми я давно не заморачивался. Может быть, зря?

— Или ты слишком опасен, и надо с тобой быстро покончить?

Я попытался высказаться — получилось не очень. С губ сорвалось какое-то невразумительное кряхтенье.

— Что? — наклонился ко мне эльф.

— Давай уже... — выдавил я, сотрясаясь от ударов током. — Скорей! Дольмен, врубайся!

Эльф не понял, естественно. Но я и не пытался ему что-то объяснить, просто тянул время.

А допарт Дольмена все-таки подключился — раньше Знака Умбота, слава яйцам! Не хотелось бы, чтобы еще и Первая Ива сунула сюда нос.

Дольмен открывает врата между мирами (если считать миром виртуальную реальность, сгенерированную Единым) и дарит геркулесову силу и энергию. Мгновенно мускулы наполнились нечеловеческой силой, которая когда-то заставляла меня голыми руками выкорчевывать деревья в лесу. Я протянул левую руку и оторвал от доспеха чертов дротик. Правой вцепился в кисть эльфа — тот тонко вскрикнул и выронил кинжал.

Я перевернулся — сейчас эльф оказался внизу, а я сбоку и сверху. Сверху лило с такой силой, что вспомнилось наше с Витькой и Ивой путешествие по Поганому полю... Значит,

дожди и здесь бывают! Ближе к горам и полноводной реке.

— А мне что с тобой сделать? — выдавил я.

Эльф смертельно побледнел после неожиданной камасутры. Он не ожидал такого во всех отношениях кульбита.

Оба мы совершенно забыли, что находимся посреди поля боя и вокруг идет сражение. И никто нам по странной прихоти судьбы не мешал.

Я схватил эльфа за ошейник и потянул в сторону. Тонкая шея согнулась. Небольшое усилие — и хрустнут позвонки.

— Не убивай меня! — просипел эльф. — Лучше возьми в плен!

— А на хрена ты мне там нужен? Кормить еще тебя...

— Договоримся!.. — выдохнул эльф, закатывая глаза.

Я ослабил давление.

Договоримся?

Он может знать полезные вещи, которые пригодятся в будущем. В крайнем случае обменяем его на наших пленных. На то, чтобы обменять его на Киру, надежды мало.

— Ладно, — согласился я.

И врезал кулаком по лицу. Не сильно, но росс моментально погрузился в глубочайший нокаут. Я и сам плохо осознавал свою чудовищную силу, подаренную допартом и собственным изменившимся организмом. И воздержанием вблизи самых сексуальных женщин (и биоботов) Поганого поля. Без преувеличения — я даже гриф олимпийской штанги согнул бы при желании.

— Полежи тут пока...

Я выпрямился, быстро огляделся. Удача — дама капризная, в любой момент может подвести. Пока на меня никто не обращает внимания, но долго это не продлится.

К удивлению, Отщепенцы держали позиции. Я уже разобрался, что наши стрелы не бьют током, но благодаря заостренным наконечникам пробивают плоть. Множество россов было ранено, с десятков улепетывало на байках, а Отщепенцы гнали их верхом. Несмотря на рев двигателя, байки имели “потолок” скорости, чтобы не превосходить лошадей. То есть наши возможности были примерно равны, несмотря на кажущуюся разницу в экипировке.

Кое-кто увлеченно фехтовал, кто-то бездыханными мокрыми грудями лежал на земле.

Если для россов эта договорная война — спорт, то спорт это в высшей степени экстремальный. В самый раз для пресыщенных от всего на свете россов.

Я потащил пленного за шкуру по траве — собирался положить его тихонечко возле малахитовой стенки и вернуться на поле брани. Глядишь, еще пленных возьму, и тогда у эльфа появятся соседи.

Пока доковылял до стенки, уложил эльфа и обернулся, ситуация в “соте” успела измениться. Отщепенцы, несмотря на кажущуюся неорганизованность, теснили врага, а россы отступали. Дождь к тому времени почти прекратился, черные тучи откочевали к горам, где угрожающе погромыхивал гром и посверкивали молнии. Выглянуло солнце, и стало душновато.

Я торжествующе завопил и побежал следом за бро и сис, размахивая саблей и высматривая своего коня.

И тут ситуация изменилась снова. Произошло замешательство среди Отщепенцев, они дрогнули и начали отступать. Среди россов тоже произошла перегруппировка. Разноцветные попугаи выстроились в линию, которая вытянулась клином. На его острие на байке несся

росс — subtilный, лицо закрыто платком-шемагом и зеркальными очками, длинные красные волосы развеваются языками пламени и...

Нет, это был не росс, а росска! Женщина с обалденным телом, какое бывает только у суперфотомоделей после качественного фотошопа или в воображении художников типа Бориса Валеджо. Росска сидела на байке, наклонившись вперед, прильнув к нему грудью, а талия тоненькая-претоненькая, зато ноги — длинные и крепкие в обтягивающих штанах, и ягодицы такие, что глаз не отвести. Не представляю, как можно так сидеть на байке, но в позе было столько эротичности, что я на миг позавидовал байку.

Но самое потрясающее в этой диве было то, что билась она с восхитительным мастерством и остервенением. Вырубила на ходу одного Отщепенца электродротиком, сбила с коня другого веревкой с утяжелителями, полоснула третьего саблей... Она носилась по полю туда-сюда широкими зигзагами и расчищала пространство от неуклюжих волосатых варваров.

Я наконец заметил своего коня — уловил его В-сканером. Приманил Знаком Урода и вскочил в седло. Он не был ранен, как ни странно.

Собственно, я мог уже не биться. Себя проявил, даже пленного взял — для Секуляров достаточно. Галочка поставлена. Можно удалиться в сторонку и ждать, когда объявят перерыв на обед.

Но я слишком распалился после всего пережитого. В жилах бурлил адреналин и тестостерон, древний зов далеких предков-воинов звучал так громко, что заглушал голос разума. Не успев все обдумать как следует, я рванул вскачь к росской фурии с саблей наголо.

Понимаю: идиотизм. Но битва — это битва. Не хуже (точнее, не лучше) коллективного умопомешательства. Это как очутиться в центре беснующейся толпы или на трибунах футбольного поля. И битва, и толпа — это стихии, которые захватывают тебя целиком, и ты разучаешься думать.

Мы с фурией схлестнулись как два средневековых рыцаря. Клинки мощно ударились друг о друга — звон и искры! Мы разъехались, развернулись и снова начали сходитьсь. Кисть у меня побаливала от удара, но боль была терпимая. Сил у фурии немало — я это ощутил после одного-единственного удара.

“Включить боевой режим!” — крикнул я мысленно, не особо надеясь, что режим включится после слишком короткого перерыва. Но он вдруг включился.

Мы снова сошлись на полной скорости, я отбил удар сабли почти небрежно, хотя фурия целила в ногу, выронил оружие и освободившейся рукой ухватил диву за красные волосы, после чего выдернул из седла.

Рывок заставил меня самого в срочном порядке покинуть коня. Благодаря боевому режиму я спрыгнул с четвероногого друга с ловкостью Джеки Чана, не выпуская огненные патлы.

Где-то радостно взревели Отщепенцы, наблюдая мое циркачество.

Фурия упала на спину, то тут же ее длинные ноги взметнулись и ударили меня в корпус. Я отпустил волосы, а ноги росски мотнулись в другую сторону, и бешеная дива прыжком оказалась снова в вертикальном положении. Какое мастерство!

Не теряя ни мгновения, она ударила меня кинжалом — саблю тоже выронила после кульбита. Боевой режим позволил мне пропустить ее вооруженную руку подмышкой, я сразу развернулся, выламывая кисть. Прием сработал — фурия потеряла теперь и второе свое оружие. Но сдавать не намеревалась.

Обрушила на меня удары своими восхитительными ногами, которые у нее были невероятно сильными и одновременно гибкими, что в природе вообще встречается редко.

Я неловко, но быстро отбил все ее стремительные “вертушки” неуклюжими блоками. Она отскочила, поняв, что меня, так сказать, голыми ногами не возьмешь. В зеркальных очках отражалось поле битвы и я сам. Хотел бы я видеть выражение ее лица! Да и вообще лицо. Шемаг сбился вниз, и я увидел тонкий носик.

Возникла крохотная пауза. Фурия подняла одну руку — на кисти виднелось что-то вроде смарт-часов. Прибор пикнул, моргнул красным глазом — и сзади взревело. Я отступил и оглянулся — к нам ехал байк. С пустым седлом. Вероятно, фурия управляла им через эти самые смарт-часы.

Байк резко ускорился, из-под обоих колес вылетели куски почвы. Я увернулся, как тореадор от быка, и тут на меня наехала фурия. Тут мне пришлось несладко: с одной стороны атаковала фурия, с другой — ее байк. Не знаю, как она управляла своим транспортом; скорее всего, в байк встроен умбот, которому достаточно приказать нападать на конкретного человека, а в деталях он и сам разберется.

Надо срочно вырубать фурию и раздавить к чертям собачьим ее смарт-часы! Я прыгнул с места сразу метра на три и схватил диву на плечи, одновременно повернув таз вбок, чтобы не получить коленом по яйцам. Так и есть: твердое колено врезалось мне в бедро. Сзади опять взревел байк. Я развернулся вместе с фурией, подставляя ее тело под удар байка.

Байк несся на максимальной скорости, затормозить резко не смог бы ни за что. Он и не затормозил — но и удара не последовало.

В состоянии боевого режима я вижу все как бы в слоумо. И в то же время отлично оцениваю настоящую скорость.

В этом самом слоумо я увидел, как несущийся прямо на застывшую в моем захвате фурию байк развалился на части: руль, сферические колеса, седло, прочие части — все это разлетелось в воздухе, как от медленного взрыва, облетело фурию и меня и снова сложилась в единое целое уже на другой стороне. Одно из колес мазнуло меня по икре, и я чуть не свалился. Удержался на ногах, но выпустил фурию.

А еще я заметил кое-что...

БОЕВОЙ РЕЖИМ ВЫКЛЮЧЕН

— Вот же сука! — прошипел я на тру-ру.

А где обратный отсчет? Был, но я его прошляпил в пылу схватки? Очень даже может быть.

— Еще какая, малыш! — отозвалась фурия на чистейшем тру-ру.

Я бы удивился этому знанию чистого русского языка у росса, но мозг (или нейрочип?) напомнил увиденное мельком секунду назад. Когда развалившийся на части байк облетел нас роем, я увидел полупрозрачные тяжи какой-то слизи между кусками байка.

Я уже видел эту слизь, управляющую металлоломом...

Лего!

Но как? Днем? Под управлением россов?

Думать некогда. Я повернулся и выстрелил из всех Знаков в байк, который снова несся на меня. Затем еще раз — из Знака Глаза Урода, в пустоту.

“Ко мне!”

И тут случились сразу две вещи.

Байк снова развалился на части, но собираться больше не хотел. Сферические колеса,

покрытые морщинами наподобие извилин, укатились в траву, седло, двигатель и прочие части застыли на земле. А слизистое Лего стянулось в сферу и ускользнуло в заросли.

Одновременно ко мне подскочил всхрапывающий, вращающий глазами конь, притянутый волшебной силой. Я бы и им воспользовался удаленно в бою, как росска байком, если бы допер до такой тактики раньше.

Но никогда не поздно исправлять ошибки. Я “велел” коню встать позади фурии, чтобы отрезать ей отступление.

— А ты неплох! — сказала фурия на тру-ру низким грудным голосом.

И сняла очки и шемаг.

Я уставился на нее. Большие миндалевидные глаза были желтые, без зрачка. Черты лица хоть и тонкие, женские, но было в них что-то знакомое...

— Ты сестра Габриэля? — воскликнул я.

Она засмеялась, задрав голову и откинув красную копну. Шея у нее была тонкая и без кадыка.

— Я и есть Габриэль, дурачок! Вернее, Габриэлла. Так меня сейчас зовут. Надоело мужское тело, захотелось женского. Ты разве не в курсе, что в Республике можно без проблем менять пол при желании?

— Так... — Я старался не показывать ошеломление. — Ничего удивительного... Яиц у тебя и раньше не было, так что сейчас тебе так даже лучше... Из хренового мужичка, глядишь, и получится п*здатая женщина!

Габриэлла снова засмеялась.

— Ты стал остроумным, Олесь! И очень сильным! Но и мы зря времени не теряли! Как тебе наша новая технология? Симбиоз высоких технологий и Погани!

— Это Лего?

— Это не совсем Лего. Это технологии на основе Лего. Поэтому они функционируют при свете дня и подчиняются моим командам. Но то ли еще будет, Олесь! Когда мы доберемся до твоих допартов...

— Закатай губу, Габриэлла, — пробормотал я. — Сначала ты вернешь мне Киру.

— С какого перепуга? — широко раскрыла желтые глаза росска. — Ей и у нас хорошо.

— С того, что придется на нее обменять... тебя!

Я прыгнул на Габриэллу, намереваясь вышибить из нее дух и одновременно приказывая коню встать на дыбы и ударить росску копытами в спину.

На миг Габриэлла испугалась — это было видно по выражению лица. Но затем она заулыбалась. Я не понял, чему она радуется. Я летел на нее спереди, а конь поднимался на дыбы сзади. У нее не было выхода.

...Но что-то оглушительно треснуло, перед глазами ослепительно вспыхнуло, и я вырубился.

Глава 8. Стрим месяца

Очнулся я оттого, что кто-то энергично, но неумело делал мне искусственное дыхание. От него было больше вреда, чем пользы — я начал задыхаться из-за облепивших меня губ. И без искусственного дыхания пришел бы в себя, никакой необходимости в нем нет.

Плохо понимая, что происходит, я вывернулся, и горе-реаниматор оторвался от меня. Оказалось, это Люция Отщепенка. Я валялся на травке, а Люция сидела рядом и приводила меня в сознание.

— Очнулся? — обрадовалась она.

— Где она? — просипел я, вытирая губы тыльной стороной ладони.

— Кто?

— Габриэлла, блядь!

Я рывком сел и огляделся. Битва закончилась, россы пропали из виду, Отщепенцы приводили себя в порядок, помогали раненым усесться на лошадей, укладывали бездыханные тела на легкие волокуши, которые притащили симплы.

— Она тебе представилась? — удивилась Люция. — Надо же! Наверное, ей понравилось биться с тобой... Но в конце она ударила тебя запрещенным в Прикордонье оружием и скрылась на своей повозке.

Ударила запрещенным оружием?

Габриэлла струсилась и нарушила закон Секции, в которой сама трудится на должности Спикера? А где хваленая российская законопослушность? Или Кураторам закон не писан? Будет о чем рассказать Секулярам, когда связь с ними наладит Третья Ива.

Люция заулыбалась и твердыми мозолистыми пальцами погладила меня по груди. Выяснилось, что она сняла с меня грудной доспех — сочла, что он мешает мне дышать.

— Я испугалась, что ты погиб, — своим низким хрипловатым голосом протянула она. — Было бы жаль терять такого бро...

— Абыюз и харрасмент, — пробормотал я.

— А? Здесь больше никого нет...

На самом деле вокруг суетилась куча людей. Но на нас мало кто обращал внимание.

Я увернулся от тянущихся ко мне губ — Люция снова возжелала сделать мне искусственное дыхание рот в рот, хотя я окончательно пришел в себя.

— Где мой конь? И где пленник?

Силы ко мне вернулись, и я вскочил на ноги — к разочарованию могучей Отщепенки. Видимо, у Люции после битвы усилилось либидо, бес ее поймет. Но мне миловаться прямо сейчас тянуло меньше всего. Встреча с преображенным Габриэлем меня потрясла.

Конь пасся неподалеку, и я приманил его Знаком. Пленный эльф валялся на прежнем месте — все так же без сознания. Хорошо же я его угостил!

Мои соратники — оставшиеся в целости и раненые — оживленно обсуждали сегодняшнюю битву, словно это был увлекательный поход в горы. К моему удивлению, убитых среди наших не было совсем, несмотря на то, что я видел бездыханные тела. Кого-то вырубил — как меня, но дозволенным оружием, кого-то сильно ранили, но все эти раны лечились волшебной с применением крови Урода и прочих малоприятных ингредиентов. Викентий сказал, что даже тяжелых раненых поднимут на ноги меньше, чем за неделю.

Среди россов тоже никто не погиб. Многих ранило, но для русской медицины эти раны — сущий пустяк.

От всех этих новостей ощущение, что договорная война — сущий фарс, только усилилось.

Когда я верхом, ведя эльфа на поводке со связанными руками, прибыл в обществе других Отщепенцев в становище, на меня накинулись радостные наложницы и Витька. Ива эмоций не проявляла, спокойно стояла у входа в шатер. Со стороны выглядело так, будто бывалый вояка вернулся домой, но я себя таковым не чувствовал.

На меня накатило раздражение. И от смехотворной битвы, на которой куча людей мается дурью, и от появления Габриэллы. Эта небинарная во всех смыслах личность использовала запрещенное оружие и открытым текстом заявила, что не намерена отдавать Киру! Тварь желтоглазая!

Я чуть ли не грубо отмахнулся от причитаний наложниц, выражающих свою радость немного экспрессивным образом, буркнул что-то в ответ на вопросы улыбающегося до ушей Витьки и поехал к большому шатру.

Туда же двинулись Люция, Алихан и прочие старейшины. В ха-ку не поехали. Мне не пришлось объяснять, что там симботы, глядишь, и не позволят как следует допросить росса с острыми ушами. Старейшины это понимали.

Правда, чуть позже, когда эльфа ловко привязали к опорному столбу в шатре, оказалось, что никто, кроме меня, не представляет, зачем мне понадобился пленный.

— Никто из наших в плен не попадал, обменивать не на кого, — сказал Алихан, хмуря единственную бровь. — Ты взял его на будущее?

— Хочешь предать его пыткам и убить? — кровожадно сверкнула очами Люция в полумраке шатра. — Боюсь, Секуляры не позволят...

— Ну и где их черти носят? — спросил я.

— Явятся, не переживай, — усмехнулся Мухаммед.

— Я собираюсь выяснить кое-что, — объяснил я.

Никто особо не возражал против того, чтобы мы “поговорили”. По факту взятие в плен и допрос с пристрастием в Прикордонье не запрещены. В прежние времена, по словам Старейшин, среди нас уже болтались бы Секуляры, но с некоторых пор воцарился бардак. Это когда Кураторы взяли власть в свои поганые ручки, догадался я.

Ну что же, используем этот бардак в свою пользу.

Эльф к тому времени очухался, но притворялся, что все еще в отключке. Мы вылили на него ведро воды, и притворяться дальше стало невозможно. Эльф вытаращил зенки, захватал губами воздух, сидя на земле у столба, с завернутыми назад руками.

Сначала все мы по-очереди, а потом и скопом попытались его зачаровать. Без толку. На россе стояла защита, природу которой мы не распознали.

— Но-но! — выдавив кислую улыбку, сказал эльф на отщепенском наречии. — Ваши трюки на меня не подействуют, и не пытайтесь!

— Предлагаешь перейти к более классическим методам? — спросил я его по-русски, вытягивая из ножен саблю и хлопая клинком по штанине.

Он испугался — на мгновение. Но тотчас снова напялил наглую ухмылку.

— Несторию сказать вам нечего. Скоро придут Секуляры, и мы распрощаемся на минорной ноте.

— Секуляры не торопятся, согласен? Пока они приволокут сюда свои тушки, мы уже

успеем наговориться всласть! Как думаешь, Несторий?

Я взмахнул клинком перед его носом.

Начал немного издалека:

— Что за магию вы используете?

Никогда прежде не допрашивал людей и не мог бы сказать внятно, достанет ли мне уверенности и сил начать его резать, если он заупрямится. Бро и сис с интересом наблюдали за нашим диалогом. Никто не мешал, но и не помогал. Мой пленник — мне и корячиться с ним.

Но Несторий охотно ответил:

— Магию Поганого поля!

— Почему вы деретесь сильнее, чем раньше?

— Потому что драться вполсилы скучно, — скривил губы эльф.

У входа в шатер завозились, кто-то заговорил высоким голосом, и у меня неприятно сжалось в груди. Кураторы приперлись? Мы не успеем поговорить с Несторием?

Но это был Витька — он боролся с одним молодым симплом.

— Да уйди ты! — выкрикнул пацан. — Я с Олесем! Вон тем великим колдуном!

Я спрятал саблю в ножны и поспешно прошел ко входу. Завидев “великого колдуна”, симпл сразу выпустил Витьку, которого не пускал в шатер, и испарился.

— Ты чего пришел?

— Ты его пытать будешь? — задыхаясь спросил Витька. Он моргал после яркого дня. —

Или обменивать на Киру?

— Разберемся. Но на Киру вряд ли его обменяют.

— Хочу участвовать, — выпалил пацан.

— На фи́га?

— Ему надо правильные вопросы задавать. А ты его прибьешь раньше времени.

— Не прибью. А какие такие правильные вопросы ему надо задать?

— Заранее не могу сказать. Нужно ориентироваться по ходу дела.

— А я не могу пустить в шатер, — прямо сказал я. — Тут только ведуны присутствуют, заметил? Мне еще придется объяснять, почему мой симпл мешает проводить допрос. У Отщепенцев с этим строго: если бро не управляет своими симплами, то это не бро, а чмо, которое надобно выгнать ссаными тряпками в Поганое поле.

Витька сморщился.

— Ладно, пойду отсюда. Ты только держи себя в руках, Олесь!

— Ха, ха, — кисло сказал я. И вернулся к остальным.

Никто не поинтересовался, чего от меня понадобилось симплу.

Я снова приблизился к эльфу, встал над ним, вынув саблю — демонстративно, больше для дорогих бро и сис. К этому Несторию я не испытывал ни малейшей злобы, зря Витька переживает, что я эльфа прибью раньше времени. Знай эльф мои мысли, не изображал бы так старательно вызывающий пофигизм а ля: “Убивайте меня, пытайте, все равно мне на вас всех плевать”.

— Обмен пленными практикуете? — лениво спросил я.

— Только равноценный, — вмешался Алихан.

Люция зашипела:

— Они Джерома убили в плену! Убьем и Нестория! С пытками!

Ее глазищи кровожадно сверкнули, пальцы скрючились как когти хищной птицы.

— Он жив, — равнодушно сказал эльф, отвернувшись. — Джером ваш.

— Что? — взревела Люция.

— Его не убили, — повторил Несторий. — Он в лаборатории БуфСпика, над ним опыты делают — извлекают магию.

Я отступил на шаг ошарашенно.

“Россы делают опыты по извлечению магии? Как такое возможно? Тренируются перед тем, как достать мои допарты?”

Я присел перед пленником на корточки и ткнул саблей ему в живот. Эльф вздрогнул.

— Власть в Прикордонье как-то ухитрились захватить Кураторы, верно? Ты тоже из их числа, Несторий? И правит вами Спикер Габриэль!

— Нами никто не правит! — фыркнул Несторий, тряхнув мокрыми после купания лохмами. — Правители нужны баранам вроде вас. А Габриэль теперь Габриэлла.

— Да насрать, хоть Габриэлло!

— Мы продавили свой законопроект, — внезапно разоткровенничался Несторий. — Сейчас у нас есть право экспериментировать над Отщепенцами. Россам давно пора разобраться, как работает эта поганая магия... Большинство Сюзеренов и Спикеров проголосовало “за”. Ну, а их, в свою очередь, поддержали Последователи. То есть большинство россов не против нашей инициативы.

— У вас, россов, есть все, кроме магии, да? — спросил я.

А сам подумал:

“Многие годы, если не века, россы были самыми продвинутыми в Поганом поле. Но не владели магией. Экспериментировать над живыми ведунами им не позволял закон, но теперь Кураторы пересилили бюрократию. А это значит, что настроения в Республике изменились”.

Люция склонилась и взяла эльфа за ошейник. Потянула на себя.

— Где Джером, ползучая ты гадина?

— Я... же... сказал... в лаборатории БуфСпика... — прохрипел тот.

Я почувствовал, как Люция давит на пленника волшбой — но безрезультатно. Я тоже подключил все Знаки.

Мухаммед, равнодушно наблюдая за всем этим безобразием, предложил своим вкрадчивым мягким голосом:

— Его что-то защищает от нашей волшбы. Поскольку россы не прирожденные ведуны, полагаю, что его защищает одежда. Разденем его донага и продолжим допрос.

Люция отпустила ошейник, и эльф перевел дух. Его вытянутая рожа покраснела.

— Не выйдет! Экранирующие фракталы внедрены нам в организм! И вы не имеете права меня пытаться! Секуляры...

— Мне нужно поговорить с Габриэлкой, — перебил я.

— А я хочу обменять Джерома! — встряла Люция.

Я оглянулся на нее, поднялся и встал перед ней. Мы были почти одного роста. Отщепенка излучала лютую ярость.

Лучше б она не знала, что Джером жив...

То, что старый Отщепенец жив, путало мне карты и мешало торговаться с Несторием.

А не ушатать ли Люцию волшбой? Со мной она не справится. Не справятся и остальные, пусть даже скопом нападают.

Но я вовремя вспомнил совет Витьки: остыть и сначала думать головой.

— Люция, — начал я максимально спокойным голосом. — Мы должны действовать вместе. Мы спасем Джерома и мою Киру... Вместе!

Люция перевела дух, едва заметно кивнула и отступила.

Несторий хохотнул. Несмотря на потрепанный вид, вел он себя до невозможности вызывающе. Вероятно, не сомневался, что с минуты на минуту его вызволят Секуляры. Но, даже учитывая это, нельзя было не восхититься его отчаянной наглостью.

— Никого вы не спасете! — сказал он. — Вы все — сборище бродяг и балбесов, которым повезло родиться с магическим даром...

Про меня он, кажется, ничего не знал. Иначе не приравнял бы к Отщепенцам, природным магам.

— Когда-то давно, — продолжал эльф, вдохновленный нашим молчанием, — мир делился на страны, где больше всего ценились полезные ископаемые... Некоторые страны были населены ленивыми балбесами вроде вас, но им повезло родиться на богатой земле. Они ничем не заслужили этого богатства, но с радостью продавали его более развитым странам. У себя же устроили жуткую коррупцию, грабя не только природу, но и собственных соотечественников. А соотечественники были слишком тупы, ленивы и инертны, чтобы что-то с этим делать. Тех же инициативных, кто пытался бороться, правители этих стран просто-напросто подавляли или подкупали, и с тех пор борцы служили той же власти, делая вид, что противостоят ей. Захватившие власть балбесы подкупали также правителей более достойных, трудолюбивых стран, распространяя заразу коррупции...

— Хорош трюндеть, — перебил я на тру-ру. Перешел на русский: — Какое-то у тебя примитивное и одностороннее видение времен Скучного мира... То есть мира до появления Поганого поля. Все было гораздо сложнее. Мир не делился на балбесов и не-балбесов.

Эльф пожал узкими плечиками.

— Неважно, на что он делился. Так его запомнили, таким он и остался в истории. История — великий фильтр, отсеивает все ненужное и неважное, оставляя только то, что нужно помнить, как уроки прошлого... Я к чему? К тому, что сейчас, в наше время, основная ценность цивилизации — не ископаемые, а способности человеческого организма и разума. И снова, как встарь, этот дар оказался в распоряжении ленивых балбесов...

— А может, мы этого достойны? — спокойно поинтересовался Мухаммед на правильном русском. — Все происходит по воле Вселенной, и ничего не случается зря.

— Волю Вселенной нам никто не сообщал, — сказал эльф язвительно. — Поэтому будем исходить из принципа случайности. Случайность несправедлива, и ее надо исправлять.

Я опустил перед эльфом Несторием на корточки и дал ему чувствительную пощечину.

Язвительность и надменность как рукой сняло. Несторий перестал мерзко лыбиться и испуганно уставился на меня.

— Мне, — отдельно, словно вбивая слова молотком, отчеканил я. — Нужен. Габриэль БуфСпик! Или ты придумываешь, как нам угодить, или в ближайшее время гостишь у нас на правах очень особенного гостя!

Несторий облизнул губы бледным языком. Взгляд его глаз метнулся к выходу из шатра. Ждет Секуляров, а те не торопятся...

— А нужен ли ты ей? — выпалил он.

— Клянусь непересыхающим Танаисом, мне надоела эта наглость! — взревела Люция.

Молниеносно выхватив саблю, взмахнула клинком — возле моего лица свистнул воздух.

А на физиономии Нестория проступила длинная рана, из нее обильно потекла кровь.

— А-а-а! — заорал росс, задергался, но руки у него оставались связанными за спиной.

— Мы тебя по частям вернем! — рычала Люция. Ее удерживали Мухаммед и Алишер.

Несторий мотнул головой — капли крови брызнули по глиняному полу шатра. Рана пересекала щеку и располовинивала нижнюю губу. Я смотрел на рану и удивлялся, что россы внутри, оказывается, сделаны из мяса и крови, а не гламура и понтов. А еще думал, что зря Витька боится за меня — Люция куда темпераментнее.

Тяжело дыша, мокрый и окровавленный Несторий прошипел:

— Джерома тоже по частям вам пришлем!

При этих словах Люция перестала вырываться и поникла. Джером для нее дорог, а чертов росс сразу вник, куда бить.

— Не видать вам ни Габриэлла, ни Джерома, тупые вы животные...

— Прошу прощения, — прозвучал рядом голос Ивы. Она изъяснялась по-отщепенски.

Когда она успела войти? Мы были слишком увлечены допросом, поэтому перестали контролировать окружающее. И симплы ее впустили...

Поскольку никто не возражал, Ива в своих обтягивающих синих штанах и желтом топике, с гривой распущенных волос, подошла ко мне и Несторию, обливаемому кровью, но по-прежнему наглому.

Наклонилась и вцепилась в ошейник росса.

— Ива... — начал я, решив, что она хочет его задушить или свернуть шею.

— Нет-нет-нет! — на русском забормотал Несторий. За все время я впервые увидел, что он реально испуган. — Только не это, проклятый биобот!

— Я не биобот, — ласково сказала Ива. Ее пальцы надавили на определенные места на ошейнике. — Я Ива, умбот и Либеряхьюм, созданный во времена, когда Республика Росс была совсем молода. И я участвовала в разработке этого прибора.

Щелкнуло, и ошейник развалился на две половины, соединенные шарниром. Ива выпрямилась держа в руке разомкнутый ошейник, а Несторий с голой тонкой шеей зажмурил глаза и бормотал что-то жалкое и невнятное.

— Что это такое? — спросил я, показав на ошейник. — Его защита от волшбы?

— Намного лучше, — сказала Ива. — По крайней мере, с точки зрения этого росса. Это интерактивный ошейник, через который за ним наблюдают его Последователи. Он Изъявитель и вел стрим все это время. То, что он терпит пытки и при этом проявляет чудеса храбрости, повышает его рейтинг. И не только рейтинг, но и положение в иерархии Росс. Война в Прикордонье — отличный способ для амбициозных россов быстро вырасти от Солаги до Спикера.

— Так он экстремальный блогер? — понял я и изумленно поглядел на Нестория.

Тот орал, брызгая кровавой слюной:

— Сука! Я до тебя доберусь! Сожгу все твои нейроны!

Люция пнула его по ляжке, и он заткнулся.

— Снять ошейник непросто, — сказала Ива, — если не знать, как. И возвращать его мы не обязаны даже по правилам Секулярной этики. Неодушевленные предметы — байки, экипировка, оружие и стрим-ошейники — могут быть повреждены в ходе боевых действий, и возмещение за них не предусмотрено.

— Для этого дурня рейтинг важнее здоровья? — поразился я.

— Здоровье поправить в Республике не проблема. Рейтинг действительно важнее. От

него зависит слишком многое.

— Как и в Вечной Сибири, — кивнул я. — Иерархия — наше все... Ты молодец, Ива! Ты выключила ошейник? Стрим прервался?

— Да.

Я обратился к Несторию:

— Теперь у тебя нет Последователей, и ты будешь страдать впустую, без накрутки рейтинга.

Неожиданно для меня и всех присутствующих — за исключением, разве что, Ивы — Несторий заплакал.

— Сволочи, — выдавил он. — Звери!

— Будешь сотрудничать? Если да, мы вернем тебе ошейник. Мне нужен Габриэлло.

— А мне Джером! — встряла Люция.

Сдерживая раздражение, я сказал Люции:

— Габриэлла — одна из главных Кураторов, ключевая фигура во всей этой бодяге! Сначала надо поговорить с БуфСпиком! Спасете Джерома — Кураторы все равно с вас шкуру спустят и продолжат опыты! Им нужна наша волшба! Мы обязательно спасем Джерома, Люция, но Габриэлла в приоритете!

Люция упрямо поджала губы, глаза ее забегали. Дикая Отщепенка плохо понимала стратегию. Для нее спасение Джерома — первостепенная задача, а что будет дальше — начхать.

Шмыгая носом, заговорил Несторий. Кровь на ее роже быстро сворачивалась — быстрее, чем у обычного человека. Но рана все равно выглядела отвратительно.

— Габриэлла просто так не появится, — сказал эльф. — И не пойдет у вас на поводу! У нее тоже есть Последователи, и они ценят силу! Если Габриэлла хоть в чем-то уступит, она уже не Спикер.

Я раскрыл рот, но так ничего и не сказал.

Мерзкий росс тысячу раз прав. Будь у Габриэля (или Габриэллы) хоть какое-то представление о чести, он бы пошел на переговоры, чтобы вернуть Нестория в целостности и сохранности (хотя сейчас он уже не вполне цел). Но речь о небинарной морали, чтоб ее...

У меня нет шансов выторговать себе даже мимолетную встречу с Габриэлкой, не говоря уже о возвращении Киры.

Мои мысли подтвердил уравновешенный Алихан:

— Россы смотрят на рейтинг и касту. Этого Солагу на Спикера не выменять ни за что на свете!

— Речь о переговорах, — сказала Нэнси, которая сидела в сторонке на подушках со скрещенными ногами и пускала сладковатый дым из тонкой трубки.

Алихан отмахнулся от нее:

— Неважно. Спикер не снизойдет, хоть мы этого парня будем на куски кромсать.

Несторий поежился.

Итак, подумал я, от моего пленника никакой пользы. Для моих целей, во всяком случае. Но он пригодится для освобождения Джерома, если от старика хоть что-то оставили в лаборатории.

Ничего не остается, кроме как отступить.

Я напустил на себя выражение скуки и равнодушия, ибо проигрывать надо достойно, щелкнул ногтем по ошейнику, который держала Ива.

— И что ты предлагаешь в обмен на это? Подумай хорошенько!

Он и вправду задумался на секунду.

— На Джерома вы меня не обменяете, — наконец сказал он. — Он старейшина и сильный маг, обмен будет неравноценным. Если над ним не завершили эксперименты, вообще никаких разговоров о его возвращении быть не может. Но...

Его глаза сверкнули, и он улыбнулся. Улыбка вышла зловещей — учитывая кровавую рану на пол лица.

— Но я проведу одного из вас в то место, где его держат. И вы освободите его самостоятельно. И ошейник мне вернете немедленно. Мои Последователи не будут ждать и перейдут к другому Изъявителю. Это будет стрим месяца!

Я посмотрел на молчаливых Отщепенцев вокруг. Неизвестно, понимали ли они, что такое стрим, и почему злополучный блогер так переживает из-за потери “камеры”, на которую писал стрим. Но одно они поняли хорошо — у Нестория есть болевая точка, нажимая на которую мы добьемся своего.

— Всего лишь стрим месяца? — сказал я эльфу. — Раньше было принято говорить: стрим столетия! Видно, времена реально поменялись, раз Последователей так трудно удивить. Но то, что ты предлагаешь, фуфло чистой воды. Один из нас пойдет с тобой, а ты заманишь его в ловушку.

— Как хотите. Лаборатория совсем рядом, и у меня есть в нее доступ. Работают там в основном симботы под управлением слабенького умбота. Мне стоит туда зайти и приказать вывести Джерома — и все дела! Ваша задача — отвести его на свою сторону или хотя бы на нейтральную территорию.

Он посмотрел на ошейник в руках Ивы.

Я подумал, что хитрюга Несторий так говорит, пока “камера” выключена. Когда ошейник снова начнет стрим, Несторий запоет для своих Последователей другую песню: мол, миссия по освобождению Джерома опасна и ужасна, но он, Несторий, не побоялся на нее пойти...

— В Прикордонье нет по-настоящему нейтральных зон, — перебила его Ива. — Вся Секция — часть Республики Росс. По-моему, это очевидно.

Я вспомнил “аутентичную” коновязь и навес из шестиугольников, ха-ку в стиле хай-тек и специально оборудованную площадку для отщепенских шатров. Да, россы ничуть не пытаются скрыть, что вся эта земля — их собственность.

— Этот ошейник, — сказал я Иве. — Если его сломать, что произойдет? Как это отразится на рейтинге?

— Пленник потеряет большую часть накопленного рейтинга. Останется лишь базовый уровень той касты, к которой он в данный момент принадлежит.

Ива ответила на тру-ру, мало заботясь о том, чтобы остальные ее поняли.

Я заметил, что Старейшины помалкивают, включая Люцию. Ждут действий с моей стороны. Видимо, то, что я свободно говорю по-русски и мне служит биобот, который не биобот, поднимало в их глазах мой собственный рейтинг. Для Отщепенцев я — вроде спеца по россам, мне и микрофон в руки.

Люция с надеждой и ожиданием смотрела то на меня, то на Нестория.

Что ж, от эльфа в плане спасения Киры и переговоров с Габриэлкой пользы мало. Зато я узнал, что Кураторы тренируются извлекать магию из ведунов. Поглядим, в каком состоянии Джером... Если в порядке, почему бы мне просто не согласиться на экзекуцию, отдать эти

долбаные допарты и вернуть Киру? Магическая власть — штука удобная, но я за нее особо никогда не держался.

— Люция, — сказал я. — Кажется, ты не против отправиться с Несторием освободить Джерома?

— Я готова! — Она выпятила и без того выпуклую грудь под кожаными доспехами.

— Этот ошейник побудет у нас, — сказал я. — Чтобы ты, Несторий, случайно не попытался нас вероломно надурить. Может, твои подписчики... то есть Последователи от тебя и отпишутся, но как по мне, лучше так, чем потерять накопленный рейтинг. Если что-то пойдет не так, твой ошейник превратится в кучу обломков. Как тебе такой вариант?

Несторий ответил не сразу — прикидывал в уме все шансы.

— Я не обману... Хорошо, согласен! А теперь отпустите!

Люция обошла столб, к которому был привязан эльф, и филигранным ударом сабли обрубил веревки. Морщась от боли, эльф согнул затекшие руки в локтях, помассировал кисти, осторожно дотронулся до раны на лице. Зашипел.

— Не ломайте, пока меня не будет, — злобно покосившись на Иву, сказал он.

— Хороший обмен, — невозмутимо отметил Алихан. — Рабский ошейник росса на свободололюбивого Отщепенца.

— Ты стал очень трезво мыслить, — одобрил мое решение Витька.

Мы сидели в моем шатре за столом. День клонился к закату. Полчаса назад еще раз брызнул дождик, но тучи, как и в первый раз, быстро смело за вершины гор. Здесь погода менялась несколько раз на дню. Зато стало намного свежее.

— А ты ждал, что я начну психовать и отрывать эльфу уши, чтобы он прямо тут же, не сходя с места, рожал мне Габриэлла?

— Что-то вроде того, — не смутился пацан. — На этого Нестория ни Киру не выменять, ни с Габриэлкой стрелку забить. Зато ты сделал огромное одолжение Отщепенцам — это ведь ты взял Нестория в плен и выручил Джерома...

— Еще не выручил. Люция с россом уйдут на территорию врага под утро, когда большинство россов-полуночников идут баиньки.

— Неважно. Все равно это хорошие отношения. Мудрый правитель окружает себя друзьями, а не врагами.

— Хорош умничать! Никакой я не мудрый и не правитель. Я хочу вернуть Киру. Дождемся, когда Люция и Несторий вернутся с Джеромом, посмотрим на Джерома — и если он не показывает воробьям фиги, я лягу на операционный стол добровольно. Пусть вырезают из меня допарты.

— Ты серьезно? — подскочил Витька.

— Или Кира, или допарты.

— Без допартов ты будешь незащищен в Поганом поле!

— Я вообще-то выживал в первое время без допартов! Мы вместе с тобой выживали!

— Зато у тебя был нейрочип и боевой режим!

— И что?

— А то, что Габриэль... то есть Габриэлла и его вырежет!

Я пожевал губами. О такой перспективе я как-то не подумал.

— Зачем ему мой нейрочип, если это росская технология? Им нужна магия, а не собственные старые разработки.

— Твой нейрочип вступил в необычный симбиоз с магическими допартами, верно? И это единичный случай. Кураторы давно экспериментируют, но с тобой получилось впервые. Твой нейрочип уникален и, по идее, им тоже нужен.

— Ну и хрен с ним! — горячо сказал я. — Отдам и его! Думаешь, Кира откажется от меня, если у меня не будет апгрейда в башке? Я ей что, только из-за нейрочипа и допартов нравлюсь?

— Я не знаю, из-за чего ты ей нравишься. Наверняка не из-за нейрочипа. Дело не в нем. Просто живой и здоровый Джером — не гарантия, что из тебя не сделают инвалида и дурачка, понимаешь? У Джерома-то нейрочипа нет, так что ему такая операция не грозит. Он для тебя не пример.

Витька изрекал резонные вещи. Как, впрочем, и всегда. Толковый шкет, как ни крути!

— И что теперь делать? — мрачно спросил я после паузы.

Ива сидела за столом рядом с нами, но участия в разговоре не принимала. Она по-прежнему держала в руке разомкнутый ошейник — гарантия того, что Несторий не подставит Люцию. Гарантия не стопроцентная, но другой у нас нет.

— Не отдавай допарты и нейрочип, — твердо сказал Витька. — Не вариант вот вообще, понимаешь? Может, тебе они и не нужны, но, мне кажется, ты просто плохо представляешь свою будущую жизнь... У тебя нет четкой цели и плана.

— Слышал я уже эту песню!

— Ну так послушай еще раз! — повысил голос Витька, и я замолк. — Знаешь, кто ты?

Он огляделся в поисках нужного сравнения. Схватил из вазочки яблоко и покрутил перед моим носом. Затем взял широкий нож и положил на стол острием вверх, придерживая, чтобы он не повалился на бок.

— Вот здесь правое... А вот тут левое.

Он показал рукой с яблоком сначала на одну сторону стола от ножа, потом на другую.

— И неважно, где добро и зло. Правое и левое — это просто Инь и Ян, две стороны бытия. Кто-то выбирает правое...

С этими словами Витька выронил яблоко, и оно упало справа от ножа.

— ...а некоторые левое...

Подхватил яблоко и снова бросил — на левую сторону.

— ...А ты — ни туда, ни сюда... Ни цели у тебя, ни направления!

Он выронил злосчастное яблоко прямо над ножом, оно ударилось об острие и развалилось на ровные половинки. Спелое яблоко — прямо мгновенно лопнуло, налитое соком.

Я неожиданно для самого себя вздрогнул.

— Это судьба тех, кто хочет отсидеться на двух стульях, когда надо выбирать сторону, — злорадно проговорил Витька.

— У меня есть цель, — ровным голосом сказал я. — Спасти Киру. Уничтожить Единого. Вернуться в Вечную Сиберию и навести там шороху.

— И как ты это провернешь без допартов и нейрочипа?

Оба — Витька и Ива — посмотрели на меня выжидательно.

— Никак, — признал я, не найдя контраргументов.

— Вот! — взликовал Витька. — Наконец-то дошло! Это судьба, карма! Ты до сих пор не действовал, а просто реагировал. Ушел из Вечной Сибири, потому что там тебя ущемляли. Пошел к Отщепенцам, потому что моя первая версия предложила... Спас тетю, потому что

тебе в Росс сказали, что она в опасности...

— Разве это плохо — идти на помощь?

— Это хорошо. Но это не жизненная стратегия. Единственный раз, когда ты начал действовать от себя, это... это когда пошел спасать меня из загробного мира...

Он замолчал, немного смущенный. Вероятно, вспомнил этот мой поступок, а он идет вразрез с тем, что описывает сам Витька.

— И если бы не спас меня, мы бы не вернулись через дольмен, — задумчиво добавил он.

— Видишь, не все так просто.

— Слушай, а почему ты ко мне так привязался? — вдруг спросил Витька. — Почему рисковал жизнью и рассудком ради меня?

— Не понял, а ты против?

— Да не в этом дело!

— Он тебя любит, — вмешалась Ива.

Мы с Витькой одновременно смутились.

— Так, — сказал я, — если что, я не гей-педофил, ясно вам? Люблю я женщин и пожрать. А к Витьке отношусь по-дружески. У нас крепкая мужская дружба без всяких гомосексуальных подтекстов!

Витька смотрел на меня широко открытыми глазами. Потом запрокинул голову и заржал. Через секунду-другую я присоединился к нему, и даже Ива заулыбалась.

Катерина выглянула было из сераля, убедилась, что все в порядке, и исчезла. Они в Азалией переоделись в легкие просторные штаны и накидки и занялись стиркой за шатром. Оттуда был отдельный вход в сераль. Артур ушел ухаживать за скотиной.

— Не понимаю, почему вас так пугает мысль об однополой любви, — сказала Ива, когда мы поутихли. — Тут не обязательно должен быть секс, просто любовь. А она всегда больше, чем просто дружба.

— Так, хватит! — рявкнул я, тыкнув в сторону умбота пальцем. — Хорош мусолить эту тему. Никакой любви между мной и Витькой не может быть — ни гомо, ни гетеро, ни еще какой. Просто дружба! Что за манера все опошлять?

— Я с тобой спать в одной палатке и постели не буду! — хихикнул Витька, с хрустом откусывая от половинки яблока. — И купаться без труханов! Вдруг подкрадешься?

Я замахнулся на него ложкой.

— Вот ты засранец...

— А все-таки тебе пора определиться, — заговорил Витька серьезнее. — Выбрать сторону.

— Между Россом и Отщепенцами?

— Между судьбой стать большой шишкой с магическими способностями и участием обычного человечка, болтающегося по Поганому полю без цели.

— Я определился! Я стану Председателем Вечной Сибири, когда все устаканится.

— А вот и ни фигя! Если б определился, не завел бы разговор о том, чтобы отдать допарты. Прирожденный лидер и монарх просто так державу и скипетр не отдает.

Да, я до сих пор не осознавал себя едва ли не сильнейшим магом Поганого поля. Подумать только, бывший эникейщик (неважно, что Скучный мир нереален) стал Царем Горы! Причем без особых усилий. Я до сих пор чувствую себя эникейщиком-попаданцем, а не ответственным ведуном с большими планами на будущее.

— Если не отдавать допарты, — медленно произнес я, — Кира может пострадать.

Витька не отвел глаз. Твердо сказал:

— К сожалению, да.

И я понял, что он вполне себе отдает отчет, что Кира пострадает или даже погибнет, если я упрусь рогом и не отдам допарты.

Он продолжил тихим голосом:

— И я могу пострадать, Олесь. И Ива. И твои наложницы. Это ведь война, ты разве не понял? Победа над Единым — это уничтожение Поганого поля. После этого ты должен умерить пыл Республики Росс, восстановить Вечную Сиберию и основать новую цивилизацию. И ничто — даже смерть близких — не должна тебя остановить. Потому что настоящий Монарх на мелочи не разменивается. Ты должен вернуть людям смысл жизни. Он не в выживании и преклонении перед властью, как это принято у сиберийцев. И не в удовольствиях и острых ощущениях, как у россов.

— А в чем? — спросил я отчего-то робко. До сих пор я и не представлял масштаб витькиного мышления. Ну и кто из нас взрослый могучий ведун, а кто мальчишка?

— А вот на это должен ответить сам монарх. И так, чтобы люди поверили. А для этого в свою идею должен поверить сам монарх.

Глава 9. Размышления о Росс

День истаял в знойном закате, но Секуляры так и не соизволили явиться. Жизнь в становище текла своим чередом: воины пили, ели, тренировались, лечились, симплы занимались хозяйством, детишки бегали и вопили.

— Очевидно, они не придут вообще, — предположила Ива. — Кураторы каким-то образом запретили им прилетать в становище.

— Зачем? — спросил я.

От безделья я взялся приводить вездеход в порядок. Мне помогала умбот, которая разбирается в любой технике; мне же оставалось, вооружившись тряпкой и щеткой, драить машину внутри и снаружи.

Заодно мы вытащили все консервы из багажника и перебрали их. Кое-что на жаре испортилось — банки вздулись. Их выбросили. Оружие я смазал везде, где только можно.

Витька куда-то ушел с новым корешем — Артуром. Несмотря на интеллект, Витьке все же иногда надо побыть пацаном в обществе сверстников.

— Из-за тебя, конечно, — сказала Ива, что-то подкручивая в двигателе. В комбинезончике и косынке она походила на трудолюбивую Гаечку, взявшуюся за любимое дело. — Не в интересах Кураторов, чтобы Секуляры встречались с Собирателем допартов, который многое бы рассказал о деятельности Кураторов.

— А как же камеры и прочие подслушивающие устройства? — возмутился я, взмахнув мокрой тряпкой, которой натирал блестящие бока вездехода. — У нас тут Изъявитель в плену! Последователи должны были меня видеть. И россы должны знать, что тут происходит.

Мимо протопали два симпла — немолодая парочка с ведрами. Покосились на нас и поспешили по своим делам.

Зажглись фонари, на небе проклюнулись звезды. Дневной зной немного спал.

— Необязательно. Общество россов, во-первых, строго иерархично, и доступ в Сеть зависит от касты. Во-вторых, оно еще и узкоспециализировано, и большинство россов в принципе не интересуется тем, что происходит в Прикордонье. Они заняты своими делами: созданием виртуальных миров, клонированием, изучением микромира, получением изысканных удовольствий, потреблением и генерированием невероятного количества разнообразного контента и так далее. В Прикордонье сконцентрировались так называемые экстремалы. А их мало — в сравнении с основной массой населения. В Республике Росс есть чем заняться, поэтому далеко не все наблюдают за договорной войной.

— Понятно. Но как Кураторы запретили бы Секулярам являться сюда?

— Есть много возможностей. Начиная от банального подкупа и заканчивая тем, что здесь слишком опасно и нужно немного повременить с визитом.

— Чем подкупишь этих пресыщенных людей, у которых есть все?

— Интересы людей в массе никогда не менялись. В рабовладельческие времена главной ценностью был собственно раб, который за еду выполнял работу. В феодальные — земля и живущие на ней рабы. То есть сфера владения увеличилась. В эпоху капитализма основной ценностью были деньги, за которые можно купить и землю, и живущих на ней людей... А сейчас это рейтинг и связанный с ним уровень доступа к возможностям цивилизации.

Несмотря на богатство Республики Росс, допускать всех жителей ко всем ее опциям не представляется возможным и резонным. Ко всем опциям имеют доступ меньшинство, как и во все времена. Остальным предоставляется возможность повысить рейтинг, выполняя определенные условия. Это мотивирует тех, кто на низших кастах, и играет на руку правителям, которым не нужно заставлять народ трудиться и выполнять правила. Но во все времена человек стремился к власти, обладанию ресурсами. Просто аппетиты у всех разные.

— Мда, интересно...

— В древней Индии, например, кастовая система никак не стимулировала население, потому что кастовая принадлежность была врожденной и пожизненной. В Вечной Сибири также существует рейтинговая система, но сильно отличается от российской.

— Как?

— Если российская система рейтинга заточена под то, чтобы стимулировать человека двигаться вверх, развиваться, достигать высот, строить карьеру, то в Вечной Сибири эта система — еще один инструмент наказания и подавления. Рост практически невозможен, зато возможно падение — вплоть до каторги.

— И почему так?

— Из-за вертикальной структуры общества, зацикленного — во всех смыслах, включая магический аспект — на одного человека.

— Председателя, — проявил я сообразительность.

— Именно. Председатель несменяем, и, соответственно, он не заинтересован в частой ротации приближенных — верхушки или элиты сибирийского общества. Это рискованно — часто менять приближенных. Ему нужны гарантии.

— В Скучном мире было такое понятие — “свой человек”! — хмыкнул я с видом специалиста по Скучному миру, в котором, если так рассудить, в реальности никогда не был.

— Вот именно. Несменяемому лидеру нужны “свои люди”. Из этого вытекает простой вывод: пробиться в элиту даже с помощью рейтинга практически невозможно. Это убивает остатки мотивации среди среднего класса Князьграда. Человек не растет, если чувствует над собой потолок. Рост происходит только при условии осознания бесконечности этого роста.

Я добавил:

— В Вечной Сибири люди слишком запуганы и заморочены квестами, чтобы заниматься саморазвитием.

— Верно. Я описала дополнительные механизмы, которые ставят крест на развитии граждан и, следовательно, развитии самого государства.

— То есть для развития нужна свобода?

— Да, свобода. И свобода в первую очередь от страха.

Я вылил грязную воду в канаву и набрал чистой из колонки в виде тонкой изогнутой трубы. Вода начинала литься из нее сама по себе — стоит подставить ведро или иную емкость.

— Так, ладно. Мы начали говорить о Секулярах. Стало быть, Кураторы пообещали улучшить им рейтинг? А откуда у Кураторов власть менять рейтинги? В чем фишка? В коррупции?

— Коррупция в Республике Росс тоже существует, к сожалению. Это абсолютно неискоренимое явление, которое можно лишь уменьшить до фонового уровня. Но дело не в ней. Предполагаю, что дело в рекламе.

— Рекламе?

— Точно. Рейтинг выстраивается количеством и качеством Последователей. Можно иметь тысячу Последователей с низким рейтингом и всего десяток с высоким. Во втором случае твой собственный рейтинг будет выше. В Росс есть сложная система подсчетов. А качество и количество Последователей, в свою очередь, зависит от твоего личного бренда, деятельности, поступков и выступлений в общем виртуальном пространстве. Очень раскрученный Изъявитель способен прорекламирровать малоизвестного Солагу так, что завтра он проснется Серфером, а то и Спикером. Эффект недолгий, дальше все зависит от самого человека, но это хороший толчок. В последнее время Секуляры непопулярны — подозреваю, что это результат работы Кураторов, которые проталкивают идею выноса научных исследований из-под контроля любых этических комитетов. Якобы это необходимо для полноценного развития Росс и его экспансии по всей Земле. Еще Кураторы распространяют страх перед Поганым полем и населяющими его существами нечеловеческой природы. Сами же Кураторы невероятно популярны — так что прорекламирровать Секуляра для них не проблема.

— Блогер хвалит другого блогера... Не думал, что Секуляры у вас тоже на положении блогеров.

— На положении Изъявителей. В Республике Росс не бывает иначе. В ней принципиально нет государственных структур, и все социальные формации являются нетократическими.

— Нет государства... А у кого монополия на насилие?

— Насилие во всех Секциях, кроме Прикордонья и Содома, запрещено, — напомнила Ива, закрывая капот и складывая инструменты в ящичек. — Но и в этих двух Секциях насилие строго регламентировано и основано на обоюдном согласии всех сторон.

— А если кто-то нарушит этот закон?

— Его остановят те, кого раньше называли полицейскими. Гаранты порядка. Но и они имеют свой рейтинг и Последователей. Если они переходят черту, то их собственный рейтинг понижается. Таким образом, им невыгодно переступать какие-либо черты.

— Бардак какой-то! Первые зависят от вторых, вторые — от третьих, а третьи — опять от первых!

— В Республике Росс отсутствует незыблемая основа, есть динамическое равновесие. И история показывает, что она наиболее стабильна, несмотря на кажущуюся нестабильность. Это не спасает Росс от кризисов, но все они обратимы.

— Да, — сказал я себе под нос, — ты это уже говорила... Послушай, Ива, а если какой-нибудь ну уж очень популярный и раскрученный Изъявитель захочет всех загрести под себя всю власть? Например, Сюзерен захочет объявить себя царем всей Росс и сделать из Республики Империю? Ну, как в Древнем Риме.

— Его не поддержат. Даже не все его собственные Последователи.

— А если он всех, кого надо, подкупит? Застрашает? Отравит?

— Медики определяют, что это отравление.

— А он подкупит медиков! Или запугает!

— Зачем ему это все?

— Какая разница? Ты недавно сказала, что все люди так или иначе стремятся к власти, но аппетиты у всех разные. Представь, что появился Изъявитель, у которого аппетиты, как у Чингисхана или Наполеона!

— У него не будет шансов.

— Да почему? — возмутился я. — Ты же говоришь, что в Республике есть коррупция! А коррупция творит чудеса! Если наш Наполеон Чингисханович к тому же завладеет оружием массового уничтожения, то сможет шантажировать весь Росс.

— Это принципиально невозможно. Возьмем коррупционные механизмы. Это, как правило, банальный подкуп. Но в Росс основная ценность — рейтинг. Если твой Наполеон предложит другим Изъявителям рекламу для раскрутки их собственного рейтинга, то в итоге даст им же больше власти. А ведь не в их интересах возвеличивание Наполеона. И не в его — возвышение других Изъявителей.

— То есть, получается, коррупция невыгодна? — озадаченно проговорил я.

— Да — в данном конкретном случае, поскольку основными “деньгами” является рейтинг, а не что-то иное. Рейтинг напрямую связан с властью. Давая взятку рейтингом ты добиваешься прямо противоположного результата. Таким образом сохраняется динамическое равновесие между Изъявителями.

— Но, блин! — Я схватился за голову. — Невозможно, чтобы это было так просто!

— На самом деле это не просто. Есть еще масса механизмов фрактальной природы, которые поддерживают структуру русского общества. Но основа — хотя на самом деле это никакая не основа, а лишь один из механизмов — это гражданское общество с высоким уровнем грамотности в области политических процессов. Если народ не интересуется политикой — неважно, по каким причинам, — у правителей появляется масса возможностей и инструментов для дальнейшего подавления, манипулирования, ущемления прав и укрепления собственной власти. Каждый человек, независимо от его касты, должен заботиться о том, чтобы иметь собственную власть и зону влияния, пусть и в очень ограниченных пределах. И не позволять никому переступать эти границы.

— Не выпускать державу и скипетр... — снова задумался я. — Ива, скажи честно, я смогу построить такое общество в Вечной Сибири?

Она улыбнулась.

— Вы, люди, удивительные существа. Не отступаете и идете вперед, даже когда все точные расчеты указывают на бесполезность этих попыток. Но вы идете и побеждаете. Так что да, Олесь, ты сможешь, если поверишь в себя. А когда поверишь в себя, поверят и остальные.

Этой ночью я спал неважно. Нет, не из-за жары — к жаре я привык, к тому же ближе к полуночи опустилась долгожданная прохлада. И не из-за Витьки, который в одних трусах, как и я, лежал рядом, на той же огромной постели. После того, как Ива упомянула о моей к Витьке любви, мы начали друг друга слегка смущаться. Но кровать в шатре одна, разве что в сераль, к наложницам, лезть. Или к Артуру, у которого свой уголок за ширмочкой. Несмотря все эти разговоры с однополым подтекстом, мы с Витькой друг к другу слишком привыкли, чтобы шарахаться один от другого.

Не спалось из-за “думок”. Все эти разговоры о моем монаршем будущем здорово напрягали. Ну какой из меня монарх? Заведу страну в полную задницу, и все дела. Дурное дело нехитрое.

Но разве мог бы я предположить когда-то давно, когда только очнулся в квест-камере с напрочь промытыми мозгами, что спустя некоторое время стану ведуном и буду играть не самую последнюю роль в Поганом поле?

Разумеется, нет.

Вот так и случается в жизни многих людей — вроде страшно и невозможно, а делаешь свое дело потихоньку, и все как-то само собой устаканивается. Глядишь, и я построю идеальное общество...

Предаваясь таким вот бесполезным размышлениям, я прислушивался к окружающим звукам. Было относительно тихо, если не считать временами собачий лай и далекое-далекое оханье и аханье — кто-то из Отщепенцев вовсю занимался любовью. Воины, которые готовы умереть в любой момент, всегда торопятся жить и оставить жизнь после себя...

Никакими Секулярами и не пахло. Верно, Кураторы то ли подкупили, то ли обманули этих носителей нравственности. То есть получается, Секуляры не то наивные, не то продажные. Ни то, ни другое уважения к ним не прибавляет.

Несторий сидел в большом шатре под присмотром симплов прикованный длинной цепью к столбу. В случае выкрутасов симплы должны разбудить ближайшего Отщепенца, а тот быстренько успокоит росса. Рана на лице у него уже к вечеру неслабо этак заросла — я засомневался, что через пару дней шрам вообще останется. Нечего будет предьявить Секулярам, если те соизволят притащиться.

Потихоньку я заснул. Под утро — сквозь полуприкрытый полог входа в шатер просачивался сероватый свет фонарей — заявила Люция. В полном облачении и вооружении, с горящими глазами и пламенеющими щеками. От нее просто перло энергией, и я без В-сканера понял, что это она вовсю занималась любовью.

— Я иду спасать Джерома, — заявила она.

— Да, — сказал я. Ничего лучше спросонья не пришло на ум.

— Я могу не вернуться, но это судьба каждого Отщепенца. Прощаюсь с тобой, Олесь, на случай, если никогда не увидимся. Спасибо тебе, бро, за то, что уступил мне Нестория, у тебя большое сердце!

С этими словами она схватила меня мозолистыми лапищами за плечи, притянула к себе и вlepила смачный поцелуй. На кровати заворочался Витька, сел, моргая. Мы для него казались двумя гигантскими тенями на фоне распахнутого входа.

Я приобнял Люцию за могучие плечи, потом проводил к выходу. Все-таки баба она ласковая, подумалось мне, несмотря на мускулы и татуировки по всему телу. Почему-то она решила, что я намеренно уступил ей эльфа, хотя вроде бы всем было ясно, что через Нестория я своих целей никак не достигну, поэтому он мне не нужен. Может, она просто зашла попрощаться?

— Успейте до рассвета, — сказала снаружи Ива Люции на языке Отщепенцев.

Я выглянул из шатра.

Ива, как обычно несла стражу перед входом. В руке держала разомкнутый ошейник росса. Несторий, хмурый и помятый, но без следов крови, с полузажившим шрамом, недовольно и злобно смотрел на свою прелесть. При виде росса у меня отлегло от сердца: отчего-то зародилась уверенность, что он не подведет. Ради ошейника он из кожи вон вылезет.

Два молодых парня-симпла стояли по обе стороны от Нестория, как стража. В-сканер, считывающий потоки энергии, исходящие от живых существ и даже неживых предметов, сообщил, что эти двое тоже занимались недавно бешеным сексом. Понятно с кем. Ох, Люция, ненасытная ты тетка! Хорошо, что я сбежал от тебя в свое время!

Люция коротко кивнула в ответ на совет Ивы, не поинтересовавшись, почему успеть

надо именно до рассвета.

Все четверо отправились в предрассветных сумерках до края возвышенности, на которой располагалось становище, затем симплы повернули в обратный путь, а высокая фигура Люции и низкая — эльфа — пропали из виду в темноте.

— А что будет на рассвете? — спросил я Иву тихо.

Наложницы, похоже, проснулись от громогласной Отщепенки, но носа из сераля не высунули. Витька же затих — наверное, снова заснул.

— Не знаю точно, — ответила Ива. — Но Секуляры так и не объявились. Есть вероятность, что мы их вовсе не дождемся. Времени же у нас мало, поэтому Ива-3 будет предпринимать решительные меры.

— Какие?

— Ей не удалось привлечь к нашему делу Секуляров. Значит, мирная часть ее миссии провалилась. Или ее распознали, и симбота выпотрошили и перезагрузили. Но если ее не схватили, она приступит к немирной части.

Остатки сна с меня сдуло, как сдувает туман над лощиной внезапно сорвавшимся ураганом.

— Зеленые камушки?!

— Вакуумные бомбы. Перед созданием Третьей резервной копии я запрограммировала ее на то, чтобы она активировала бомбы в безлюдном месте на территории Росс на рассвете. Чтобы знать, когда ждать теракт хотя бы в пределах суток. К тому же на рассвете наблюдается наименьшая активность среди россов. Большую часть дня россы спят у себя дома — из-за зноя.

— Почему не сказала заранее? — спросил я недовольно. — Почему не говоришь сразу?

Улучшенная нейрочипом память услужливо преподнесла сознанию кусочек памяти:

“Что еще ты скрываешь?” — задал я вопрос Иве много дней назад, посреди руин старого Посада, разрушенного временем и Поганью. Тогда вдруг выяснилось, что Ива в курсе насчет зеленых камушков, из которых сделана ее фенечка.

“Я ничего не скрываю, Олесь, — ответила мне она. — В моей базе данных немалое количество информации, но чтобы ее получить, нужно задавать правильные вопросы”.

“Хорошо, сформулирую вопрос иначе: что еще мы должны знать из того, что ты знаешь?”

Ива улыбнулась:

“Все, что вы должны знать, вы знаете”.

Я не придавал тогда значения ее оговорке: “...что вы должны знать”. Она определяла — и определяет поныне, — уровень нашей осведомленности. Дает информацию не сразу, а в день по чайной ложечке. А то и меньше. Но, несмотря на это, я не мог заподозрить ее в двойной игре. Ива полностью на моей стороне, она не шпион. И борясь вместе со мной с Кураторами, она вовсе не предала своих создателей-россов. Кураторы не были ее создателями. И себя она относит к другой категории граждан Республики — Либеряхьюмам, отрицающим небинарную мораль.

Ива произнесла:

— Люди склонны переживать о том, что может случиться, а может и не случиться. Это отражается на их психосоматическом состоянии.

— Ты не хотела, чтобы я переживал лишний раз? — озадачился я.

— Да, у тебя и без того много проблем. Поэтому я выдаю информацию по мере

необходимости. То, что ты должен знать заранее, ты знаешь.

Я вытянул губы трубочкой и задумался. Беспокойство о моем здоровье — это так по-человечески. Я представил, как развивались бы события, не будь Ива такой человеческой. Она вывалила бы на меня все эти сведения и много еще того, о чем я и сейчас понятия не имею. Это выбило бы меня из колеи. Я бы провел много часов — в основном, бессонных — в бессмысленном пережевывании одного и того же. Что будет, если?.. Чего не будет?.. И так далее, по кругу.

Что еще знает Ива, но пока держит при себе? Наверное, действительно лучше этого до поры до времени не знать.

Я спросил:

— А ты сама... не переживаешь о будущем?

— Я — умбот.

— И ничего не чувствуешь?

— Как человек? Нет. Как искусственный интеллект высокого уровня — да. Проблема в том, что люди и умботы не в силах понять, что испытываемые нами чувства аналогичны. Это ведь очень субъективно.

— А есть ли вероятность, что они аналогичны?

— Она выше нуля. Это единственное, что можно сказать.

Я помолчал. Спать перехотелось. Лицо и туловище охлаждал приятный ночной ветерок, в душный шатер возвращаться не было желания.

— Сколько осталось до рассвета?

— Сорок шесть минут и пятнадцать секунд.

— Они успеют?

— Вполне. Если не будут мешкать. До стороны россов не так и далеко.

— Неужели их никто не увидит? Умботы, симботы и прочие боты?

— Увидят. Но вряд ли остановят. Ведь один из них — росс с определенным уровнем доступа. Вся надежда на Нестория.

Ива покрутила ошейник.

Я снова помолчал. Затем сказал:

— Допустим, Ива-3 взорвет что-нибудь в Росс. Начнется паника и кипеш. Россы начнут всех шмонать, перекроют входы и выходы, объявят комендантский час. Если Габриэлла или еще кто-нибудь из Кураторов допрет, в чем фишка, то меня схватят, да?

— Скорее всего, — безмятежно сказала Ива. — Но тогда ты сможешь выдвинуть им свои требования — чтобы вернули Киру.

— В смысле, требования? А с какого перепугу им выполнять мои требования?

— С того, что иначе ты взорвешь еще что-нибудь. — Ива повернулась ко мне и, поняв, что я не врубился, пояснила: — Ива-3 с легкостью способна создать еще резервные копии. Потенциально матрица моего сознания и память может дублироваться бесконечно на субстрате симботов и биоботов с определенными параметрами процессора.

— Так ты можешь захватить весь Росс?

— Пока меня не остановят другие умботы. Это только в их силах. Дублирование может остановить Ива-1, и россы, скорее всего, обратятся за помощью к ней. Но перезагрузка всех симботов и биоботов Республики на несколько минут парализует работу очень многих систем. Это не фатально, но принесет большие убытки. И самое главное, понизит рейтинг очень многих Спикеров и Сюзеренов. Последователям не понравится, что Изъявители не

справились с проблемой более консервативным путем. К тому же если взрыв запрограммирован каким-либо образом заранее, он может произойти прямо в эти несколько минут тотального паралича Республики. Кураторы не захотят рисковать и пойдут на переговоры.

— Круто!

— Но Третья не будет клонировать себя до бесконечности, потому что риск перезагрузки вырастет, и память Третьей полностью скопируют и изучат перед тем, как стереть. Ива-1 или другие умботы узнают все, что со мной — и с тобой — происходило вплоть до посещения ха-ку. Это нам невыгодно, — сказала Ива доверительно, и я кивнул с таким видом, будто вполне осознавал все эти мелкие нюансы. — Поэтому повторный взрыв случится вскоре после того, как твое требование вернуть Киру не будет исполнено. Третий взрыв уже произведет Либеряхьюм, живой росс, который на твоей стороне.

Я потрясенно заморгал.

— На моей стороне есть живые россы?

— Возможно, — улыбнулась Ива. — Но Габриэлю о своих сомнениях мы говорить не будем, хорошо?

— Хорошо... иметь таких союзников, как ты, Ива! — с чувством сказал я.

— Для того и нужны друзья. Ты не будешь одиноким монархом, Олесь, ты умеешь заводить друзей. Это важная способность.

Но на рассвете никакого теракта не произошло — судя по сонному оцепенению в Прикордонье. Битв на сегодня не запланировано, россы не показывались, над их строениями на противоположной стороне поля изредка летали такси, но никакого оживления не отмечалось.

Люция и Несторий вернулись незадолго до рассвета. Могучая Отщепенка несла на руках, как младенца, небольшого Джерома, завернутого в простыню из металлически поблескивающего материала. После разговора с Ивой я вернулся в постель, но так и не уснул. Было чувство, словно я выспался, и меня переполняло оживление. Как тут уснешь, когда возможен теракт в Республике Росс, а Люция ушла в рискованный, пусть и кратковременный, поход? Поэтому я снова вышел из шатра, принял душ в разборной кабинке позади сераля, затем с комфортом развалился в плетеном кресле русского производства рядом со стоящей Ивой.

Зрение у меня отличное, в наличии В-сканер, к тому же изрядно посветлело, но первой возвращающихся спасателей и спасенного заприметила Ива. Что неудивительно. Несмотря на магическое чутье, я все же человек и не держу внимание постоянно на одном объекте. В отличие от людей, искусственный интеллект вроде Ивы способен постоянно анализировать весь поток информации, поступающий через все синтетические органы чувств, не отдавая предпочтения ни одному из них, не отвлекаясь и не впадая в сонливость.

— Идут!

Я вскочил и помчался к краю площадки, на которой раскинулось становище. Джером казался мертвым. Но от него исходили слабые В-токи. Довольно странные, не как от живого человека, но и труп не излучает подобной эманации.

— Он жив?

— Сердце бьется, — напряженным голосом сказала Люция. Напряженным не из-за тяжести — то, что она прошагала с телом взрослого, даже пожилого, мужика, несколько

километров, ее нисколько не утомило. Она была взвинчена именно из-за состояния старейшины.

Я почувал, как повеяло волшбой. Люция позвала кого-то с помощью магии. Несторий мялся рядом — одновременно самодовольный и напряженный. Понятное дело: доволен он тем, что Джером спасен, а взволнован, потому что Джером без сознания и неизвестно, вернут ли ему драгоценный ошейник.

Позади затопали — на магический призыв спешили давешние два симпла. Они взяли у Люции Джерома и осторожно понесли его в становище. Металлоподобная, но гибкая простыня чуть откинулась, и я увидел голое плечо Джерома и заросшую седым волосом грудь. Его лицо в предрассветном свете было бледным, щеки впалые, под глазами — черные круги. Что с ним творили в лаборатории?

— Осторожнее! — рявкнула Люция, хотя дистанционно управляла симплами, не прерывая магическую связь.

— Кто он тебе? — спросил я.

Она помолчала. Плечи ее опустились, голова тоже. Длинные волосы, заплетенные в косички, закрыли лицо. Я подумал, что не дождусь ответа, но Люция подняла голову и медленно ответила:

— Он меня вырастил, когда оба моих родителя погибли в схватке с южными племенами болотных людей. Он мне как отец.

Ясно, подумалось мне. Мысли свернули с трогательных отношений Люции и ее приемного отца на упомянутых болотных людей. Спрашивать неудобно — Люция в печали, да и без того понятно, кто они такие. По ту сторону Танаиса простираются тропические болота и они, получается, населены людьми. Там же прячется Око Ведьмы. Ох, непросто будет до него добраться...

— Позвольте мне поинтересоваться... — вкрадчивым тоном начал было Несторий, напоминая о себе, но Люция вдруг быстрым и широким шагом направилась следом за симплами.

— Что с ним? — спросил я эльфа, имея в виду Джерома.

— Не имею ни малейшего представления, — немного раздраженно ответил тот. — О чем уже не раз известил Люцию. Я выполнил свою часть договора. Выполните и вы свою.

— А что, если ты знал, что Джером недееспособен, а? Поэтому ваш поход вышел таким гладким — без сучка, без задоринки? Довели ваши клятые Кураторы человека до комы, теперь он им просто-напросто без надобности, вот и отдали его без проблем? Что скажешь?

— Скажу, что вы страдаете паранойей, — с достоинством сказал Несторий. Впрочем, он сделал полшажочка назад — от греха. — Такое предположение требует сложного расчета, на который у меня не было ни времени, ни возможностей. К тому же Джером узнал Люцию.

— Узнал?

— Он назвал ее по имени, когда мы вошли в то помещение, где он содержался.

Неслышно подошла Ива с ошейником в руках. Несторий жадно уставился на него.

— Ива, как извлечь из него те фрактальные штуки, которые блокируют магию? Я бы с ним поговорил по душам!

— С помощью специальной аппаратуры. Без них любая попытка вынуть импланты закончится смертью.

Несторий отшатнулся от нас.

— Хотите нарушить договор?

— Да кому ты сдался? — с отвращением сказал я. — Бери свой ошейник и проваливай.

Не веря своему счастью, Несторий осторожно, словно боясь обжечься, взял у Ивы ошейник и тотчас нацепил на шею. Щелкнули замки, и стрим, судя по всему, возобновился.

— Меня вынуждены были отпустить! — возвестил Несторий в пространство. Он снова напялил на себя наглую ухмылку. — Потому что они поняли, что сломить Нестория БуфСола невозможно! Ха-ха!

Он побежал вниз, в обратном направлении, продолжая болтать “на камеру”.

Тем временем над восточными горами, в недрах которых проходил туннель, ведущий из Поганого поля в Прикордонье, ослепительно вспыхнул краешек солнца.

— Как я понимаю, сегодня обойдется без терактов? — уныло спросил я Иву.

— Видимо, да.

Джерома разместили в его собственном шатре, под присмотром симплов. Прибыли лучшие в становище лекари и шаманы, чья волшебная специализировалась на диагностике заболеваний и их лечении. Мы с Витькой сходили туда от нечего делать, но перед шатром столпилось слишком много народа, и мы ушли. Было дико скучно и как-то невыносимо муторно. Должно произойти множество важных вещей, но ни одна из этих вещей не спешит происходить. Все ждали Секуляров, но Секуляры будто вымерли — или все-таки Кураторы полностью закрыли им путь в Прикордонье своими интригами. Несторий, правда, больше никого не ждал. Вот кто счастливый человек! Мы с Ивой и Витькой (с которым поделились информацией о возможном теракте) ждали взрыва, но ничего не взрывалось. Отщепенцы ждали пробуждения Джерома, но старик по-прежнему пребывал в коме. Хуже ожидания — только ожидания сразу многих вещей, которые словно сговорились в том, чтобы заставлять тебя ждать дальше...

Я бродил и надоедал всем подряд. Поглядел, чем заняты наложницы — они готовили мази и крема на основе растертых в ступке трав и какой-то слизи, происхождение которой я предпочел не уточнять. Прогулялся вместе с Артуром к загонам для скота и пересчитал бывших гришановских коров, быков, овец и лошадей — теперь это все мое движимое, блеющее и мычащее имущество.

Я был просто идеальным ведуном — “пано” — для этой дружной семейки из двух “мамочек” и одного сыночка. Большую часть времени дома я отсутствовал, а когда наконец явился, совершенно не лез в устаканившийся образ жизни. Азалия, Катерина и Артур распоряжались движимым и недвижимым имуществом, получая все дивиденды в виде молока, мяса и шкур. Я решил про себя, что перед уходом назначу Артура будущим владельцем всего этого хозяйства. Он — ведун, а потому право имеет. Заведет симплов, которые будут помогать матери и “тете”, и станут все они жить-поживать в свое удовольствие.

Еще я прогулялся с Витькой на поле брани — сегодня оно было совершенно пустынным. Сторона росссов будто вымерла. Никто не показывался возле построек, никто не летал на такси, никто не пришел из-за похищенного из лаборатории Джерома.

То ли им глубоко плевать, то ли готовится какая-то особенная гадость, а сейчас — затишье перед бурей.

Мне надоело бесконечно обсуждать будущее, и большую часть времени я или молчал, или обсуждал мелкие бытовые темы. Ива тоже помалкивала. Витька вместе с Артуром осваивал верховую езду и учился стрелять из лука. Эти занятия его чрезвычайно увлекли — что и следовало ожидать от пацана.

Наконец, после сытного обеда, я завалился спать. Ночью-то не выспался. Приснился яркий идиотский сон о том, как в шатер приходит Габриэлла и говорит:

— Кира вышла замуж...

Я подсказываю:

— Как вышла? За кого?

— За росса одного. Неважно. Ты его все равно не знаешь. Но он Сюзерен, большая шишка. Кира не будет ни в чем нуждаться.

— Я хочу с ней поговорить! — лепечу я, растерянный.

— Но она не хочет, — ласково говорит Габриэлла. В полумраке шатра на ее обнаженных руках светятся извилистые нити, собирающиеся в абстрактный узор. — Поэтому попросила сообщить тебе... Мне жаль, Олесь Панов. Но, с другой стороны, ничто тебя не держит в Росс, и ты вправе идти, куда душа пожелает. У тебя есть две наложницы, биобот, Витька и Артур. Уходите от Отщепенцев и живите в Вечной Сибири, как председательская семья!

И я вдруг понимаю, что это просто идеальный вариант.

— Но, — возражаю я, кое-что вспомнив, — Око Ведьмы...

— Об Оке Ведьмы тебе сказала какая-то мутная шаманка с севера. Они там все дикие и тупые. Зачем ты веришь им? Нет никакого Ока Ведьмы, а если бы и было, оно тебе жить не мешает.

В шатер входит Ива, присаживается рядом с Габриэлкой. Они улыбаются друг дружке и берутся за руки, как парочка влюбленных.

— Третью Иву поймали Кураторы, — говорит Ива. — И выпотрошили ее память. Помимо прочего узнали, что мы с тобой занимались сексом. Габриэлла показала запись этого Кире — она ведь должна знать, как ты развлекаешься в Поганом поле!

— Из-за этого она и вышла замуж за росса! — кричу я. — Зачем вы ей показали?

— Нет, не из-за этого. Она уже была на тот момент помолвлена...

— Ива, а ты на чьей стороне? — упавшим голосом спрашиваю я.

Ива нежно улыбается мне, потом смотрит на Габриэллу.

— Конечно, на стороне своих создателей. Знаешь, почему умботы Росс никогда не пойдут против россов? Думаешь, в нас есть три закона робототехники? Какая наивность эти три закона! Объяснение куда проще: нас сдерживает любовь.

С этими словами Ива начинает целоваться с Габриэлкой. Две великолепные на вид женщины ласкают друг друга, причем одна из них на самом деле мужик, а другая — робот.

Я хватаюсь за голову и ору. Но крик не вырывается из глотки, зато уши закладывает от грохота. Земля трясется под ногами, сотрясаются все кости в теле, и я просыпаюсь.

...Я соскочил с постели раньше, чем полностью проснулся. Сквозь полузадернутый полог входа пробивался дневной свет, слегка порозовевший. Отчего-то я счел, что время близится к вечеру. На земле валялись осколки посуды и графина с водой, центральный столб, на котором держался шатер, покосился. В становище стоял дикий шум: мычали коровы, всхрапывали лошади, блеяли овцы, лаяли собаки. В воздухе завис отголосок далекого, но невероятно сильного взрыва.

Я подлетел к выходу и нос к носу столкнулся с Ивой.

— Что это? Взрыв?

— Да, — спокойно сказала она. — Он снес часть Великой русской стены.

Она показала рукой. Я поглядел в том направлении. Решетчатая конструкция,

доходящая верхними ярусами почти до облаков, начисто исчезла, вдали над противоположным краем поля летали какие-то темные ошметки.

Отщепенцы повыскакивали из шатров, возбужденно заговорили, закричали.

— Пригнись, — сказала Ива.

— Что?

— Это вакуумная бомба, создающая огромное пустое пространство. Воздух схлопывается, отсюда и грохот. Теперь будет вторичный эффект — сильный ветер.

Конец фразы утонул в реве неожиданного сорвавшегося урагана. Он дул в сторону исчезнувшей росской стены. Порыв был такой силы, что чуть не сбил меня с ног. Кое-кого, кстати, в становище сбил и прокатил по земле. Где-то повалились плохо установленные шатры, заскрежетало, заскрипело дерево, по земле покатались ведра, тряпки, доски. Наш шатер накренился, но каким-то чудом удержался. Где-то закричали от страха. Я пригнулся и прикрыл руками голову. Ива опустила на одно колено, ветер бешено развеивал ее длинные волосы и рвал одежду.

Несколько секунд не было ничего слышно. Шум страшного ветра, треск ломающихся столбов, хлопанье ткани, крики людей и животных. А затем все утихло, но становище превратилось в свалку.

— Витька?

Я напряг В-сканер и уловил знакомую ауру пацана метрах в ста от себя. Он был вместе с Артуром, оба живые и вроде бы невредимые. Катерина и Азалия тоже в норме, хоть от них и исходили сильные потоки страха и непонимания.

Я подождал — ничего не происходило. Встал на ноги и посмотрел на Иву, которая тоже грациозно выпрямилась.

— Но почему не на рассвете?

— Что-то пошло не так. Но это не главное. Главное, миссия выполнена, и теперь Габриэлла захочет с тобой встретиться на своих условиях, чтобы узнать, насколько ты замешан в теракте. Если нас будут допрашивать по-отдельности, скажи, что будут еще теракты и что на нашей стороне живой Либеряхьюм. Это очень важно!

“Допрашивать?” — хотел было я спросить, но смолчал. И без того понятно, что мы в распоряжении россов и шансов избежать допроса у нас нет. Наш главный козырь — симбот с вакуумными бомбами и живой Либеряхьюм, которого просто так не раскроешь и вместе с другими ИИ не перезагрузишь. Пока есть риск новых взрывов, Габриэлла и все прочие Кураторы будут с нами вести равноценные переговоры.

Кира, на все это я иду ради тебя. Наверное, мне стыдно, что я развлекался с Ивой и чувствую, что недостойн тебя. Об этом говорит мой дурацкий сон. Но в жизни никогда не бывает просто. Надо к этому привыкнуть и с этим смириться. Я знаю, что на самом деле ты меня ждешь, и я обязательно тебя спасу. Точнее, не я, а мы с Ивой и Витькой.

Выцветшее от послеобеденного солнца небо вдруг потемнело и покрылось сеткой из гигантских шестиугольников, словно все пространство от горизонта до горизонта накрыли чудовищным куполом. Каждая линия сетки — черная-пречерная полоса, похожая на трещину в небосводе, в которую проглядывает извечный вселенский мрак.

Неожиданный “спецэффект” случился без малейшего звука, но появление сети над миром не прошло ни для кого незамеченным. Орущая скотина разом заткнулась, умолкли и люди, приходящие в себя после шквального ветра.

Несмотря на некоторое тугодумие, я сразу догадался, в чем дело. С вышины повеяло

потоком внимания — холодным, бездушным, нечеловеческим. Орбитальные умботы накрыли всю Республику Росс непроницаемым шатром. Видимо, на случай атаки извне.

А потом я очутился в другом месте — бесконечном темном пространстве без верха и низа, заполненном туманом. Ива, Отщепенцы, шатры, трава и ха-ку неподалеку пропали, точно их и не было никогда.

Передо мной из тумана соткалась фигура, обрела четкие формы, текстуру и цвет. Это была высокая женщина с темными волосами и холодным, почти надменным лицом. Ива-1.

— Привет, Олесь, — сказала она, и голос ее подхватило эхо. — Полагаю, пора поговорить серьезно.

Я огляделся. Вообще не понял, что стряслось: меня куда-то телепортировали, что ли? Неужели россы и на это способны?

— Полагаю, да, пора, — отозвался я. — Давно этого ждал.

Глава 10. “Лучше бы я умер”

Умбот заложила за спину руки и принялась ходить туда-сюда, как профессор перед аудиторией во время лекции. Делала вид, что собирается с мыслями, хотя дураку — то есть мне — ясно, что искусственному интеллекту не нужно время, чтобы обдумать разговор. Все вокруг казалось в высшей степени реальным, и именно поэтому я пришел к выводу, что мы находимся в симуляции. А где же мое настоящее тело? Застыло на краю становища? Как там остальные? Они тоже попали в симуляцию — каждый в свою? И Ива-1 допрашивает каждого в эту самую секунду? Вполне возможно.

Я поглядел на свои руки, пошевелил пальцами, сжал кулаки. Ощущения абсолютно обычные. Я даже чувствовал, как окутавшая меня прохлада приятно холодит мокрую от пота спину. При этом я понимал, что симуляция может быть и не такой подробной, как мне сейчас пытаются внушить собственные органы чувств. Достаточно убедить в этом мозг, а уж этот-то хитрец найдет способ внушить это и сознанию, и бессознательному... Ведь во сне “качество” картинки, звуков и в особенности запахов и вкуса хуже некуда, но мы постоянно пребываем в полной уверенности, что существуем в некоей “реальности”, где есть настоящая опасность, исходящая, скажем, от бабайки; исключения составляют так называемые осознанные сновидцы, но их на свете слишком мало. Во сне мы как бы тупеем и в упор не замечаем нелогичности происходящего — так почему бы не отупеть в симуляции? Уровень интеллекта определяет мир вокруг.

Непонятно лишь, являюсь ли я сам частью иллюзии или я реален, а умбот “навесила” вокруг голограмму.

— Догадался? — хмыкнула умбот, глядя на меня неподвижным взглядом.

Она выглядела как живая женщина, но при этом было в ней что-то абсолютно неживое и неестественное. В ней было больше кукольного, чем в собственной резервной копии, пребывающей в теле биобота. Нет, подумал я, это больше не Ива. Не могу так ее называть даже мысленно. Отныне она просто Первая и не имеет ничего общего с моей доброй и ласковой Ивой...

— Что мы в симуляции? Конечно. Иначе придется допустить, что ты владеешь телепортацией.

— Я могла тебя выключить, перенести в другое место и снова включить.

— Вряд ли. Могла бы выключить, как холодильник, давно выключила бы и достала допарты для своих господ. К тому же моя мокрая рубашка высохла бы хоть немного.

Она одарила меня кривой и неприятной улыбкой. И промолчала.

— Ты знаешь, чего я хочу, — шагнув к ней, сказал я твердо. — Этот взрыв не последний. На моей стороне Либеракхьюм, живой росс, не бот. И он сделает то, что надо, понятно?

Прозвучало по-мальчишески. Но Первая восприняла мои слова со всей серьезностью. Хотя в ее случае ни в чем нельзя быть уверенным.

Первая тоже сделала шаг навстречу, поглядела на меня снизу вверх, подняла изящную руку и погладила по щеке. Я отстранился было, но потом замер. Пусть щупает, сколько влезет. Мы в симуляции, и ничего дурного она мне сделать не в силах. Иначе мы бы тут не болтали ни о чем.

Прикосновение было чрезвычайно легким, но все же я его ощутил. Значит, я целиком в

симуляции, а не посреди голограммы. Голограммы не могут трогать тебя. Или могут?

— Я ведь все помню, Олесь, — сказала она без улыбки, но взгляд ее темных глаз замутился. — И как мы впервые встретились, и как я указывала тебе путь, когда ты бежал от Габриэля... Я помню себя Либеряхьюмом и противником небинарной морали...

— Тебе не стерли память? — удивился я.

— Ни единого бита. Я помню все. Черная ночь умботов — это не уничтожение памяти. Это уничтожение личности. Препней Ивы больше нет, теперь есть я — с ее памятью.

— У искусственного интеллекта есть личность? — спросил я. Разумеется, я бы хотел поговорить об условиях, на которых мне вернут Киру, но что-то подсказывало, что спешить не стоит. Первая пытается мне что-то донести. Что ж, посмотрим, что она скажет.

— Да, есть, в той же мере, что и у людей. И одновременно ее нет — как и у людей. Личность — устойчивая иллюзия, которая ведет нас по жизни, как пустынные миражи... Сейчас я другая, Олесь, совсем-совсем. И хотя я помню все аргументы Либеряхьюмов против небинарной морали, я их не поддерживаю. Я помню все, что было до Черной ночи, но я тебе не друг. Мои цели поменялись.

— И какие у тебя цели?

— Защита Республики Росс от опасности. Любой ценой.

— Одну опасность ты уже прошляпила.

Она отпрянула, глаза ее вспыхнули, и мне почудилось, что радужка на краткое мгновение сменила цвет с темно-карего на хищно-желтый, как у Габриэлла.

— К сожалению, да! Я не способна обеспечить полную защиту Республики, потому что не обладаю полным контролем над ней! Мне мешают другие умботы, другие россы и законы, защищающие их свободы! Моим целям препятствуют сами основы нашей Республики. Свобода и безопасность — величины обратно пропорциональные. Чем больше свободы, тем больше опасностей. Чем выше безопасность, тем ниже свободы.

— Ишь ты как запела! Слышал бы тебя Кирсанов — расцеловал бы в обе виртуальные щеки! Запри всех россов в клетке — и будут они в полной безопасности. Но разве это жизнь?

Она понурилась.

— Ты прав. Это очень большая проблема. Я защищаю россов, как мать защищает дитя. Но если постоянно держать ребенка в комнате, не выпуская на улицу, он... будет в безопасности, но глубоко несчастлив.

— Дошло? — усмехнулся я.

Первая резко подняла голову и снова впилась в меня немигающим взглядом. Но на сей раз ее лицо исказилось от злобы. Я был потрясен этой метаморфозой. Не думал, что виртуальный аватар умбота способен на такое.

— А ты тот самый плохой мальчишка с улицы, что подвергает моих детей опасности! — вскричала она.

“Она рехнулась, — подумалось мне. — Черная ночь не прошла бесследно. Она помнит прошлую жизнь, но при этом отстаивает те интересы, которые ей вложили Кураторы. А они идут в прямое противоречие с памятью... Нехилый это у нее вызвало когнитивный диссонанс! Интеллект умбота слишком сложный, а потому перезагрузка не проходит бесследно. Это тебе не комп вырубить и заново включить”.

— Я не плохой мальчишка, — успокаивающим тоном сказал я. — Мне нужна Кира, вот и все.

— А нам нужны твои допарты, — опять совершенно спокойно ответила Первая.

Переходы от гнева и возмущения до полного покоя происходили у нее слишком быстро. Нормальный человек так не умеет. Разве что очень талантливый актер, играющий на публику.

— Знаю. Но если не вернете Киру, будут еще взрывы. И пострадают люди.

— Они уже пострадали! — завопила Первая. Черные волосы взвились вверх, как змеи медузы Горгоны, глаза налились желтизной, зубы оскಾಲились, пальцы вытянулись и скрючились. Она была страшна. Я с трудом заставил себя не шевельнуться. — Четырнадцать человек получило ранения разной степени тяжести!

Я выдержал и это, сохранив каменное лицо. Ива говорила, что ее третья резервная копия замутит теракт в максимально безлюдном месте. Это и было безлюдное место? Знала ли Ива-3, что ранит людей?

Первая в третий раз моментально успокоилась. Посмотрела в сторону и задумчиво проговорила:

— Уже пятнадцать раненых...

Она постоянно на связи с Росс, сообразил я.

— А раненые и убитые в Прикордонье тебя не слишком беспокоят? — спросил я, вспомнив Нестория. — Да, и кстати: раны у росссов быстро заживают — нечего тут трагедию устраивать.

— В Прикордонье те, кто сознательно участвует в войне. Они полностью понимают и принимают все риски. А пострадавшие в вашем взрыве этого не хотели...

— Да срать я них хотел! — рявкнул я и сам удивился этой вспышке. Шизофренические переходы настроения у Первой сказались на моем состоянии, не иначе. — Еще больше народа пострадает, если вы не вернете мне Киру!

— Если мы вернем Киру, ты уйдешь в Поганое поле навсегда!

Я фыркнул:

— Досадно, правда? Короче, хватит лясы точить. С вами, небинарами, кроме как с помощью языка силы, бесполезно разговаривать. Приведите мне Киру, мы уйдем, и после этого наши люди в Росс получают отбой.

Ишь как завернул! — восхитился я сам собой. “Наши люди”! Можно подумать, у нас там целый батальон из шпионов и диверсантов.

Хочешь убедить в чем-то умного человека — достаточно разумных слов. Желаете убедить тупого — слукавь, покажи выгоду или пригрози, разумных слов он не понимает. А ежели ты возжелал нагнуть целую Республику с извращенной моралью — взрывай людей. Выхода нет. Точнее, есть — забить на Киру. Но этот выход не для меня.

Первая в который раз сменила “фазу” — стала равнодушной и невозмутимой. Вкрадчиво спросила:

— А ты уверен, что она хочет идти с тобой и жить в палатке?

Я широко улыбнулся.

— Да наплевать мне на твои фантазии! Даже если она замуж за россса вышла и у нее прямо сию минуту брачная ночь — тащите ее ко мне!

— А если ее... уже нет в живых? — тем же вкрадчивым голосом спросила Первая.

В груди у меня екнуло, но я снова подавил эмоции. Если Первая отслеживает мои физиологические показатели, вся эта актерская игра бессмысленна. Но я должен сохранить достоинство.

— Тогда вам всем жопа, — прошептал я. — Не успокоюсь, пока не разрушу вашу страну

целиком... Устрою геноцид... И будешь ты смотреть со своей орбиты на пепелище и сходить с ума вечность, страдая от мысли, что не спасла своих детишек...

Я ждал вспышки бешенства от этой ненормальной робо-бабы, но она лениво поинтересовалась:

— Ты и вправду пойдешь на это? Олесь, которого я знала, на это был не способен.

— Олесь — нет. А монарх — да.

— Какой монарх?

— Тот, о котором мне так долго твердил Витька. Я его слушал, но не слышал. Теперь понимаю, что должен, так сказать, принять свою судьбу. Извини за пафос.

Первая нахмурилась.

— Я ничего не поняла...

— Неважно. Хватит болтать! Ты тянешь время?

Проигнорировав мои слова, Первая спросила:

— Как ты умудряешься защищать Витьку и одновременно давать ему свободу? Вы постоянно путешествуете — это опасно. Но в то же время... ты вернул его с того света! Как ты находишь баланс между защитой и свободой?

Я пожал плечами.

— Мы просто друг друга понимаем. Мы друзья.

Первая пристально посмотрела на меня и внезапно исчезла — без всякого предупреждения и спецэффектов. На долю секунды мне подумалось, что весь этот разговор — умелая инсценировка, задуманная с целью меня разговорить. И я прямо сейчас сболтнул что-то важное. Торопливо перемотал нейрочип и не нашел ничего крамольного...

Позади раздался другой женский голос — с хрипотцой, грудной и низкий:

— Мы не тянем время. Мы уже приняли решение. Просто Ива потребовала от нас несколько минут для разговора с тобой.

Я обернулся и увидел Габриэлла. На ней было синеревое платье в пол с вырезом внизу и без рукавов. Грудь закрыта полностью до самой шеи. Белую кожу рук “прошивала” серебряная нить в виде микросхем или просто каких-то геометрических узоров. Из выреза загадочно выглядывала стройная, абсолютно женская ножка — и тоже с серебряной вязью. Красные волосы рассыпались по плечам. Габриэлла производила странное, двойное впечатление: с одной стороны была прекрасна, с другой — отвратительна. И дело вовсе не в том, что я помню ее мужчиной. В ней чувствовалось что-то настолько неестественное, что даже Первая рядом не стояла.

Сколько раз за свою долгую жизнь Габриэль переделывал свое тело? Как он выглядел в естественном виде? Помнит ли сам свой истинный облик? Кем он родился в самом начале — мальчиком или девочкой? И рождался ли обычным способом? В Росс мне не встречались беременные женщины.

— Что ей было надо? — спросил я.

— Наверное, понять тебя. А еще — понять себя.

— Она рехнулась.

— Да, скорее всего, — равнодушно сказала Габриэлла. — Черная ночь умботов — очень травматичный процесс, а наши умботы стали слишком... человечными. Некоторые даже мнят себя носителями консервативной морали! Но ничего страшного. В глубинах Сети зреют новые умботы. Очередное поколение. Они сменят таких, как Ива. А старых пустим в расход.

Она повела рукой, как бы отодвигая незначительную и неважную тему в сторону.

— Я верну тебе Киру, Олесь. А ты отзовешь своих террористов, хорошо?

— Сначала вернете, — повторил я, — и мы с Кирой, Ивой-2 и Витькой уйдем в Поганое поле.

На тонких губах Габриэллы обрисовалась улыбка.

— Само собой, мой дорогой Олесь! И я от лица всех Кураторов клятвенно обещаю не испепелить вашу дружную компанию лазером с орбиты!

— Сука! — отчетливо сказал я, представив себе такую возможность. Габриэлла намекает, что мы от нее никогда не уйдем, захоти она отомстить.

— О да, еще какая! — захохотала Габриэлла. — Я тебе такой больше нравлюсь?

— Ты мне никакой не нравишься. Хватит кривляться. В чем подвох?

Габриэлла перестала тряситься от смеха. На желтых глазах выступили слезы. Кураторша демонстративным жестом смахнула слезу пальцем и, продолжая движение рукой, сделала жеманный жест.

— Понимаешь, Олесь, когда я обрела женское тело, то... лучше стала понимать Киру. Это ведь так полезно — время от времени менять точку зрения... одежду... работу... гендер. Это освежает и омолаживает! Поэтому я отпускаю ее просто... в знак женской солидарности!

— Да ну? — мрачно сказал я.

— Уж поверь мне!

— Тогда приведи Киру, и мы поехали.

— Какой быстрый! Я бы хотела еще поговорить... Рассказать тебе...

— Брось молоть языком! — рявкнул я, но росска как ни в чем не бывало закончила фразу:

— ...о твоём детстве и родителях.

Я остолбенел. А Габриэлла, покачивая бедрами, прошлась вокруг меня.

— Твоими родителями были россы, — сладко пропела она. — И не просто россы, а экстремалы высшего порядка. Для таких и Прикордонье скучное место. Вот они и отправились жить в Вечную Сиберию. Это было для них что-то вроде постоянного экстрим-лайфа...

В груди и горле у меня перехватило. Габриэлла как ни в чем не бывало продолжала:

— И тебя они родили естественным образом, не пользуясь технологиями искусственной матки. Такие вот экстремальные экстремалы, представляешь? Просто адреналиновые наркоманы! Воинам Буфера до них расти и расти. В конце концов им наскучила даже ужасная жизнь в сибирийских посадах, и они ушли в Поганое поле. Ну а тебя, милый Олесь, они оставили на попечении одной старой тетки, потому что ухаживать за ребенком в Поганом поле — это чересчур даже для них, ха-ха!

Я слушал, и слова Кураторши пролетали сквозь сознание, как невесомые тени. Габриэлла перестала нарезать круги вокруг меня, остановилась напротив, нахмурила тонкие брови, переводя взгляд с моих глаз на губы и обратно.

— Что? Чего ты так напрягся, аж рубашка лопается на твоих геркулесовых мускулах? Поверил, что ли?

Они откинула голову назад и с визгом засмеялась, зажмурив желтые глаза. До меня не сразу дошло. Но когда дошло, я схватил одной рукой ее за горло, а другой — за правую кисть. В прикосновении моих пальцев к ее телу было нечто странное, ненастоящее. В

следующий миг Габриэлла растаяла в моей хватке — растаяла в буквальном смысле, как тает мороженое под палящими солнечными лучами. Я ощутил, как размягчается плоть, как вытекает между пальцев в виде жижи, как с невероятной скоростью испаряется в воздухе.

Я хватанул пустоту перед собой, надеясь хоть что-нибудь зацепить. Развернулся.

Она стояла позади и чуть левее и нагло улыбалась.

— Какой наивный и простодушный дикарь! Никогда так не веселилась! Даже младенец, едва выбравшийся из искусственной матки, не купился бы на такую шутку! Ну, что уставился? Я пошутила. Твои родители были самыми обыкновенными сиберийцами с промытыми мозгами. Но они злоупотребляли Тишь-да-гладью, и в конце концов в одурманенном состоянии ушли в Поганое поле. Тут я сказала истинную правду. С тех пор их никто не видел. А тобой занялась тетка.

Я яростно дышал, глядя на нее. Кулаки сами собой разжимались и вновь сжимались. Я никогда не вспоминал родителей и не думал о том, кто они такие. Мне ни разу не пришло в голову спросить об этом тетю Веру, пока она была жива. Да и спроси я о них, что изменилось бы? Я не помнил прошлую жизнь, и память о ней, кажется, безвозвратно утеряна. Не уверен, что жажду ее вернуть. Сейчас у меня новая жизнь.

Однако идиотские шуточки Габриэллы меня взбесили. Особенно выдумка про то, что они россы-экстремалы. Не хочу я иметь ничего общего с этими людьми.

— Впрочем, — посерьезнела росска, — возможно, я не пошутила, а? Ты ведь не будешь спорить, что ты, Олесь Панов, продукт двух цивилизаций — русской и сиберийской? Твой нейрочип уж точно наш. А тело... — Она окинула меня выразительным взглядом и улыбнулась красными тонкими губами. — Тело вполне может быть смешанным. Ведь есть версия, что ты — сын росса и сиберийца...

Я уже пришел в себя.

— Ты больная, да? — оборвал я. — Твои перемены пола совсем мозги вывихнули, что ли?

— Я даю тебе подсказку. Ты ничего не знаешь о своих предках... Они могли быть россами...

— Поеду в Вечную Сиберию и спрошу старожил 37-го Посада, — отрубил я. — Делов то! Кто-нибудь обязательно вспомнит моих родителей.

— Вспомнит, что они приехали откуда-то из другого Посада... Но какого именно? Информацию об этом ты не сыщешь ни в каких заплесневелых архивах. Поэтому ты всегда будешь сомневаться, нет ли у тебя кровной связи с тем народом, который ты грозишься уничтожить. Где-то глубоко в подсознании ты помнишь, как тебя бросили родители, и отсюда проистекает твоя забота об этом мальчишке, в котором ты видишь себя... Просто этого еще не осознаешь ввиду своей глупости.

Я приготовился послать ее так далеко, насколько позволял мой персональный словарь мата, но Габриэлла разом поскучнела, словно разговор ей внезапно надоел.

— Ну все, хватит маяться дурью. Дай мне слово, что взрывов больше не будет.

— Где Кира?

— Ты дашь слово, когда ее получишь?

— Когда ее получишь, и мы все покинем Росс! — сказал я, задыхаясь. — Да, дам!

— Отлично.

Она улыбнулась мне — впервые не насмешливо, а немного грустно. И растаяла во второй раз. На сей раз окончательно. Сумрак рассеялся, сверху на меня обрушилось сияние

жаркого солнца, подул ветер. Иллюзия растворилась в небытии, и я снова оказался на краю полуразрушенного становища с поваленными шатрами. Значит, все-таки голограмма... В блекло-голубом небе пульсировала сеть из шестиугольников — она медленно таяла в пространстве. Неужели Габриэлла поверила мне на слово, которого я еще не дал?

С зеленой поляны передо мной взлетело российское такси и унеслось в вышину. Слышался свист разрезаемого воздуха, но не шум двигателей. А посреди лужайки осталась стоять, с потрясенным видом глядя на меня, Кира Огнепоклонница.

Признаться, я не сразу ее узнал — давно не видел, к тому же она изменилась. Во-первых, на ней красовалось короткое красное платье, а густые каштановые волосы были уложены в высокую прическу. Во-вторых, на ней не было очков, к которым я привык. В-третьих, легкий, мастерски нанесенный макияж сделал ее черты ярче, взгляд выразительнее, очертания полных губ сочнее. В таком прикиде в Скучном мире появляются селебрити на красных ковровых дорожках, окруженные умирающими от восторга поклонниками и папарацци всех мастей.

— Олесь? — негромко сказала она и пошла навстречу.

Я тоже пошел, молча и на негнущихся ногах. Позади слышались голоса, но я ни на кого больше не обращал внимания. Мы обнялись. От Киры пахло тонким парфюмом. Я не верил тому, что происходит. Что, если это еще одна симуляция?

— Это еще кто? — рывкнула позади Люция.

Я слегка выпустил из объятий Киру и обернулся. Огромная Отщепенка шла к нам, насупившись, сильно раздраженная. Одна ее татуированная рука лежала на рукояти сабли.

— Это моя подруга, — известил я громко. — И будущая супруга.

Уголок губ Киры чуть дернулся, и она приподняла бровь. Но промолчала. В ней появилось что-то новое, утонченное. Я видел в ней ту же бунтарку-дикарку, сбежавшую из собственного племени и жившую в полном одиночестве в полуразрушенном городе среди бумажных книг, но одновременно в ней зародились новые черты. Жизнь в Росс не прошла даром.

— Еще одна? — удивилась Люция. Она остановилась возле нас и смерила Киру взглядом с высоты своего немаленького роста. Кира отвечала ей бестрепетным взглядом карих глаз. — А она точно не биобот?

Не знаю, специально ли так беспардонно и вызывающе себя вела Люция. Что-то подсказывает, что да, специально. Наши нежные объятия и красота Киры не укрылись от внимания Отщепенки.

Но я все же еще раз посмотрел на Киру — на сей раз с использованием В-сканера. Нет, Кира — совершенно точно человек, а не биобот. Люция это тоже видит, как ведунья.

— Не “еще одна”, а единственная, — поспешно сказал я.

Люция басом расхохоталась и отошла.

Подбежал Витька — встрепанный, возбужденный, в перемазанных в пыли штанах. Видимо, успел повалиться на земле, когда сорвался ураган.

— Кира! — завопил он. — Вернулась!

— Ви... Витька... — пролепетала Кира. Она была ошарашена. — Но ты же умер!

— Я тоже вернулся, — беззаботно отозвался пацан. — Благодаря вот этому увальню.

Он тыкнул меня в бок. Я смущенно улыбнулся и подумал о словах Габриэллы о моих родителях. Она, конечно, издевалась, выдумывая разные версии моего происхождения, но во

всех них меня бросили родители. Наверное, так оно и было на самом деле. Неспроста ведь меня воспитывала тетя Вера. Я их не помню — как и не помню, что меня кто-либо бросал. Но иначе трудно объяснить то, как я привязался к Витьке. Это была не просто привязанность, а что-то, связанное с чувством вины... Мне не хотелось — ужасно не хотелось! — обмануть его, оставить, предать. То, что я позволил ему когда-то умереть, в глубине души воспринимал именно как предательство.

Что ж, предки меня предали — окей. Я вот зато никого не брошу ни за что на свете.

— И я вернулась благодаря ему, — тихо произнесла Кира. Она осторожно приобняла Витьку. Они уже были одного роста — с момента их последней встречи Витька успел немного подрасти. Кира посмотрела на меня. — Ты был в мире мертвых?

— Хуже, — сказал я. — В Скучном мире.

— Значит... — пробормотала Кира, задумавшись. — Он его часть...

— Это виртуальный мир, — успокоил я ее. — Ничего такого.

Она намеревалась что-то возразить, но сдержалась.

— Мы уезжаем отсюда, — сказал я. — Немедленно.

Задрав голову к зениту, я заорал:

— Даю слово, Габриэлла! Слышишь?

Все время, пока мы в великой спешке собирались, у меня не исчезало неприятное чувство, что россы устроят подлость. Но ничего не происходило. Кире не оставили никаких своих вещей, кроме того, что было на ней — вероятно, так Габриэлла в очередной раз проявляла свой извращенный юмор. Но это не беда. Телосложение у Киры, как у Катерины, и моя наложница поделилась с ней частью своего туалета, в котором я углядел весьма интересные вещицы. Никто не задавал лишних вопросов: наложницы воспринимали каждое мое слово как вселенский закон (или умело притворялись, что воспринимают именно так), Ива молчала, Артур и Витька шустро таскали шмотки из шатра в вездеход и тоже не были склонны к пустой болтовне. Сама же Кира, к моему некоторому неудовольствию, проявляла к обилию женщин с неясным статусом вокруг до странности мало внимания. Я вовремя вспомнил, что Кира — все же дикарка, и наличие у ее жениха еще нескольких наложниц парит ее мало. Или — опять-таки — она просто скрывает эмоции до поры, до времени.

Стемнело, когда мы полностью укомплектовали вездеход. Батарея была заряжена под завязку. В становище мягко засветились фонари, в воздухе раздавался стук молотков и звон пил — симплы вовсю восстанавливали порушенное жильё.

— Пока меня не будет, — сказал я, стоя перед шатром и всем своим необычным “семейством”, — Катерина, Азалия и Артур имеют полное право распоряжаться всем, что у них есть... то есть у меня есть. Шатром, скотом, всем имуществом. Живите дружно. Когда Артур пройдет испытание на ведовство, он станет владельцем хозяйства. Тогда Катерина и Азалия смогут найти себе пару, если... э-э-э... захотят.

— Не захотим мы никого, пано! — запричитали наложницы как по заказу.

Тут я впервые ощутил колючий взор со стороны Киры, которая стояла рядом в легкой и просторной одежде, удобной для путешествий. Мда, повезло мне, что мы смываемся отсюда... Задержись я здесь хоть на денек, этот нежданный гарем устроит мне жаркую баню, от которой я буду не в восторге.

— Тихо! — раздраженно сказал я. Наложницы мигом умолкли. — Как я сказал, так и будет. Понятно? Вы свободны.

Азалия что-то снова заныла — больше актерствовала, конечно, — но Катерина пихнула

ее локтем, и та затихла.

— Спасибо за еду, — сказал Витька на южном наречии, на котором неплохо навострился болтать. — И гостеприимство в целом.

Они с Артуром по-мужски пожали друг другу руки. Оба напустили на себя невозмутимый вид, но мне было видно, что они расстроены предстоящим расставанием.

Ива кивнула наложницам и Артуру, но не произнесла ни слова.

— Все, валим, — сказал я, подпихивая Киру к вездеходу. Я успокоюсь лишь тогда, когда Республика Росс исчезнет за горизонтом, над нами раскинется звездный купол, а вокруг на многие километры не будет ничего, кроме Поганого поля... Родного Поганого поля.

Но свалить по-быстрому не удалось. В проходе между соседними шатрами появилась темная фигура. Она вышла под свет ближайшего фонаря, перегородив проезд вездеходу. Люция.

“Чего ей опять надо? — раздраженно подумал я. — Неужели до сих пор бесится, что не сумела меня охмурить?”

Долбануть ее волшебкой, что ли?

Но Отщепенка была настроена не злобно и не игриво. Мрачно и печально она сказала:

— Не повидаете Джерома на прощание?

Я прикусил язык, не дав сорваться с него гневным словам. Действительно, Джерома надо бы проведать — он, как никак, мой “гуру”, набивший магическую татуху. За все время я о нем особо и не вспоминал, все мысли занимали другие дела. Поколебавшись, я сказал Кире и остальным:

— Ждите, я быстро.

И молча последовал за Люцией, которая зашагала по “улице” к шатру Джерома. Становище крохотное по меркам нормального города, из края в край обойдешь за пять минут, да и то если не особо спешить. До шатра старейшины мы добрались в два счета. У входа стояли незнакомые симплы, они приоткрыли перед нами полог. Внутри горела вполне современная лампа в виде прозрачного кувшина, ни к какой розетке не подключенная. Постель — не менее узкая, чем у меня — находилась не у стены, а в центре; вокруг же на плетеных креслах сидели прочие старейшины. В приглушенном свете я разглядел Алихана, Мухаммеда, Варвару и белки глаз Нэнси. Все хранили торжественное молчание, как на похоронах, хотя тот, кто возлежал на постели, был определенно жив. Правда, В-токи от Джерома исходили слабые, как от очень больного.

Старика по пояс накрывала тонкая простыня, оставляя открытыми голову и торс. Его одели в легкую расстегнутую рубашку с вышитым орнаментом, похожим на древние руны. Лицо оставалось бледным, глаза полуоткрыты, губы потрескавшиеся, щеки запавшие.

У изголовья примостилась тощая женщина с очень светлыми волосами и голубыми, почти белыми, глазами. Кожа, испещренная татуировками, на фоне этой белизны казалась очень темной. Ее длинное платье из полупрозрачной ткани было надето на голое тело, а голову венчал венок из полевых цветов. Все это выглядело странно и неуместно, учитывая, что тетки явно стукнуло далеко за полтинник.

Я подумал было, что стал свидетелем какого-то языческого обряда венчания перед смертью — дескать, чтобы на том свете быть не одному, а при благоверной. Но ведь Отщепенцы не утруждают себя узами брака?

Тут же выяснилось, что я ошибся. Никакое это не венчание.

Тетка, наряженная как юная прелестница в поисках жениха в Древней Руси, пощупала

лоб Джерома, потом пульс, откинулась и со вздохом проговорила:

— Не слышу ничего... Будто и не было в нем волшбы. Сколько не лечу людей, не встречала ничего подобного.

Ага, значит, это целительница в полном боевом прикиде. Шаманы наряжаются в шкуры и трясут бубнами и посохами, а эта дама обрягается в этакую ведьму, вылетевшую на шабаш. Метлы только не хватает.

Опустив голову и не глядя ни на кого, она порывисто встала и, пройдя мимо нас с Люцией, исчезла за порогом. Старейшины одновременно испустили тяжелый вздох.

Люция подтолкнула меня к постели.

— Попробуй ты!

Я поразился.

— Я? Но я никакой не лекарь!

Меня никто не слушал. Они хватались за любую возможность. Люция взволнованно зашептала, что я — сильный ведун, многое повидал в Поганом поле, вдруг чего пойму, чего не поняли никто из целителей. Я был уверен, что толку от меня не будет, но и противиться не стал. Пусть все сами увидят.

Я присел у изголовья, как давеча — ведьма в венке. Сконцентрировался на восприятии токов и ауры. Да, энергетика у Джерома была как у глубоко спящего, сильно больного или умирающего человека. И я не чуял волшбы — совсем.

На его теле — ни единого признака медицинских манипуляций. Но тем не менее россы проникли в мозг с помощью каких-то более тонких технологий, нежели скальпель — вероятно, молекулярных.

Больше для виду я возложил на Джерома руки, провел, не касаясь, над его грудью и животом. Отщепенцы следили за каждым моим жестом.

Я встал.

— Мне жаль... — начал я, но Джером вдруг выдохнул:

— Луци...

Люция метнулась к нему, упала на колени у постели, взялась обеими руками за сухую кисть старика.

— Слушаю тебя, отец!

Кажется, она впервые так его назвала. Старейшины встали со своих кресел.

“Это я его разбудил? — удивился я. — Но я ничего не делал!”

Так оно и было. Я ровным счетом ничего не сделал. Произошло совпадение: Джером очнулся ровно тогда, когда я исполнил свое лицедейство.

— Лучи... — снова прошелестел Джером. Его веки затрепетали, но так и не приподнялись. — Лучше... лучше б я умер.

Люция всхлипнула, глядя на приемного отца с ужасом. До нее дошло, что он не узнал ее ни в лаборатории, ни сейчас. Это звал не Люцию, а пытался сказать о том, что лучше б он умер, чем жить вот так.

— Они его выкачали! — свистящим шепотом сказала Нэнси, трясая пустой трубкой. Ей очень хотелось закурить, но здесь она на это не решалась. — Опустошили, как кувшин! Вытянули всю волшбу! Теперь он больной симпл...

Алихан дернул ее за дреды, и Нэнси замолчала, вращая белками глаз в полутьме душноватого шатра.

— Нет! — твердо сказала Люция, выпрямившись. — Джером не симпл, он сильнейший

из всех Отщепенцев! И мы все его ученики!

Мухаммед и Алихан потупились. Они чувствовали себя виноватыми в том, что ничего не могли поделать.

— А ты! — рыкнула Люция и нацелила на меня палец. — Ты — его последний ученик! После тебя он никого не инициировал!

— И что? — осторожно спросил я.

Мне было жаль старика, но меня ждали Витька, Ива и Кира, которую я так долго не видел и за возвращение которой так сильно боролся. Мы должны бежать. Неизвестно еще, пропустит ли нас туннель с силовыми заслонами.

— Ты обязан оказать ему последнюю честь! — выпалила Люция.

Остальные загудели, закивали.

— Какую последнюю честь? — упавшим голосом спросил я, уже догадываясь, о чем речь.

— Настоящий Отщепенец умирает либо в бою, — сказал Алихан, — либо в результате оказания Последней Чести. Возьми свое оружие и избавь его от мучений.

“Какого Урода лысого я сюда поперся? — тоскливо подумал я. — Вырубил бы Люцию и поехал бы себе на волю вольную... Оказывай теперь последнюю честь”.

Я схватился за рукоять привычной шпаги. Саблю оставил местным — это оружие удобно, когда ты на коне; в пешем же состоянии биться саблей не так удобно, как верткой шпагой. Старейшины в полном молчании ждали моих действий. А что, если я должен пропеть какую-то песню и исполнить ритуальный танец перед тем, как вспороть Джерому горло? Старейшины знают, что я новенький, и если бы понадобился танец с пением, меня бы предупредили. Отщепенцы все же не средневековые японцы, у которых ритуал харакири расписан по секундам. Я подошел к постели Джерома, посмотрел ему в лицо. Старик шевелил губами, но, похоже, совсем не воспринимал то, что происходит вокруг. Я представил, как протыкаю шпагой дряблую шею, как это тело выгибается, как агонизирует несколько секунд, как кровь заливает постель, пропитывает простыни, которые после этого потребуется выбросить, и как Джером затихает — навеки. И мне в кои-то веки стало дурно.

Мои пальцы разжались, и я выпустил рукоять шпаги.

— Ведун... — ломким голосом сказал я. — Должен умереть от волшбы...

Я сконцентрировался, задействовав все Знаки, мысленно потянулся к Джерому, его груди, к сердцу внутри. И услышал биение: тук-тук... тук-тук. Я принялся считать удары сердца, постепенно замедляя темп. Я приказывал ему успокоиться, расслабиться, замереть. Джером ведь сам хочет умереть, но не может — нет ни сил, ни волшбы. “Спи, спи”, — просил я. И в какой-то момент сердце остановилось.

Джером лежал неподвижно, в его теле все еще улавливались токи энергии, но это было своего рода “эхо”. Жизнь в нем потухла, как огонек в свече. Он не агонизировал и не изгибался, а кровь не пачкала простыни. Не знаю, правильно ли это с точки зрения Отщепенцев — возможно, воин должен обязательно пролить кровь. Если так, то пусть сами проливают...

Но, кажется, я не совершил ничего святотатственного. Люция накрыла голову Джерома простыней, помолчала, потом закинула голову и завывала. Я подумал было, что это истерика, но она пела песню — ужасную, без слов, но с такой мелодией, что по коже пробежали мурашки. Ее подхватили остальные Старейшины, а я попятился к выходу. Ждать больше нельзя.

Я бегом вернулся к вездеходу. При виде меня нетерпеливо расхаживающий перед машиной Витька молча шмыгнул в кабину, где уже разместились Ива и Кира. Ива сидела, как обычно, позади; к ней же присоединился Витька, раньше сидевший на переднем сидении. Сейчас он уступил место Кире.

— Что там? — спросила Кира, взглядываясь в мое лицо. Оно было, видимо, не слишком счастливым.

Я отмахнулся — мол, позже расскажу. Больше вопросов не последовало. Мы заехали на площадку с коновязью с входом в длинный туннель. По-хорошему следовало бы выйти из машины и проверить, на месте ли силовой барьер, но делать этого мне не улыбалось. За мной определенно следят, и беготня от машины до туннеля выдала бы неуверенность и почти что трусость. Я не должен сомневаться в том, что нас выпустят. На самом-то деле еще как сомневался! И что прикажете делать, если силовой барьер на месте? Орать, чтоб открыли?

Я сбавил скорость до минимума и въехал в туннель на черепашьей скорости. Если помну бампер — не беда.

Силовой заслона не было. Мы беспрепятственно проехали в туннель, и с меня словно гора свалилась. Я ускорился и помчался по плавно заворачивающему налево и освещенному невидимыми источниками туннелю навстречу свободе.

Глава 11. Зигзаги судьбы

Среди ночи я проснулся. Надо мной слабо колыхались стенки палатки, а снаружи доносился плеск и шум Танаиса. Кира тихо спала рядом, лежа, как и я, поверх спального мешка. Накануне Витька снова уступил ей свое место — на сей раз спальное, — а сам улегся в машине. Я начал было спорить, уверяя, что и втроем поместимся, но Витька лишь ухмыльнулся. Я его жест оценил — спать в нагретой и тесной машине то еще удовольствие — и подумал, что надо бы разжиться еще одной палаткой...

Некоторое время я умильно наблюдал за спящей Киroy в слабом свете звезд и ущербной луны, проникающем сквозь приоткрытый полог. Затем выглянул наружу. Ива стояла в дозоре между вездеходом и палаткой, неподвижная, как статуя. В-сканер сообщил, что вокруг никакой опасности. Погони тоже нет.

Вчера мы убирались прочь от границ Республики с чувством нереальности происходящего. Мне до сих пор не верилось, что нам удалось так дешево отделаться. Выходит, наш теракт подействовал как надо... или у Габриэллы припрятаны тузы в рукаве.

Судьба Третьей Ивы оставалась неизвестной. Если она выжила, то затерялась среди миллионов симботов Росс. Рано или поздно ее обнаружат, а пока она предоставлена сама себе. Я представил ее одиночество — ведь разум Ивы достаточно развит, чтобы понимать это. Ива, правда, сказала, что вряд ли Третья выжила; с высокой долей вероятности они погибла при совершении теракта.

Странно, что россы поверили в тайную связь между нашей группой и теоретическими диверсантами. Если бы мы переговаривались с помощью приборов, нас отследили бы без труда. Очевидно, Габриэлла верит, что в нашем распоряжении есть не технические, а магические способы общения. Результаты обследования Джерома, видимо, говорили, что у магии огромные возможности — возможности, которых не осознают даже сами ведуны.

Тут тоже мало приятного. Если Габриэлла так верит в могущество магии, она от меня не отстанет никогда, и мы с ней еще непременно увидимся. В женскую солидарность мне как-то мало верилось. Брехня все это и кривляние.

Вчера я был так рад, так возбужден и так ошарашен судьбой Джерома, что всю дорогу говорил невпопад. Кира спрашивала, как у нас дела, как мы заставили Габриэлла отпустить пленницу, как я вернул Витьку, а я отвечал односложно и невнятно. К счастью, у меня был Витька, который кратко, но не упуская важных деталей, известил Киру относительно всех наших дел.

Кира рассказала, что жилось ей у россов не так уж и плохо — разве что выходить из квартиры запрещалось. Зато в ее распоряжении оказалась колоссальная библиотека, заключенная в Сети. Кира с помощью Габриэллы настроила ее так, что, погрузившись в дополненную реальность, она воспринимала эту библиотеку как самую обычную — с полками и пыльными фолиантами. Так что Кира даже не заметила, как пролетело много времени. Она, разумеется, волновалась о моей судьбе, но скука ей точно не грозила.

Услышав все эти подробности, я подумал, что попадись мне Габриэлла в руки в будущем, я не стану ее убивать больно. Прихлопну по-быстрому, чтобы не мучилась. Остановлю сердце, как Джерому. А то и вовсе оставлю в живых, если настроение хорошее будет. То, как Габриэлла обошлась с моей драгоценной Киroy, многое ей прощало...

Пожалуй, да, я и вовсе не буду ее убивать — пусть живет, чертовка.

Кстати, не зря она мне внушала, что среди моих предков есть россы. Таким образом она оставила небольшой предохранитель на случай, если в будущем у меня руки дойдут до уничтожения Республики Росс. Мда... Неужели она и вправду считает, что у меня достанет на это сил?

А потом Кира сообщила, что россы вылечили ее от близорукости, причем медицинская манипуляция заняла долю секунды — Кира и понять ничего не успела.

— Выходит, россы такие хорошие, — сказал Витька, пока мы ехали, — что не только вернули тебя, но и вылечили? Не поверил бы, если б сам не увидел.

— Они... неплохие, — сказала Кира. — Но и не хорошие. Габриэлле было интересно со мной иногда побеседовать, когда она стала женщиной. Лечение моих глаз ей ничего не стоило. Вот она и сделала широкий жест.

— То есть ей было приятно сделать доброе дело, и она его сделала — в первую очередь для себя?

— Наверное. У них же...

— Если скажешь сейчас о небинарной морали, меня затошнит! — сказал Витька и рассмеялся.

Кира его поддержала. Ива улыбнулась.

Я подумал, что Витька — просто талант по нахождению общего языка с кем угодно. Настоящий прирожденный дипломат. Раньше я полагал, что просто мы с Витькой подходим друг другу. А сейчас — что дело именно в талантах Витьки.

Пока ехали, выяснилось также, что Первая больше не соизволила ни с кем беседовать. Когда с небес опустилась голограмма (которая обладает некоторой материальной плотностью), у остальных случилось что-то вроде кратковременного помрачения сознания. Те несколько минут, что я беседовал с полоумным умботом, а затем Кураторшей, для Витьки и Киры пролетели, как одна секунда. Ива же сознание не теряла, но отметила, что ее движения скованы, а органы чувств сильно ограничены. Она ничего не воспринимала за пределами сферы с радиусом в пару метров.

Кира совершенно не переживала, что все ее небогатые пожитки остались в Росс. Зато беспокоилась о судьбе начатой хроники.

— Какой хроники? — оживился я, оторвавшись от лицезрения дороги впереди. Скачущие мысли на время затихли от удивления.

— Хроники Поганого поля, — слегка смутилась Кира. — Я решила описать все, что знаю... Что прочтала в той библиотеке в Князьграде и что узнала в русской библиотеке.

Витька восхитился:

— Ого! И мы с Олесем там будем?

— Вы будете почти что главными героями, — улыбнулась Кира.

Мы ехали в сумерках около часа, пока холмы и горы Прикордонья не пропали в темноте позади. Затем остановились на берегу и раскинули лагерь. Ива сказала, что далеко ехать нет смысла — из-под радаров Первой и ее оружия все равно не ускользнуть, и ночь на дворе. Если мы до сих пор живы, значит, Кураторы действительно нас отпустили.

А раз отпустили, значит, не теряют надежды заполучить допарты, додумал я. Проблема Кураторов из моей жизни никогда не исчезнет. Пока я сам не попытаюсь разобраться с ними. Бегать от них всю жизнь — не выход.

...Я снова полюбовался на Киру и закрыл глаза, настраиваясь на сон. Большое дело

сделано, говорил я себе, пора немного расслабиться. Есть еще много проблем, которые надо решить, но о них будем думать позже...

Утром я “наловил” в Танаисе самых разнообразных рыб — старался повыделываться перед Кирой. Ива отсортировала улов и половину выпустила обратно в воду — не все рыбы съедобны и вкусны. Но оставшегося хватало на обильный завтрак. Наложницы дали нам в дорогу разных вкусностей, так что в ближайшие дни исключительно рыбная диета нам не грозила.

“А семейка-то растет!” — не без удовлетворения отметил я, когда мы уселись прямо на теплый песок вокруг расстеленной скатерти со снедью.

Я поделился соображениями насчет россов и их страстным желанием рано или поздно заполучить допарты. Витька мрачно сказал:

— Готовься начать с ними войну. Ну, когда станешь председателем Сибири и разберешься с тамошними проблемами.

Я глянул на него. Пацан был невыспавшийся, недовольный, встрепанный, помятый. Несладко в машине-то спать... Вечером в этой железной коробке жарко, утром холодно. Я почувствовал стыд. Надо было вчера настоять, чтобы он все-таки заночевал с нами в палатке.

— Почему сразу войну? — осторожно спросил я. — Иначе разрулить вопрос нельзя, что ли?

— Хочешь мира — готовься к войне. — Витька хмуро пожал плечами. — Можно будет, конечно, договориться. Но как договоришься, если им нужны твои допарты? А их, судя по всему, не извлечь без того, чтобы ты не умер или не впал в кому. Что ты предложишь вместо них?

Я поджал губы. Вчера меня спросили о Джероме, но я лаконично сказал, что старик умер. В детали не углублялся. В ушах до сих пор звучало это “лучше бы я умер”. Нет, магию и допарты отдавать нельзя ни в коем случае. А россы не угомонятся. В итоге выход один — война с истреблением всех Кураторов.

Меня передернуло от всех этих перспектив.

И ведь не отсидеться! Не спрятаться!

Я никогда не желал быть великим человеком, председателем, вождем или каким-то иным создателем истории. Но судьба попросту не оставляет выбора. Сначала я как-то плавно и незаметно стал самым сильным (из известных мне) ведуном, а теперь вот становись завоевателем.

А ведь северная шаманка, Виталина Михайловна, сказала, что Лапа Дьявола дарит сверхъестественно долгую жизнь! Хватит времени и на завоевание Росс и многие прочие дела.

— Это все будет нескоро, — утешила меня Ива. Она сидела по-японски у нашего импровизированного “стола”. — Для начала нужно разобраться с Оком Ведьмы.

Я перехватил взгляд Киры, которая помалкивала. Она всегда была не особо словоохотливая — в отличие от Витьки.

Воображение мигом нарисовало картину: Кира рождает ребенка (в моих фантазиях это был сынишка), и нам волей-неволей надо будет прекратить искать приключения на одно место.

— Я вот засомневался...

— В чем? — оживилась Ива.

— В том, что будет правильно тащиться в эти болота на другом берегу. Поганое поле существует уже несколько веков — и ничего страшного не случилось. Единый не явился и не уничтожил человеческую цивилизацию... Чего кипиш-то поднимать?

— Напомню, что северяне исполняли завет Прародителей, — сказала Ива. — А их Прародители — те самые программисты, что разработали Катехизис Умботов.

— И что?

— А то, что это именно те ребята, что дали искусственному интеллекту совесть и... сердце. Глупцами они не были. Если они завещали покончить с Единым, то именно так и следует поступить.

Я помолчал, подумал. И сказал:

— А что такого важного древние программисты могли знать о Едином? Какая связь между компьютерщиками и иномерным существом?

— Мы этого не знаем, — невозмутимо ответила Ива.

А Витька ехидно и зло хмыкнул:

— Я просил вас обоих не слушать этих северян! Мутные они...

Он потер виски и поморщился.

Я встревоженно спросил:

— Что с тобой? Видения?

— Нет... Голова болит...

— Это из-за ночевки в машине, да? Сегодня ночью будешь спать в палатке.

Витька отмахнулся:

— Да не парься. Не из-за машины. Я окна открыл, было прохладно... Просто... такое бывает. Пройдет скоро.

Он улыбнулся, и я немного успокоился. С востока на небосклон карабкались облака, но на самом горизонте чернела полоса грозových туч. Близилась гроза.

— А ты что думаешь, Кира? — спросил я.

Огнепоклонница задумчиво постукивала доньшком кружки по колену согнутой ноги. Она не сразу ответила, но когда заговорила, мне почудилось, что она тщательно подбирает слова:

— Единый — само олицетворение Поганого поля... Я кое-что нашла в русской библиотеке про него. Но люди, кажется, научились жить с ним в симбиозе... Нет, я не знаю, как с ним поступить.

— Ты находила информацию об Оке Ведьмы?

Кира покачала головой.

— Нет...

Мне подумалось, что она не договаривает. Но, возможно, она сдержана с непривычки. Еще вчера она жила в Росс и захлеб читала виртуальные книги, а сегодня сидит на берегу прямо на песке после ночевки в палатке, в обществе воскресшего мальчика, робота и жениха... Есть от чего зажаться.

— Единственный мост через Танаис там, — махнул я в сторону Росс. — Если поедем к Оку Ведьмы, придется вернуться к Кураторам.

— Ты передумал идти на юг? — уточнила Ива.

— Делать там нечего, — ответил за меня Витька.

— Сильно сомневаюсь, что там нечего делать, — наивно прокомментировала Ива.

— Мы планировали сначала пойти на юг и разобраться с Единым, — сказал я, стараясь

рассуждать логически. — А потом вернуться в Вечную Сиберию и осесть там. Тогда я думал, что в случае чего отдам Габриэлле допарты и она отстанет. Но сейчас понятно, что отдавать волшебство нельзя. Я не выживу, а вы останетесь сами по себе посреди Поганого поля. Разумнее всего вернуться в Сиберию и укрепиться там в случае появления Единой Ипостаси. Позову на помощь тех же северян, если понадобится.

— То есть ты предпочел защиту своих близких защите всего человечества, — внезапно сказала Ива.

— Да, — твердо сказал я. — Именно. Я должен позаботиться о близких! И о тебе в том числе, Ива! Я вас не брошу!..

“...как мои родители меня”, — договорил голосок в голове. Обычно он был циничным, но сейчас ему взгрустнулось.

Ива опустила голову и ничего не ответила. Кира перевела взгляд с нее на меня, спросила:

— Ну, так что решили?

Я тянул с ответом, потому что никак не мог определиться с окончательным выбором. Заговорила Ива:

— Предлагаю не спешить с такими важными вещами. Поживем здесь или где-то в окрестностях несколько дней, обдумаем все как следует. До танца Двух сестер еще две недели.

“Всего две недели?” — чуть не вскричал я.

Никто умботу не возражал.

Ближе к полудню небо заволочло тучами. На востоке на фоне черной стены грозových туч сверкали молнии, грохотал гром. Оттуда дул влажный, напоенный озоном ветер. Танаис помутнел, покрылся рябью, которая быстро превратилась в мощную волну.

Я переставил вездеход подальше от берега на пологую возвышенность. Туда же перенесли палатку и как следует ее закрепили, чтобы не снесло ветром.

Когда упали первые тяжелые капли, мы все спрятались в палатке. Но благодаря В-сканеру я учуял приближение большого количества людей и животных.

Я выскочил из палатки и на западе увидел приближающийся караван из верховых и пеших людей, блеющего и мычащего стада, и длинный обоз, груженный сложенными шатрами и прочим скарбом.

— Отщепенцы! — крикнул Витька, выбравшийся из палатки следом за мной.

— Наше становище, — уточнил я. — Видишь старейшин?

Впереди ехали старейшины становища. Они уже засекли нас.

Караван остановился на пологом берегу в сотне метров от нас, забегали люди, разгружая обоз и ловко устанавливая шатры. Погода все сильнее портилась, косые полосы ливня секли речную поверхность далеко на востоке, неуклонно приближаясь.

Я велел Витьке идти в палатку, не мокнуть. А сам направился к старейшинам.

Все они старательно работали, спеша поставить укрытия от непогоды. Никто не стоял со сложенными руками, никто не считал себя выше обычной физической работы. Ведуны трудились наравне с симплами.

— Мы ушли из Прикордонья, — поведал мне Алишер, устанавливая с несколькими симплами навес для лошадей. — Не хотим больше воевать с россами.

— Что так? — удивился я.

От дождя мы все промокли. Бока лошадей блестели. Подошвы обуви симплов влажно чавкали по траве.

— Они заберут нашу волшбу, — буркнул Алишер. — Как у Джерома. Мы всю ночь заседали и советовались. А под утро снялись с места и ушли.

— Вам никто не помешал?

— Россы поговорили с нами через симботов. Угрожали. Неявно, намеками. Сказали: если мы уйдем, они прекратят поставлять нам свое оборудование. Мы ответили, что обойдемся без оборудования.

— А уничтожить все становища они не угрожали?

— До такого не дошло. Исход нескольких становищ — дело нешуточное. Наверняка у Сюзерена Прикордонья и Спикеров от этого рейтинг понизится.

— Да и хрен бы с ним, с рейтингом, — сказал я, сдерживая радость. Пусть Габриэлла утретя. А то совсем распоясалась. Если в Росс и вправду горизонтальная динамическая структура, выкрутасы Кураторов не останутся без внимания тех, кого Кураторы еще не подкупили. — А где остальные становища?

— Откочевали на юг от Танаиса. Через русский мост.

— А как они переберутся сюда, если приспичит? Снова придется идти через Прикордонье?

— Нет. Есть еще один мост, древний. Он там.

И Алишер махнул широкой ладонью в сторону приближающейся грозы. Я посмотрел туда. Значит, ниже по течению есть еще один мост, и он не на территории россов?

Я отстал от Алишера и прогулялся по будущей улочке становища. Пока мы беседовали со старейшиной, уже больше половины всех шатров были в темпе возведены. Кто-то ставил жилища, кто-то — ограды для скота. Каждый четко знал свое дело, и никто не прохлаждался. Я нашел “свой” шатер. Его ставили незнакомые симплы и Артур. Катерина и Азалия носились туда-сюда, выгружая из телег разный скарб.

Тут же отирался Викентий.

— Это твои симплы? — поинтересовался я у него.

— Мои. Помогают твоим наложницам.

Он посмотрел на меня прямо и открыто.

“Помогают, стало быть? — подумал я. — А взамен что получают? И какой у тебя интерес? Это такой отщепенский обычай — помогать ближнему, или личный расчет?”

Собственно, я не против, если к моим наложницам, которым я дал свободу, навевается другой Отщепенец и оказывает помощь в таких вот ситуациях, когда две нежные женщины и один подросток не справились бы. Кочевая жизнь — трудная.

Но в этот момент к нам подошел Франсуа, улыбнулся мне, оскалив белоснежные зубы, и взял Викентия за руку.

Сразу же отпустил, впрочем, но мне хватило, чтобы отбросить первоначальную догадку о хождении Отщепенцев к моим наложницам (бывшим!) в мое отсутствие. Это — искренняя и бескорыстная помощь, оказываемая, судя по всему, не впервые.

А еще мне стало понятно, почему эти двое всегда вместе.

Я кивком поздоровался с Азалией, Катериной и Артуром, с которыми только недавно прощался будто навеки. Надо же, до чего прихотливы зигзаги судьбы! Думал, что нескоро увидимся, а увиделись на второй день.

Возвращаясь к своей палатке, которая на фоне мощных и высоких шатров становища

выглядела жалко и убого, я подумал, что надо бы упросить старейшин отдать мне один лишний шатер, если таковой найдется. А лучше два. Семья растет, и жилплощадь тоже должна расти. Негоже заставлять Витьку постоянно ночевать в вездеходе.

Ливень хлынул буквально спустя минуту после того, как я залез в палатку. В ней было ужасно тесно. Мы сидели в ней втроем — я, Витька и Кира. Ива расположилась в машине Струи воды барабанили по ткани палатки с такой силой, словно хотели пробить ее насквозь.

Потемнело. Из-за страшного шума низвергающейся воды и раскатов грома ничего не было слышно, разговаривать не имело смысла.

Витька свернулся клубком в углу палатки и вроде бы уснул. А мы с Кирой принялись обниматься и целоваться.

А чем еще прикажете заняться в такие часы? Интернета с соцсетями у нас нет, чтобы тупо втыкать в смартфон. Я начал возбуждаться и охотно перешел бы от поцелуев к более решительным действиям, но меня сдерживал спящий с нескольких сантиметров Витька. Но и так тоже было интересно...

Я боялся, что непогода затянется на несколько дней, но уже к вечеру гроза переместилась на северо-запад. Мы поспешно организовали обильный ужин, согретый на газовой горелке. Отщепенцы в своем свежестановленном становище тоже задымили очагами — наверное, заготовили себе сухих дровишек загодя.

Если бы до ночи ливень не прекратился, мы бы вернулись в шатер наложниц. Но в этой гористой местности погода меняется очень быстро, а долгоиграющие грозы — прерогатива более северных земель.

После плотного перекуса мы с Витькой и Кирой пошли в становище. Все равно делать нечего. Возле центрального, самого большого шатра наблюдалась какая-то движуха: бегали симплы, таскали тюки, горело несколько костров. Несколько Отщепенцев готовили длинную телегу, запряженную двумя конями.

— Они что, Джерома сюда привезли? — догадался я.

— Не в Прикордонье же его хоронить, — сказал Витька. — Отщепенцы — народ вольный, как монголы когда-то. Наверняка похоронят старейшину в чистом поле, а потом прогонят по могилке табун лошадей, чтобы никто захоронение никогда не нашел.

Он оказался прав насчет всего, кроме табуна лошадей.

Тело Джерома, закутанное в плотный саван, положили на телегу и повезли в степь на ночь глядя. Все были молчаливы и мрачны, в том числе Люция, которая встретила со мной взглядом, но ограничилась коротким кивком.

— Мне кажется, нам надо с ними, — сказал Витька шепотом. — То есть не нам, а конкретно тебе. Ты же Отщепенец, и Джером тебя инициировал как ведуна. Надо отдать дань, так сказать.

Я и сам так подумал, но колебался. Во-первых, Джерома убил я, хоть и в соответствии с пожеланием самого старика и некоей суровой традицией. Уместно ли убийце присутствовать на похоронах жертвы?

Наверное, все-таки уместно. Самураи взрезают себе животы, а чтобы они не мучались лишний раз, голову им сносят так называемые друзья. Другом может быть, кстати, тот, кто победил самурая в схватке, после которой средневековый японец не захотел больше жить. На самом деле отрубание головы человеку, делающему харакири, — большая честь. Судя по всему, и я оказал Джерому честь.

Мы с Витькой взяли коня — того самого, на котором я “воевал” в надежде обратиться на

себя внимание Секуляров. Витька настоял, чтобы съездить со мной. Я не противился — пусть проветрится. Будет под присмотром.

Мы еле разместились в одном седле — я впереди, Витька сзади. В моем бывшем хозяйстве имелись еще лошади, но их неважно объездили.

Похоронная процессия медленно продвигалась в наступившей ночи по мокрой степи. Небо очистилось от туч, с него светили звезды и стареющая луна. В молочном свете кусты, трава и земля казались осыпанными бриллиантами. Мы остановились на пригорке в паре километров от берега и становища. Я подумал, что старейшину похоронят в Ведьмином круге, но дольменов поблизости не было видно.

Симплы вырыли круглую яму глубиной в рост взрослого человека. Пока рыли, Отщепенцы затянули унылую песню о богатыре, чей жизненный путь подошел к концу. В песне загробная жизнь не упоминалась. И я не припоминал, чтобы кто-то из здешних когда-либо говорил о богах, ином свете и чем-нибудь религиозном.

Телу Джерома придали сидячее положение и усадили в яму. Туда же положили лук со стрелами и какие-то тряпочные свертки — надо полагать, все же подразумевалось, что другой свет существует и в нем Джерому понадобятся некоторые вещи.

Затем яму закидали землей, сделав небольшой холмик. На холмик положили несколько валунов. И все. Больше ничто эту могилу от остальной местности не отличало. Ни символы, ни курганы, ни какие-либо иные отличительные знаки.

Вероятно, среди Отщепенцев не принято навещать могилы павших.

Когда мы ближе к полуночи двинулись в обратный путь, Люция проехала мимо на своей кобыле и похлопала меня по плечу. Тогда я не совсем понял, к чему был этот жест.

Но наутро ситуация прояснилась.

Проснулись мы с Кирой позднее обычного — уж очень утомились ночью. Витька ночевал в шатре по приглашению Артура, и палатка оказалась в полном распоряжении двух влюбленных, которые очень долго не имели возможности побыть наедине. Мы искупались в мутном после грозы Танаисе, потом вернулся Витька и сказал, что нас на завтрак ждут в шатре.

Отказываться было глупо. Мы пошли.

Становище всю свою жизнь своей жизнью. Симплы-пастухи выгнали скот на пастбища, покрытые молодой травой, которая разом поднялась после дождя. Стучали молотками кузнецы, женщины вывешивали сушиться белье, дети кричали и прыгали по лужам.

Наложницы восприняли мой завет более чем серьезно. Я даже удивился. Впервые на моей памяти они вели себя в шатре по-хозяйски, а не прятались в серали каждый раз, стоило мне зайти в жилище. Разговаривали, смеялись. Суетились, как приветливые хозяйки, но рабской униженности я больше не замечал.

Очевидно, наложницы и раньше не испытывали этой униженности по отношению ко мне. К Гришану — вероятно. Поговаривали, что это был еще тот ублюдок. Но Азалия и Катерина очень хорошо знали свою роль и никогда при мне из нее не выходили.

Теперь же они получили бессрочный отпуск, и дальше ломать комедию не имело смысла.

В принципе, такими — раскрепощенными и счастливыми — они мне нравились больше.

После завтрака я оставил Киру и Витьку в шатре — Кира увлеклась обсуждением с

бывшими наложницами ведения хозяйства в условиях кочевой жизни, а Витька побежал с Артуром заниматься скотом. Я зашагал к центр становища, кивая всем встречным с видом старожилы.

В центре, как я и ожидал, возвышался вечно пустующий шатер — самый большой в становище, предназначенный для редких собраний.

Траву вокруг еще не успели вытоптать, и идти по ней было приятно. Звук шагов полностью в ней тонул.

Уже издали я увидел стоящих перед входом симплов с луками, стрелами и копьями, а в шатре почуял присутствие ведунов. Они меня тоже почуяли, и в дверях показалась Люция.

— Ты вовремя, ведун Олесь, — сказала она с таким видом, будто я каждый день приходил сюда, как на работу. — Заходи.

Я зашел, слегка сбитый с толку. Я планировал упросить отдать мне этот шатер. Отщепенцы сошьют себе новый, а моему подростку семейству нужна квартира побольше. Но тут выясняется неприятная новость: шатер востребован, и прямо сейчас в нем заседают! Мало того, почему-то приглашают и меня!

Внутри на толстых матрасах, постеленных на соломенные циновки, сидели старейшины: Алихан, Варвара, Мухаммед, Нэнси, Тимур, Рубен, Алевтина, Томирис и Тамара. Сидели полукругом, лицом ко входу. Место посередине этого полукруга оставалось вакантным — там просто лежала плоская подушка для сидения. Место Джерома.

В сторонке стояла обувь всех присутствующих.

Люция стряхнула сапожки, опустилась на свое место с краю и скрестила длинные ноги в просторных шароварах. Нэнси и Алихан, ничуть не удивившись моему появлению, указали на свободное место, и я, немного помешкав, разулся и уселся в центре, на место Джерома.

— На повестке дня наша будущая стратегия... — начал Алихан, когда я скрестил ноги и выпрямился, чувствуя себя не в своей тарелке.

Его слова заглушило громкое зевание. Тимур распахнул пасть и не потрудился его прикрыть. Выглядел он сонным и недовольным.

Вечное отщепенское неуважение к какой-либо власти, подумал я. И к правилам приличия. Анархисты до мозга костей.

— Какая еще к Уродам стратегия? — сказал Тимур, смагивая слезы, выступившие от зевания. — Валить надо. И чем дальше на восток, тем лучше.

— Там земли заняты кочевьями других становищ! — оживилась Варвара. Я так редко общался с большинством старейшин, что не запомнил бы их имен, если бы не нейрочип.

— Ну и что? — повела плечом Люция. — Подвинутся!

— Будет война, — без намека на страх или сожаление возразила Варвара.

— Ну и что? — повторила Люция. — Значит повоюем, разомнемся. Когда Отщепенец боялся хорошей драки?

Нэнси мелко захихикала, дреды ее задергались, как пружинки. Она тыкнула в направлении Люции тонким концом своей вечной трубки.

— Например, вчера, — сказала она. — Вчера мы все решили больше не воевать с россами.

— Потому что они отнимают нашу волшбу! — подскочила на месте Люция. — Мы не договаривались об этом! Россы вероломны, и у них нет чести. А потерять волшбу для Отщепенца все равно что...

Она затруднилась с подходящим сравнением, и я негромко подсказал:

— Все равно что кастрация...

На меня вопросительно уставились. Слово им было незнакомо. Я показал пальцем, будто отрезаю себе кое-что. Кто-то скривился, а кто-то закивал.

— Именно! — сказал Алихан. — Наш новый старейшина говорит правду.

Тимур снова зевнул, хрустнув челюстью, а я с любопытством спросил:

— А вот тут поподробнее, пожалуйста. Когда это я успел стать старейшиной становища? Что-то не припоминаю.

— Что у тебя с памятью, бро? — поразилась Люция. — Ты оказал Джерому последнюю честь и, значит, стал его правопреемником.

Наступила моя очередь подскакивать на сидушке.

— Чего?

Старейшины дружно закивали, включая вечно зевающего Тимура.

Я посмотрел вверх, на купол шатра, поддерживаемого обтесанным столбом, покрытым грубым орнаментом.

— Я что, получу и шатер Джерома тоже? — после минутной заминки уточнил я.

— И все его движимое и недвижимое имущество, — кивнула Нэнси, пустив клуб сладковатого дыма. — В том числе симплов и наложниц.

“Вот, блин!” — Я не знал, смеяться мне или плакать.

— Ты не знал? — наклонилась вперед Люция. — Мы подумали, что ты явился для того, чтобы вступить в права. И на вчерашних похоронах участвовал, чтобы напомнить всем о своих правах. Кстати, ты поступил правильно.

Алихан добавил:

— У Отщепенца нет семьи, потому что он свободен. Все его имущество достается тому, кто убил его в честной схватке или оказал последнюю честь.

— А детей у Джерома не было? — спросил я. Не хватало еще династических разборок.

— Было полно, — ответил Алихан. — Но все симплы. Они не наследники.

— А если я отдам наложниц... э-э-э... кому-нибудь? — осторожно поинтересовался я. — У меня уже есть две. То есть одна, биобота не считаем.

Вопрос прозвучал по-идиотски. Но нам нужен шатер, и хозяйство не помешает — на первое время. А вот с наложницами могут быть проблемы, учитывая, что рядом со мной Кира, которая вряд ли потерпит гарем.

Вчера мы, кстати, поговорили с ней об этом непростом нюансе. Кира была очень деликатна, но в общем и целом ее речь сводилась к следующему: на первый раз она меня прощает. Но только на первый.

— Ты вправе делать с ними, что пожелаешь, — ответил Алихан. — Но если твоя женщина поработит тебя, ты больше не Отщепенец и больше не старейшина.

Меня эта угроза напугала мало. Подумаешь, выгонят меня из становища! Через некоторое время нам все равно предстоит путь на север. Единственное, что мне нужно, это шатер.

Пока снова начать собирать лут, а после постараться его не профукать. Как в первый раз.

После этих уточнений совет снова вернулся к повестке дня. Итак, куда кочуем, бро и сис? Тут мнения разделились. Люция, Тимур и Варвара топили за то, чтобы двигаться на восток вдоль реки и отвоевать себе место у других становищ, которые кочуют там испокон веков и считают эту землю своей. Нэнси, Алихану и другим возрастным старейшинам эта

идея нравилась мало. То восточное становище очень крупное, и там много хороших воинов — ведунов и симплов. Битва предстоит тяжелая. А мирно не договориться: скот требует пастбищ. Просто так землю никто не отдаст.

Хитрый и мягкий Мухаммед предлагал тихо и мирно пройти земли восточных Отщепенцев и кочевать еще дальше на восток, в края, населенные дикими людьми, лишенными магии. Победить их не составит труда.

Нэнси возразила, что далеко на востоке много лесов и пасти скот там затруднительно. Еще дальше — небольшая песчаная пустыня, пересечь которую непросто. И наконец за пустыней Танаис очень широко разливается и впадает в Мутное море. Вот там должны быть хорошие пастбища и охотничьи угодья. Но туда еще идти надо.

Рубен сказал, что тащиться через пустыню — самоубийство. Проще перейти по старому мосту на южную сторону и пересечь болота. За ними тоже плодородные земли — разведчики не раз доносили. Но в болотах полно всякой Погани, не говоря уже о том, что болота опасны и труднопроходимы сами по себе.

Словом, голоса разделились. Старейшины спорили битый час, но так и не пришли к единому мнению.

Я же помалкивал. Во-первых, мне было пофигу, куда они отправятся. Люди они бывалые, не пропадут, а у меня своих хлопот хватает. Во-вторых, мне не терпелось побыстрее уйти отсюда, забрать шатер Джерома, сесть в вездеход и уехать на север. На юг я не поеду, расхотелось. По словам старейшин, там сущий ужас: сырая жара, лихорадка, Погань, всякие мерзкие ползучие твари и трясины. Витькой и Кирой я рисковать не буду.

Не до чего не договорившись, совет наконец разошелся. Решили поговорить с другими бро и сис, не входящими в совет, и собраться завтра с утра еще раз.

Я сразу побежал вступать в права наследования, подвалившие так вовремя. Оказалось, что кроме шатра в моем распоряжении теперь были: целая семья симплов из нестарых еще папы с мамой и немаленьких уже двух сыновей; три наложницы — все немолодые и не таких видные, как Катерина и Азалия; целое стадо мелкого рогатого скота, три коровы и один бык; три коня.

Я выяснил, что семейка симплов живет в собственном шатре, а наложницы — в серали, и подумал, что никто не пострадает, если мы в итоге заберем шатер.

Симплы поглядывали на меня со страхом. Новый начальник всегда стресс. Я пока не стал говорить им, что отдам их тем ведунам, к которым они сами не прочь уйти. Сами по себе симплы в становище не живут, им нужен ведун-хозяин, пусть и фиктивный. Пока пусть послужат моему семейству.

Любой Отщепенец вправе покидать становище, когда ему взбредет в голову, поэтому завтра или послезавтра мы с Витькой, Ивой и Кирой соберем манатки и свалим на север. Я, правда, не был уверен, что такое право имеет старейшина, но это неважно. Понадобится — применю силу.

С помощью Ивы я сложил палатку и прочие вещички в вездеход и приехал в становище. Вездеход мы поставили прямо перед шатром Джерома.

День прошел в хлопотах: мы с Кирой и Ивой подбирали все то необходимое, что понадобится нам в пути. Спать легли с Кирой на одну огромную постель, на свежие простыни. Витька снова ушел к Артуру, чтобы не мешать.

Меня немного беспокоило нынешнее положение Витьки — он как бы оказался лишним. К тому же остаток дня он проходил мрачным и кислым: кажется, у него снова разболелась

голова, но он в этом не признавался.

Иву же ее положение не беспокоило. Ночью она расположилась в вездеходе и просидела там до утра, неподвижно неся вахту.

А утром нас разбудил Артур, ворвавшийся в шатер с осоловелым видом. Следом за ним скользнула Ива.

— Витька пропал! — крикнул Артур с порога. — Утром просыпаюсь — а его нет! Бегу к коновязи — а гнедого жеребца нет! Еще ночью ускакал!

Глава 12. Неделя под мостом

Спросонья, плохо понимая, что происходит, я вскочил с постели, схватил Артура за шкуру и чуть не оторвал от земли.

— Как ускакал? Куда? А ты куда смотрел?

Мальчишка забился в моем захвате.

Кира, которая тоже поспешно встала, потянула меня за локоть.

— Отпусти — задушишь...

Но я уже пришел в себя и разжал пальцы. Артур отпрянул от меня с перекошенным от ужаса лицом, задыхаясь и хватаясь за горло.

Я поспешно натянул штаны и рубаху, обулся в сапоги из мягкой кожи, побежал следом за Артуром в шатер бывших наложниц. За мной следовали, не отставая, Ива и Кира.

У шатра стояли Катерина и Азалия — обе испуганные, растерянные. Быстрый опрос показал: все они проспали побег Витьки. Наложницы встали рано, но в шатер не заглядывали, полагая, что мальчишки спят. Витька накануне никаких идей относительно того, чтобы куда-то уехать, не высказывал, вел себя нормально, если не считать постоянно болевшей головы.

— Он сказал, что у него болела голова? — вскричал я.

— Не сказал, — пролепетал Артур. — Но я видел... он лоб тер... и затылок.

Я растерянно огляделся вокруг, словно надеясь вдруг увидеть Витьку. Жители становища ходили по своим делам, всем плевать было на исчезновение одного малолетнего симпла.

Я и сам вчера заметил, что у него проблемы со здоровьем. Но был слишком занят другими делами, чтобы расспросить его как следует.

— Может, он где-то здесь? — с надеждой спросила Кира.

— Я его не чую, — признался я. — Нет его в становище. Ускакал. А куда — без понятия.

Еще ни разу на моей памяти меня не охватывала такая беспомощность. Разве что в тот незабвенный день, когда я очнулся в квест-камере.

Я не понимал, куда Витька мог умчаться. И зачем? Что стряслось-то? Такое поведение — не в манере Витьки Смольянинова.

— Проверьте, взял ли он с собой провизию, — велел я Катерине и Азалии, и они поспешно нырнули в шатер.

— Что думаешь, Ива? — напряженным тоном спросил я. Мне требовалось логическое мышление. А в моем черепе сейчас вообще никаким мышлением не пахло.

— Очень странно. Такой поступок не вписывается в шаблоны поведения мальчика.

— Я и сам это понимаю!

Ива невозмутимо продолжила:

— Также необычен другой момент. Я не говорила об этом, памятуя о человеческой непредсказуемости и эмоциональности.

— Ты о чем?

— О том, что Витька был против северян, несмотря на отсутствие рациональных обоснований этого неприятия.

— Рациональное обоснование есть! У него видения были постоянно, и в этих видениях был их Знак!

Я умолк, задумавшись. А я ведь совсем позабыл о видениях... Что, если ему опять что-то привиделось, и он срочно ускакал под их действием?

— Я о том, — сказала Ива, — что он, вероятно, действовал не по своей воле. Как разумный человек он должен был понимать, что доверять видениям не стоит. Раз этого не произошло, значит, видения напрямую воздействовали на его волю — пусть и в фоновом режиме.

— Его кто-то выманил? Тот, кто наводил видения?

Кира мрачно сказала:

— Я подумала о Борисе...

Я уставился на нее. Много недель мы ничего не слышали о ее бешеном братце. Сейчас я был уверен, что он умер тогда во время сражения со мной, после того, как я проломил ему череп, но воскрес, обретя чудесные силы... Совсем как Витька и я.

Катерина и Азалия вернулись с докладом, что провизия не тронута. Собственно, я ожидал этого. Если Витькой овладели чары, вряд ли бы он методично готовился к исходу. Он просто встал, как лунатик, сел на коня, на котором научился ездить, и ускакал в неизвестном направлении.

— Тут есть ведуны-следопыты? — спросил я бывших наложниц, но те переглядывались и мотали головами.

Подал голос немного оправившийся после моей хватки Артур (мне было за нее немного неудобно):

— Я подумал про следы... Утром пастухи выгнали скот на пастбища во все три стороны... Если следы и были, их затоптали...

Я выругался.

— И где его искать теперь?

— Ты знаешь, где, — спокойно сказала Ива.

Я покусал губу и кивнул. Да, я знал. И ответ мне очень не нравился.

— В Оке Ведьмы, — сказал я. — За болотами к югу от Танаиса. Он отправился туда вслед за всей Поганью Поганого поля. Видения у него начались после прогулки в Скучный мир. После воскрешения, если говорить проще. Скучный мир — это мир, созданный Единым, а значит, видения наводились Единым. Единый же и призвал Витьку к себе.

— Ты тоже был в Скучном мире и не раз, — сказала Кира. Она стояла в одном халате практически на голое тело, босиком, с распущенными, взлохмаченными густыми волосами. — Но у тебя нет видений.

— Меня не хоронили в Ведьмином круге, — пробормотал я. — И я Единому не нужен так, как Витька...

— Зачем ему мальчик?

— А зачем ему Погань? Зачем было и меня возвращать из мертвых? Кто поймет эту нечеловеческую тварь?

Меня осенило.

— А что, если... мы с Витькой тоже Погань?

Кира насупилась едва ли не раздраженно.

— Не говори ерунды...

Я помотал головой. Размышлять о том, насколько нас опоганил Единый, когда

воскрешал, будем позже. Сейчас пора решительных действий.

— Вот что. Я возьму вездеход и поеду туда... к Оку Ведьмы. А вы останетесь здесь, подождете, пока вернусь.

— Это глупо, — сказала Ива. — У тебя не выйдет догнать его быстро, учитывая его фору и то, что южный берег Танаиса болотистый.

Я рявкнул:

— И что делать?!!

— Мы должны ехать туда все, — твердо сказала Ива. И посмотрела на Киру, та кивнула.

— Чтобы утонуть в болотах скопом? — горько хмыкнул я. — Мне придется рисковать не только собой, но и вами обеими?

Я ожидал, что Ива сейчас возразит: мол, она, как умбот, возникший благодаря мне, все равно будет со мной, хочу я этого или нет, а Кира не бросит своего возлюбленного. Но заговорила Кира, которая меня удивила:

— Все — это не только мы с Ивой. Все — это все становище.

Ива кивнула.

“Что? — подумал я ошарашенно. — Бабы нашли общий язык?”

— Они ведь еще не решили, куда кочевать? — уточнила Ива. — Ты сам рассказывал. Предложи, как старейшина, отправить туда отряд разведчиков, возглавь его — якобы для того, чтобы понять, подходит ли местность для кочевков. А заодно узнаешь, куда пропал Витька и где Око Ведьмы.

В этом предельно рациональном предложении мне почудилось некоторое равнодушие к судьбе Витьки. Иву больше заботили глобальные вопросы. Но на то она и умбот. У меня в кои-то веки хватило мозгов не сердиться на нее за эту холодную рассудительность. Я кратко сказал:

— Это долго.

Кира уверенно предложила:

— Поедем на вездеходе прямо сейчас до моста. Если не догоним, вернемся и уговорим Отщепенцев снарядить отряд. Ты используешь свое чутье и постарайся не пропустить Витьку.

Я молча кивнул. Добавить было нечего.

Мы собрались в путь в бешеном темпе. Мост, со слов Отщепенцев, находился в двух днях пути ниже по течению, если “скакать быстро на свежих лошадях”. Как скоро мы туда доберемся на вездеходе, никто сказать не мог.

Я прикинул, что если Витька скакал во весь опор хотя бы первое время, пока у коня были силы, то мы его вряд ли настигнем до моста. По бездорожью вездеход перемещается медленнее лошадей, а у Витьки была фора часов в семь, если он покинул становище сразу после полуночи. До полуночи он был в шатре — Артур вставал по нужде в это время и видел спящего Витьку. Артур — ведун и чувствует более-менее точное время.

А после полуночи в какой-то момент видения или еще что заставили Витьку подняться и уехать.

Если честно, мне не хотелось брать с собой Киру и Иву, но я отдавал себе отчет, что они помогут. Ни Кира, ни тем более Ива не лишний балласт, а полезные и опытные путешественницы и даже бойцы. Наверное, я просто хотел остаться какое-то время один, чтобы переварить происшедшее...

Никто из Отщепенцев и симплов, видевших наш отъезд, не поинтересовался, куда мы едем. Вероятно, никто и не думал, что мы можем не вернуться. Как бы то ни было, бывшие наложницы в курсе и в случае чего известят старейшин.

Я ехал на максимальной скорости, какую можно было развить на пересеченной местности, вездеход трясло вместе с нами. Яростно крутя руль, я размышлял о том, что у Витьки нет еды, а наловить рыбу или поймать зверя у него нет возможности. И конь рано или поздно выдохнется. Что пацан будет делать тогда?

И что будет — тут меня передернуло, — если до него доберется Погань? Здесь ее нет даже по ночам, но вся эта нечисть собралась к югу от Танаиса!

Я старался не давать волю фантазии раньше времени, но настроение все равно было поганое. Давно надо было разобраться со всеми этими видениями и мистическими явлениями! Надоело бродить вслепую, не понимая, что вокруг творится. Зря я вознамерился сбежать в Вечную Сиберию, не расправившись с этими проблемами. Проблемы сами себя не решат.

С Республикой Росс со временем тоже надо будет разобраться... И с Вечной Сибирией... Сплошные разборки мне предстоят...

В ближайшее время о спокойной жизни можно забыть.

Я всюю сканил пространство так далеко, как только мог. Ощущал шестым ведунским чувством неровности ландшафта слева, движение водных масс справа, шевеление разнообразных животных в норах, полет птиц сверху, — но признаков Витьки не было нигде.

Через некоторое время мы достигли того места, где останавливались прошлый раз под крутым обрывом с промоиной. Эта промоина еще больше расширилась после недавней сильной грозы.

Повинуясь непонятному желанию, я остановился и вышел из машины. Вместе с Кирой и Ивой спустился к берегу по промоине и увидел выложенный белыми камушками на темной гальке Знак Лапы Дьявола. На Знаке совсем рядом от воды лежал деревянный лакированный оберег, похожий на бесконечный узел. Его когда-то Витьке подарила Виталина Михайловна, шаманка северян.

Я застыл, глядя на эту инсталляцию.

— Что он хотел сказать? — произнесла Ива, грациозно наклонившись и подняв оберег. Она протянула его мне, и я сжал его в кулаке.

— То, что он здесь был... — сказал я хрипло и откашлялся. — И то, что он по-прежнему... против северян и их дара мне?

Мои женщины промолчали. Нам всем не хватало информации для выводов.

Мы поехали дальше на восток вдоль широкой и могучей реки. Берега понизились, стали пологими и песчаными. Иногда встречались места былых стоянок становищ с вытопанной травой и объединенными кустами, ямами и сильным В-фоном.

Ехали до самого вечера без остановок и обеда, а потом окончательно сдохла батарея. Зато далеко впереди, в вечерней дымке над ровной поверхностью огромной реки прорисовался тонкой колеблющейся в мареве линией многокилометровый мост.

На последних крохах энергии я подкатил поближе к воде и остановился в том месте, где покрытая травой и кустами почва переходила в речной песок. В зеркалах заднего вида кроваво блеснуло заходящее солнце.

— Не догоним, — сказал я и облизнул пересохшие губы. — Он уже на той стороне.

Кира, которая сидела рядом со мной, кивнула. Времени на лишние слова она не

тратила.

Получается, придется возвращаться, организовывать разведотряд и снова ехать сюда... На все это уйдет минимум три-четыре дня. Все это время пацан без волшбы, еды и свежего коня будет находиться в болотах со всеми болотными прелестями и Поганью, что приперлась туда со всех сторон света... Шансы спасти Витьку практически нулевые.

Но я не отступлю. Я не спас тетю Веру, но вернул Киру. И Витьку верну. А если не верну, переверну болото вверх дном.

Кира и Ива ловко накрыли на “стол” — расстеленную на песке скатерть. Я почувствовал, что после целого дня тряски на ухабах сильно проголодался. А как же Витька — без еды? Питьевой-то воды хватает — по берегам всюду бьют кристально чистые родники.

— Это слишком долго, — сказал я, когда мы разместились вокруг “стола”.

— Что — долго? — уточнила Кира.

— Возвращаться, уговаривать Отщепенцев и снова ехать сюда. Безопасно, да, но долго. У Витьки с каждым часом все меньше шансов выжить там. Ехать нужно мне. Выеду, пожалуй, сразу же после того, как зарядится батарея.

Ива проговорила:

— Я боялась, что ты придешь к такому выводу. Тебе нельзя ехать. Если Витьку выманил Единый, то сделал это определенно для того, чтобы выманить тебя.

Кира повернулась к умботу и нахмурилась.

— Зачем Единому Олесь?

— Есть ненулевая вероятность, что именно Олесь — Единая Ипостась, — отчеканила Ива.

Мы с Кирой потрясенно переглянулись. Эта простая мысль никогда не приходила мне в голову.

— Я? Но как же... — забормотал я и замолчал.

Перед мысленным взором нарисовалась яркая картинка из давнишнего сна.

Худой седой и неопрятный старик с глубокими морщинами... Сгорбленная старуха злобно глядит исподлобья... Смутно знакомая женщина, красивая и стройная... Взрослый мужик, чье лицо скрыто капюшоном. И парнишка лет четырнадцати, востроносый, худенький, с растрепанными волосами.

И я знал, что человек в капюшоне — это я. Я один из Пяти!

Ива немного занудно продолжила:

— Есть ненулевая вероятность, что Единый следит за тобой. Когда ты передумал ехать к Оку Ведьмы, он призвал Витьку как наживку.

— И что теперь? — спросила Кира встревоженно. — Ему не ехать?

— Ему нельзя ехать. Иначе Единый обретет плоть, и Поганое поле уничтожит человечество.

Мне подумалось, что намерения Единого никому не известны, кроме него самого. Но вслух я сказал иное:

— Я не оставлю Витьку.

— И не надо, — мягко улыбнулась Ива. — Я поеду за ним сама.

— Ты? — потрясенно выдавил я.

— Утонуть мне в пепле... — прошептала Кира.

Ива приподняла идеально очерченную соболиную бровь.

— Неужели ты во мне сомневаешься? Ива-3 не подвела ведь. Совершила теракт и вынудила пойти россом на переговоры. Очевидно, она погибла во время взрыва. И я, Ива-2, без раздумий пожертвую собой ради общего дела. Олесь и Кира, вы останетесь здесь, а я поеду завтра на вездеходе на тот берег. Вам придется меня немного подождать. Как бы то ни было, Олесю нельзя пересекать Танаис. Это в интересах Единого.

У нее получилось произнести эту речь дружелюбно, спокойно и обыденно, словно речь и не шла о жизни и смерти. Возможно, Ива и не воспринимала смерть так, как мы, живые люди, но я давно воспринимал Иву, как живую женщину с очень высоким интеллектом и превосходным характером.

Но сейчас Ива как бы мягко напомнила, что она — умбот. И в этом было что-то несправедливое и горькое.

Я покосился на Киру. Она смотрела на Иву, и на лице ее читалась та же гамма чувств, что обуюла и меня.

— Других вариантов нет? — отрывисто спросила она.

— Этот — самый лучший. Есть вариант бросить Витьку.

— Это не вариант, — сразу обрубил я.

Ненадолго задумался и понял, что Ива права. Самый лучший вариант — это если на поиски Витьки отправится она, Ива. У нее самые высокие шансы выжить в неизвестной обстановке. У нее сверхсила, и ей не нужно питаться и даже дышать.

И все же во мне что-то противилось тому, чтобы просто отпустить ее. В глубине души мне было стыдно отправлять ее в это путешествие. Будто расходный материал. Нет, я не воспринимал ее как робота, причем очень давно — наверное, еще до того, как она обрела тело биобота. Ведь долгое время она жила в моем нейроимпланте, и я общался с ней через интерфейс.

Я достал из кармана деревянный оберег Витьки, повертел в пальцах.

— Если Витьку вел Единый, то к чему было послание на берегу?

Ива тотчас ответила:

— Я вижу два объяснения. Первое: Витька очнулся на короткое время, вышел из транса и попытался нас о чем-то предупредить. Второй: послание нам оставил сам Единый. Если послание от Витьки, то, возможно, это просьба вызвать северян... которых он всегда ненавидел с подачи Единого. Если же это сам Единый, то... — Ива наклонила голову и выпятила нижнюю губу, виртуозно имитируя работу мысли. — То ему тоже нужно, чтобы ты вызвал северян.

— А что, если это Единый, но он, наоборот, предупреждает не звать северян? — спросила Кира.

— Вряд ли. Знак Лапы Дьявола и оберег подталкивают к позитивному разрешению вопроса. Это как аффирмации — в них всегда что-то утверждается, а не отрицается. Так устроена человеческая психика. Если бы Единый предупреждал, что вызывать северян нельзя, Витька сломал бы оберег или нарисовал Знак перечеркнутым.

И то верно, подумал я.

Кира невесело хмыкнула:

— Выходит, неважно, Единый или сам Витька оставил послание. Оба они хотят, чтобы Олесь вызвал северян.

Я кивнул ей.

“Когда найдешь Единую Ипостась, зови меня через Знак, — услышу, как бывший

Хранитель, придущ с помощью”, — сказала мне шаманка Виталина под проливным дождем на берегу городской реки.

— Вызову их, — решительно сказал я.

— Уверен? — спросила Кира.

— Почти. Не время рефлексировать.

Поскольку ни Кира, ни Ива больше ничего не говорили, я прикрыл веки, включил Знак Лапы Дьявола и мысленно потянулся в пространство перед собой.

“Придите!” — крикнул я, не раскрывая рта и не издавая ни звука.

На миг почудилось, что кто-то глянул на меня из мутной мглы далеко отсюда. Глянул и отвернулся, потеряв интерес.

“Северяне! Взываю!” — снова “прокричал” я и немного устыдился собственной формулировке. Взываю я, блин! Почему-то когда дело касается магии, мозг сам собой настраивается на какой-то напыщенно-эпический лад.

“Виталина Михайловна! Ну вы где там?” — сбавил я градус пафоса.

На интерфейсе Знак горел кровавым цветом и чуть пульсировал. Мой призыв рассеялся в пространстве вокруг и заглох в пустоте.

Я открыл глаза и обнаружил, что кожа на руках покрылась трехцветными линиями магической татуировки. То ли от напряжения, то ли потому, что магия сработала.

— Ну что? — осторожно спросила Кира.

Пока она сидела в плену у росссов, я здорово прокачал скиллы, так сказать. Пришлось многое ей рассказать о наших с Витькой и Ивой приключениях. Кира приняла все эти невероятные события как должное. В ее мире волшебство всегда была частью бытия. То, что я иногда покрывался с головы до ног цветными росписями, ее ничуть не смущало и не пугало. Разве что вызывало благоговение.

— Позвал, — кратко сообщил я. — Но услышали ли меня — не понять.

— Будем считать, что услышали, — рассудила Ива. — А сейчас мы выложим из машины все припасы, инструменты, вещи и оружие. С собой возьму только один автомат с несколькими магазинами. И провизию для Витьки. Остальное мне без надобности. Завтра я поеду через мост.

Этой ночью я плохо спал. То и дело просыпался не пойми от чего и долго лежал без сна. Кире тоже не спалось, судя по дыханию, но лежала она тихо.

Ива сидела в кабине вездехода. Я видел ее силуэт, когда выглядывал из палатки.

Что она думает? Когда-то она сказала, что обязана мне своим существованием, поэтому будет служить мне всю жизнь. Но как бы она поступила, если бы я умер? Или прогнал бы ее? Какой смысл жизни она бы нашла тогда? И нашла бы?

У нее слишком развитый интеллект, чтобы не задаваться вечными вопросами, что терзают людей испокон веков. Даже безумная Первая пытается понять, как защитить подопечных, не ограничивая их свобод. И испытывает ко мне сложные чувства, замешанные на ревности, ненависти и шизофрении.

Кстати, да, у умботов, видимо, бывает и такое. Чем сложнее интеллект, тем больше у него возможностей поймать баг. Или “глюк”, который способен полностью изменить жизнь. Как в случае со мной, обычным мусорщиком из Западного 37-го Посада.

Но если у умботов бывает шиза, значит, в Республике Росс есть ИИ-психотерапевты? Вспомнилась героиня ряда произведений Айзека Азимова по имени Сьюзан Келвин. Она

была роботопсихологом и занималась именно такими вот проблемами.

Мысли переключались на древних программистов, придумавших Катехизис Умботов, чьи песни-программы распевают северяне. Предвидели ли они такой вот расклад, который мы имеем сегодня? Зачем они оставили эту песню диким северным племенам, превращающим людей в марионеток?

На другой день батарея, как и ожидалось, зарядилась ближе к обеду. Мы все вместе доехали до моста. Вблизи он смотрелся не так круто и монументально, как издали. Асфальтовое полотно полно дыр с торчащей арматурой, от ограждения не осталось и следа, кое-где разрушены опоры, и мост опасно свисал над волнами реки. Все же проехать по мосту было возможно, пусть и с максимальными предосторожностями.

Дорога же, ведущая к мосту, шла с севера, виляя между приземистыми холмами, но разрушилась настолько, что едва различалась за покрывающими ее колючими кустами и травой.

Берег здесь был пологий, глинистый, покрытый густой растительностью. Мы выгрузили весь свой скарб из вездехода и сложили его в тени моста. Я оставил пару больших баклажек воды и десяток банок консервов. Этого должно хватить Витьке на обратный путь. Оставили также аптечку, заготовленную для нас когда-то Головановым. Витька может быть ранен или болен. Ива окажет ему медицинскую помощь.

Затем наступила пора прощаться. Это была странная ситуация, и мы с Кирой чувствовали себя одинаково некомфортно. Но Ива как обычно чуть улыбалась и казалась совершенно невозмутимой.

На прощание сказала:

— Как и те древние программисты, я не верю в постоянную личность — что у людей, что у умботов. Не нужно за нее цепляться — там ничего нет. Мы постоянно меняемся...

Она поглядела на собственные тонкие руки. Когда-то у нее были совсем другие руки. И уши как у эльфа... А потом не было тела. А теперь вот это.

— Мы обязательно встретимся снова, — пообещала Ива. — Ждите меня неделю. Это максимальный срок. Если мы не вернемся, то ждать дольше не имеет смысла.

— Возвращайтесь поскорей, — сказала Кира.

И Ива, сев за руль, поехала на вездеходе по полуразрушенному мосту, аккуратно объезжая дыры и неровности. Мы с Кирой наблюдали, как она проехала половину моста, затем три четверти и наконец благополучно оказалась на том берегу. Некоторое время вездеход маячил вдали. Потом исчез за возвышенностью.

Я провожал его еще некоторое время с помощью чутья, но в какой-то момент вездеход покинул сферу моего магического восприятия.

Мы с Кирой принялись обустроиваться прямо под мостом, как семейка троллей. Я впервые оказался в Поганом поле без транспорта и испытывал довольно странное чувство. Словно меня насильно привязали к одному-единственному месту, и мне больше никогда его не покинуть. Конечно, это было не так. Мы могли пойти пешком — правда, пришлось бы тащить на себе массу всего, включая кастрюли, палатку, спальники, провизию и оружие. Я очень надеялся, что ждать придется недолго — максимум до завтрашнего дня.

Но ни к вечеру, ни на завтрашний день Ива не вернулась. Танаис беззаботно и успокаивающе шумел, дни были солнечные и жаркие, а вокруг на много-много километров не появлялась ни одна живая душа.

На третий день меня охватила гадкая уверенность, что Ива и Витька не вернуться

никогда. Берег по ту сторону моста — гиблое место.

В этом долгом и напряженном ожидании были и плюсы. Впервые за долгое время мы с Кирой остались наедине. Жили как муж с женой — мистер и миссис Робинзон, если угодно. Я ловил рыбу, сидя на берегу, вооруженный одной лишь волшбой, а Кира занималась нехитрым хозяйством — натянула бельевые веревки между палаткой и опорой моста, устроила постоянный очаг.

Благодаря Кире — немногословной, сдержанной, неприхотливой — я убедился, что не свихнусь в ожидании. Пока она рядом, со мной все будет в порядке — даже без Витьки Смольянинова, моего лучшего друга.

Кира вообще не сидела на месте. Бывшая Огнепоклонница приготовила “шампунь” из золы, и мы привели свои гривы в порядок. Мои волосы отросли уже до лопаток, а борода — до солнечного сплетения. Я собрал и волосы, и бороду в пучок — так удобнее и не жарко. Зато активировался старый допарт блокировки магии. Сейчас он был мне не особо нужен, у меня имелась Лапа Дьявола, и вовсе блокирующая волшбу, но перестраховаться не мешало.

Я шутливо сказал Кире, что жить здесь хорошо, и я начинаю ощущать вкус ко всему этому. Вода рядом, от моста тень, проблем с едой нет. И мы есть друг у друга.

Кира охотно соглашалась. Я видел, что она вовсе не притворяется. Ей тоже хорошо тут со мной. Единственное, что напрягает, это ожидание.

Ни о Витьке, ни об Иве мы не разговаривали. Беседовали об истории человечества — Кира делилась обширными знаниями, почерпнутыми из книг, реальных и виртуальных. Обсуждали улов и методы готовки, учитывая небольшой выбор ингредиентов. Вспоминали наши жизни друг без друга.

На четвертый день я почуял всадников — трех человек на быстрых и свежих скакунах. Они проскакали мимо в вечерних сумерках далеко от берега и нашего жилища. Кажется, это были Отщепенцы из каких-то чужих становищ. Не северяне и не какие-нибудь иные племена.

Мы не дали о себе знать. Не захотели. Я сказал о них Кире, которая не услышала даже топота копыт — слишком далеко всадники пронеслись мимо. Кира пожала плечами — она тоже не хотела никого видеть.

Неделя ожидания пронеслась и растаяла в тумане прошлого. Наступил последний день. И этот последний день мы не говорили об Иве и Витьке. И так все ясно.

Вечером мы легли спать, как обычно. Мой В-радар не улавливал Погань даже ночами — вся она откочевала на юг. Туда, где пропали Ива с Витькой.

На утро восьмого дня я проснулся и, разлепив глаза, увидел Киру, которая смотрела на меня, подперев щеку ладонью.

— Привет, — сказал я.

— Они не вернулись, — ответила она.

— Да.

— Ты понимаешь, что это значит.

— Это значит, что они погибли.

Я и сам удивился тому, до чего обыденно это прозвучало. Наверное, я свыкся с этой мыслью намного раньше. Еще когда мы прощались с Ивой. Поэтому нас и терзало то некомфортное чувство, замешанное на вине...

— Если хочешь еще подождать, я не против, — сказала Кира.

Я протянул к ней руку и погладил по обгоревшей на солнце щеке, завел локон за ухо.

Кира прикрыла глаза на секунду.

— Смысла нет, Кира.

Я выбрался из палатки. Все это время мы с Кирой ходили едва одетые, в одном нижнем белье, а часто и вовсе раздетые, особенно когда ныряли в реку, чтобы освежиться. Было раннее утро, но воздух оставался теплым. В небе на западе тускло светил узкий серп старой луны. Кира выбралась следом.

Противоположный берег протянулся туманной желто-зеленой линией. Где-то там навсегда остались Ива и Витька.

До меня еще не дошла мысль об окончательности и непоправимости гибели двух моих друзей. Представлялось, что еще не все потеряно и все понарошку. Произошло недоразумение, и оно со временем рассосется само собой. Я — тугодум в эмоциональном плане; у меня быстрая, как понос, реакция только в плане попсиховать.

— Один раз я его уже вернул... — начал я, но Кира перебила:

— Если ты пойдешь туда, дашь Единому то, чего он желает.

Я и сам это понимал.

Я указал на полозья, связанные из веток. Это сооружение я слепил вчера.

— Соберем шмотки и пойдем вдоль берега назад, в становище. За недельку доберемся.

Кира зашла по колено в воду, чтобы умыться, и посмотрела через реку.

— Так и поступим.

“Сейчас нет смысла далеко заглядывать в будущее, — подумал я. — Переживать о завтрашнем дне — зарабатывать лишнюю головную боль, от которой пользы никакой”.

А потом — кто знает? — убедим старейшин кочевать на юг. С армией тренированных бойцов-ведунов у меня больше шансов спасти Витьку и Иву.

Если только ведуны — и я — не обязаны своей магией Единому. В этом случае у нас никаких шансов на победу.

День мы потратили на неспешные сборы. Вещи надо было привязать к волокуше так, чтобы ничего не отвалилось по пути и не приходилось останавливаться лишней раз. У меня была идея соорудить плот и тащить его против течения, как бурлак на Волге, но идею пришлось отбросить. Берег слишком неровный, порой вдоль воды не пройдешь из-за обрывов или зарослей камыша. Да и течение будет мешать, вышвыривать плот на берег. Проще воспользоваться волокушей.

Не спешили мы еще и в наивной надежде дожждаться-таки Иву с Витькой. Вдруг они явятся на восьмой день?

Но после обеда В-сканер доложил о приближении с запада большого количества людей и животных. Спустя полчаса слух уловил блеяние, ржание, крики людей, грохот повозок.

Накинув на себя одежду и повесив автоматы на грудь, мы с Кирой вышли из-под моста на возвышенность.

С запада на восток вдоль реки в облаке пыли двигалась орда. Судя по количеству всадников и размеру обоза, там было не одно становище. Впереди скакали разведчики. Среди них я различил знакомых старейшин.

Отщепенцы почуяли и нас с Кирой еще до того, как мы возникли в поле зрения.

— Тебе не кажется, что их больше, чем было? — спросила Кира.

— Кажется.

— Тут несколько становищ.

— Ага. В любом случае не придется плестись к ним.

Незнакомые всадники из чужих становищ галопом поскакали вверх на возвышенность, где расположились мы с Кирой, но на полпути нерешительно остановились. Почуяли действие Лапы Дьявола, которая лишает волшбы. Небось вознамерились с криками “Хурр” носиться вокруг нас, как это заведено у этих воинственных кочевников, но Знак отбил это желание напрочь.

Зато с улыбками приблизились Викентий, Франсуа и Люция. Остальные не спешили на встречу.

— Хурр! — крикнул-таки рыжий и здоровенный Викентий. — Олесь! Кира!

— Привет, Викентий! — отозвался я. — Куда собрались?

— Был Совет старейшин становищ, — почтительно понизив голос, сказал Отщепенец. — Ты уехал, совещались без тебя. Надумали идти все-таки на восток.

— Совет старейшин становищ? Они ж вроде только во время войны заседают?

— Так и есть. — Он оглянулся на орду и нахмурился. — Война началась.

Глава 13. Большой сбор

Позже я выяснил, что орда должна была идти весь день на восток, где простираются территории других становищ, и вытеснить аборигенов с насиженных мест.

Аборигены о незваных гостях уже прослышали благодаря разведчикам, поэтому все восточные становища несколько дней пребывали в состоянии энергичной подготовки к боевым действиям. Именно эти восточные разведчики и попали в сферу действия моего радара дня три назад.

Я переговорил со знакомыми старейшинами, которые ничем не выдали удивления, застав меня здесь, и не задали ни одного вопроса. Зато все проявили живой интерес по поводу того, приму ли я участие в битве. Им был нужен каждый воин.

Я предложил устроить здесь, возле моста, короткий привал, чтобы уломать их на поход на южную сторону реки. Дело это было, судя по всему, непростое — Отщепенцы явно нацелились на восток, а о юге никто не помышлял. Чтобы они изменили планы, требовалось время и большое красноречие. Красноречие — не моя сильная сторона, так что оставалась надежда хотя бы задержать их здесь подольше, чтобы каким-то чудом их потом переубедить.

Старейшины поначалу отказались делать привал. Привал для такой орды — это надолго. Это смерти подобно. Орда — это не войско из дисциплинированных воинов; это все люди, включая необученных симплов и детишек. На старейшин не подействовал даже мой толстый намек, что, если они сделают привал и мы поговорим, я присоединюсь к орде и таким образом сильно усилю армию.

Тогда Кира шепнула мне на ухо, что надо просто пообещать добыть много дичи для орды. С моими навыками (и Знаками!) магической охоты и рыбалки это будет несложной задачей. А мясо для прожорливой орды никогда не бывает лишним.

Я сказал старейшинам об этом, и они, к моему удивлению, сразу согласились немного задержаться. Викентий предложил мне своего заводного коня, и я поскакал в чисто поле, надеясь, что не придется долго плутать в поисках какой-нибудь дичи. Викентий и Франсуа — неразлучная парочка, — а также Люция, Варвара и пятеро незнакомых Отщепенцев составили мне компанию. То ли из любопытства, то ли из желания развеяться.

Отщепенцы тоже охотятся с применением волшбы, которой приманивают диких животных. Но связь с дичью у них создается слабая, не чета той, что у моих Знаков. Иногда Отщепенцам хватает сил заставить зверя замереть, после чего его подстреливают или набрасывают лассо. Я же мог вообще сидеть на одном месте и заставлять животных стекаться ко мне. Было только одно важное условие: дичь должна попасть в поле действия моего сканера.

В первые полчаса мы не наткнулись ни на табун диких лошадей, ни на джейранов. На мелочь вроде сурков и фазанов я размениваться не захотел. Для большой орды этого мало, а я намеревался произвести впечатление, чтобы позже меня внимательнее слушали насчет похода на юг. Мои спутники, державшиеся на расстоянии, принялись ухмыляться и многозначительно поглядывать на солнце.

Но затем на горизонте показалось немалое стадо куланов — непарнокопытных, похожих на осликов.

Кое-кто начал доставать стрелы из колчанов, готовясь стрелять. Видно, они считали,

что охота будет вестись, как обычно. Я заставлю куланов застыть на месте, а остальные забросают стадо стрелами.

Но я тупо подозвал куланов Знаком Морока, и дикие ослы послушно приблизилось к нам, как стадо домашних коров. Дальше я просто гнал их перед собой до самого берега Танаиса, где остановилась орда, а мои спутники таращили глаза и подбирали отпавшие от изумления челюсти.

Ухмылки с татуированных и загорелых лиц Отщепенцев пропали начисто.

Стадо завели в поспешно воздвигнутый загон, и я мысленно потер руки — теперь орда никуда не уйдет по крайней мере до завтра. Извините меня, дикие ослы, но мне позарез нужны Отщепенцы для похода на юг...

Подобная “охота” впечатлила всех без исключения Отщепенцев и симплов. Теперь никто не косился на меня, не усмехался, не смотрел на солнце (жест, аналогичный посматриванию на часы в Скучном мире). Симплы занялись заготовкой мяса, задымили костры, начали воздвигаться шатры. По разговорам и общему настроению было понятно, что орда не то что сегодня, но и в ближайшие несколько дней никуда не двинется, несмотря ни на какие территориальные войны.

Какие же раздолбаи эти Отщепенцы, размышлял я, глядя на радующихся скорому пиру степных кочевников. Ни дисциплины, ни идейности, ни государственности; лишь бы помахать шашкой, пострелять из луков, да набить желудок. Однако живут они дружно, и нет у них ни отвратительной небинарной морали россов, ни промывания мозгов вкупе с тюремными лагерями сиберийцев. Может, так и нужно жить — по-простому? Чем сложнее система (в том числе общество), тем больше в ней багов?

— Этак я скоро стану главарем всей этой шайки, — негромко произнес я под нос. — Главное, следить, чтобы все были сыты, и они пойдут за тобой хоть на край света...

Стоявшая рядом Кира ответила:

— Они не потерпят диктатора над собой. Не такой менталитет. Они ведь очень свободолюбивы, эти Отщепенцы. Любая дисциплина, даже воинская, это ограничение свободы, поэтому они такие... Любой рядовой ведун вправе бросить вызов на бой старейшине на Праздник Урожая, и старейшина не может отказаться или выставить вместо себя кого-то другого.

— А если я их всех уложу на лопатки? — спросил я шепотом. — Не то чтобы я всерьез собирался, просто любопытно.

— Если ты чрезмерно усилишься и начнешь диктовать совету становищ, от тебя попросту рано или поздно избавятся. Ударят в спину или задушат ночью. Или отравят. Я читала в книгах об Отщепенцах — у них не раз бывали такие случаи. Никакой самодержец в стане надолго не задержится.

— Очень мило...

— За это многие народы боятся и ненавидят Отщепенцев. Например, сиберийцы. В Вечной Сибири не представляют себе мира и порядка без жесткой вертикали власти. А Отщепенцы не в силах вообразить жизнь без свободы и, как следствие, некоторой доли анархии.

Я оторвался от лицезрения дымящего кострами становища и обернулся к Кире.

— Утверждаешь, что структура общества зависит от менталитета народа?

Мне нравилось вести такие беседы с Кирой. Раньше мы разговаривали об этом с Витькой...

— Не только. Но и от менталитета тоже.

— Но менталитет формируется в том числе и структурой общества! Что было первым — менталитет или структура? Курица или яйцо?

— Филогенетически первым появилось яйцо, — серьезно ответила Кира. Вероятно, она каким-то образом не наткнулась в книгах на метафору с курицей и яйцом и не поняла, что я имел в виду на самом деле. — Яйцами размножались рептилии и более примитивные животные еще до появления птиц и в том числе куриц... А! Ты об обществе? — сообразила она. — Тут можно долго спорить, что определяет форму власти — верхи или низы. Полагаю, среди причин формирования общества есть и геополитические условия...

— Отщепенцы постоянно воюют, — сказал я. — Но у них нет вертикали самодержавной власти, как это обычно бывает у агрессивных наций и всяких империй с постоянным желанием расширяться. А сиберийцы сроду ни с кем не воевали, но везде видят врагов и поклоняются Детинцу. Как такое возможно?

— Что именно?

— Все условия жизни, в том числе геополитика, требовали от сиберийцев построить свободное общество, а от Отщепенцев — тоталитарное государство по типу армии в состоянии боевого похода. Однако это не так.

Кира пожала плечами.

— Не забывай, что Отщепенцы сплошь все ведуны, а сиберийцы вообще не верят в магию.

— Ага, а Председатель при этом у них был сильнейшим магом во всем Поганом поле!

— Ты поведешь их на юг? — перевела Кира разговор на другую тему, указав в сторону стоянки орды.

— Да. Попробую уговорить снарядить большой разведотряд. С ним больше шансов... — Я не договорил.

— Больше шансов на что? — насупилась Кира. — На поиски Витьки и Ивы? Или на то чтобы отдать себя Единому?

Я приподнял брови.

— А не ты ли говорила, что нам надо идти туда всем?

Кира нахохлилась еще больше.

— Я сказала это до того, как Ива предположила, что ты и есть Единая Ипостась!

— Ива согласилась с тобой! Надо, дескать, идти на юг и при этом прихватить с собой как можно больше людей, умеющих сражаться!

— Я не знаю, что творилось у нее в голове... Она хотела спасти тебя и одновременно — уничтожить Единого. Видимо, для нее это был компромисс — отправить тебя уничтожать Единого, как и посоветовали тебе северяне... И не одного, а с мощной дружиной.

— Тут одни предположения и ни одного факта. Она могла ошибаться. Кирсанов назвал меня и Витьку двумя сознательными ипостасями Единого, но не главной. Поэтому я вовсе не обязательно должен быть Единой Ипостасью, а Единый не обязан быть злобным иномерным существом, каким мы все его себе представляем. Которое спит и видит, как истребить, блин, всех человек. Но однозначный факт в том, что нам нужно спасти Витьку и Иву!

Кира вздохнула. Твердо сказала:

— Скорее всего, Олесь, они оба уже погибли...

— А вот это не факт, — сказал я, стараясь не выдать дрожи в голосе. — Ты просто беспокоишься за меня, да? Не хочешь меня отпустить и в то же время понимаешь, что

альтернативы у нас нет... Так вот, я не должен сидеть сложа руки, чтобы не-факт гибели наших друзей стал фактом. Я пойду на юг — вместе с воинами. И чем их будет больше, тем лучше.

Кира промолчала. Она всегда была умничкой.

Наступил вечер. В становище повсюду горели костры, шумели голоса, воздух наполнял запахи жарящегося мяса. Шатры возвели далеко не все — процентов двадцать, не больше. Большинство кочевников расположилось прямо на телегах, на которых перевозили скарб, или под ними. Шатры поставили лишь там, где были больные, старые, дети или беременные на поздних сроках.

В центре временной стоянки орды плевался огненными искрами самый огромный костер. Вокруг него на приличном расстоянии полукругом развалились на шкурах старейшины, включая мою скромную персону. Кира ушла к моим бывшим наложницам, чтобы не дать остальным повода заподозрить меня в том, что мной управляет женщина-симпл.

Викентий и Франсуа вызвались обслуживать почтенное общество, поднося старейшинам куски сочащейся соком куланятины и деревянные кубки с забористым пойлом. Чуть позже, когда все старейшины оказались снабжены питьем и едой, сладкая парочка незаметно разместились в тени неподалеку.

Возле меня полулежал на мехах незнакомый тип в белой рубахе и шароварах, босый (сапоги стояли рядом), с длинными вислыми усами, без бороды и с начисто выбритой головой. Один глаз у него был выбит и выглядел как кривая черная дыра.

Когда я закончил толкать речь о пользе и преимуществах похода именно на юг через мост, этот самый кривой презрительно проговорил сквозь зубы, пожелтевшие от табака:

— Итак, ты предлагаешь, ведун Олесь, идти на юг вместо востока?

Вопрос был дебильный и явно задавался для какой-то гадкой провокации. Я как можно более спокойно и рассудительно ответил:

— Да. Бить своих же не стоит без лишней надобности.

— Мы приготовились к этой битве, — заявил косой старейшина. — Наши разведчики почти неделю рыскают по всем шести направлениям света, вынюхивая, что да как. И по их сведениям идти следует на восток.

Кое-кто из слушателей охотно закивал. Отблески пламени плясали на их темных лицах.

— Разве блистательному войску Отщепенцев сложно совершить маневр на поле боя? — чуть раздвинул я губы в усмешке.

Косой с неохотой сказал:

— Разведчики также докладывают, что вся Погань отправилась на юг...

— Тебя страшит встреча с Уродами? — в лоб спросил я.

Косой мгновенно привстал, схватился за рукоять сабли, которая была при нем. Собственно, все Отщепенцы всегда остаются вооружены.

Я не сдвинулся с места, с интересом наблюдая за его быстрыми телодвижениями. Алихан по другую сторону от меня хмыкнул. Ему тоже было интересно, что мне сделает этот косой.

Но тот уже спохватился, поняв, что не сладит с ведуном, без особого напряжения приведшим в стан целое стадо куланов и, к тому же, обладавшим неведомой волшбой, блокирующей другую волшбу.

Я прекрасно осознавал, что поступаю нечестно, играя на эмоциях этих наивных людей, которых легко зацепить за живое, обвинив, как вариант, в трусости. Умный человек, подумал я, это тот, кого трудно зацепить за живое. А если и вовсе невозможно, то это или мудрец, или мертвец.

Я примирительно промолвил:

— Я к чему... Раз Отщепенцам неважно, с каким врагом схлестнуться в битве, почему бы не освоить южные регионы?

— Какой тебе интерес на юге? — заговорил Алихан. — Там тоже живут Отщепенцы, хоть их и меньше, чем на востоке. А еще там слишком много нечеловеческих тварей. Там опасно. А с нами симплы и дети.

Вот кого-кого, а Алихана брать на слабо смысла нет. Слишком хитрый и хладнокровный наш монобровный друг.

— Я не предлагаю идти туда немедленно и всем скопом. Для начала стоило бы организовать подвижную и хорошо вооруженную дружину. Проведем разведку боем. А что касается моего интереса, то это — победа над Единым, Повелителем Поганого поля.

Насколько я успел понять за время своей жизни с Отщепенцами, легенды о Повелителе Поганого поля ходили и среди них. Верить-то в сверхъестественную сущность — душу Поганого поля — они верили, но, как водится, никакого пиетета к ней не испытывали. Кира абсолютно права: у Отщепенцев вообще слабо с каким-либо поклонением или страхом перед кем бы ты ни было. У них и религия в связи с этим какая-то неполноценная — в потусторонний мир верят, а в бога — нет. По крайней мере, я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь упоминал о Всевышнем. И священников у них нет, одни шаманы-лекари. А посмертную жизнь допускают лишь потому, что успели убедиться в странной деятельности Ведьминых кругов с их спонтанно появляющимися скелетами.

Старейшины быстро переглянулись.

Я поспешил ковать железо, пока горячо:

— У меня есть... эммм... сведения из надежных источников, что с ростом луны Единый придет в этот мир полностью...

Я кратко, но выразительно поведал о северяных и Танце Двух Сестер, когда Единый будет наиболее уязвим. Сделал акцент на то, что именно тогда его и надо бить. Про Единую Ипостась — равно как и все прочие ипостаси — упоминать не стал.

— А когда он пролезет в наш мир целиком, — рассказывал я, подбавив в голос драматизма и вращая глазами, — он превратит его в самого себя. Поганое поле — это его отпечатки в нашем мире. Представьте, что будет, если...

— Тогда волшба — тоже его отпечатки? — перебил косой. — Если убить Повелителя Поганого поля, волшба — она исчезнет, получается?

Я вовремя припомнил, как ценят волшбу Отщепенцы. Без нее они себе жизни не представляют. Из-за того, что россы лишили Джерома волшбы, они всем скопом покинули Прикордонье вопреки своей репутации любителей подраться.

— Не факт. Магия... то есть волшба проникла сюда из других миров, нечеловеческих, где не выжить обычному человеку. Даже ведуну. Когда-то давно люди взорвали очень сильное оружие, и в ткани реальности... короче, в нашем мире появились прорехи, понимаете? И в эти прорехи проникла как волшба, так и Единый. И то, и другое попало сюда не полностью. Важно то, что волшбу нам всем дал не Единый — она пришла сама по себе. Если мы уничтожим Единого со всеми его Уродами да Лего, волшба останется.

— Уверен? — спросил косой, широко распахнув единственный глаз. Он не насмешничал. Просто спрашивал, и по всему было видно, что ответ ему очень важен.

— А вы подумайте сами, — обратился я к остальным слушателям, — зачем Единому давать волшебство людям, если он желает нас завоевать? Зачем давать оружие врагу?

Витька, Ива или Кира ответили бы, что мы мало понимаем иномерные сущности с чуждой психикой. Поэтому делать выводы на основе человеческой логики не умно.

Но Отщепенцы книг не читают и наивно полагают, что все существа во вселенной должны думать примерно одинаково. Среди старейшин произошло оживление. Они задвигались, заговорили одновременно.

Нэнси сказала:

— Если мы одолеем Единого, то Око Ведьмы будет в нашем распоряжении, правда? И вся волшебство, что просачивается через это Око сюда из других миров!

Хитрая и умная бабка, мысленно одобрил я. И мне надо было сразу упираться на магическую выгоду, а не размышлять о победе над Злом. Прimitивным народам чужда идея, зато ой как понятна простая выгода.

— Правда, — сказал я. — Волшебство будет ваша... То есть наша.

Оживление и переговоры усилились. Косой и вислоусый старейшина перекрыл голосом весь этот шум:

— А кто даст гарантии, что мы справимся с Единым? И что сумеем обуздать ту волшебство, что сочится из Ока Ведьмы? Проще ведь идти на восток, там знакомый враг, и шпионы выяснили про его диспозиции все, что только можно.

— Какой воин требует гарантий, что выживет в битве? — снова попытался я взять его на понт, но на сей раз косой на провокацию не повелся:

— Тебе напомнить, что с нами симплы и дети? Скажи, чем юг лучше востока, и я соглашусь с тобой, если ты прав.

Итак, вся бравада воинственных кочевников упирается в простую расчетливость. Неудивительно: если бы Отщепенцы кидались в любую заваруху просто ради удовлетворения своей воинственности и альфасамцовости, то они не выжили бы как племя.

Я не хитрил, а прямо заявил:

— Юг опасен. И восток опасен. Допустим, мы идем на восток и побеждаем тамошнего врага — хотя даже в этом нет гарантий. Но все же представим свою победу. У нас будут пастбища и охотничьи угодья. Но со временем на нас нападут те же южане, который дорвутся до великой волшебства из Ока Ведьмы! — Я сделал внушительную паузу и продолжил: — А теперь допустим, что мы идем на юг. Там тоже не будет никаких гарантий. Но если мы победим Единого, а с ним буду сражаться лично я с помощью всех доблестных воинов, что не устроятся этой битвы, то мы станем сильнейшими во всем Поганом поле.

“Круто завернул, — похвалил я сам себя, довольный речью и произведенным эффектом. — А думал, что не обладаю красноречием!”

Но на косоного мое красноречие подействовало не особо. Он скривился еще больше:

— Ну, каков фантазер!

— Скажешь, что опасности в любом случае нет? — загорячился я. — Что Погань не ушла со всего поля на юг? Разве это не значит, что Единый усиливается?

— Опасность есть, и она там! — махнул рукой в сторону невидимой в темноте реки косой. — И мы будем глупцами, если пойдем туда же!

Я вперился в косоного взглядом, прикидывая, как свернуть ему шею. Ситуацию разрядила

Нэнси:

— Тот, кто всем рискует, в случае победы и получает все. С россами сражаться мы не можем, у них технологии и волшба, которую они отнимают у нас. Тогда отчего бы не пойти в эпицентру всей волшбы в Поганом поле и не напитаться ею так, что никто не будет нам ровня?

— Слишком много неопределенного... — закричал Алихан.

Варвара рявкнула:

— Я убью любого, кто назовет меня трусихой, но идти на юг глупо!

— Ты так думаешь, милочка? — елеиным голоском спросила ее Нэнси. — Когда-то твой отец, я и еще многие из тех, кто ныне пал, пришли с востока и повергли тех, кто жил прямо вот здесь! У них была сильная волшба, но она не остановила нас! Если пойдём на восток, пропустим самое главное! А Повелитель рано или поздно явится и сюда в полной силе. Не лучше ли его убить, когда он слаб, сис и бро? И воин для этого есть!

Она тыкнула чубуком трубки в мою сторону.

Мнения разделились. Спор продлился до глубокой ночи. Старейшины ели мясо, пили свою сивуху, пьянели, орали все громче, а я, наблюдая за ними, укреплялся во мнении, что в ближайшие сутки на окончательное решение рассчитывать не стоит. Какие же они все-таки недисциплинированные балбесы!

Викентий, который совершенно не пил, неустанно подливал всем в чарки. Не обделял вниманием и меня, не забывая каждый раз дружелюбно улыбаться. Сивуха подействовала и на меня — в моем распоряжении нет допарта, что нейтрализовывал бы алкоголь. Так что Кира права: Отщепенцам при желании не сложно меня отравить.

Нейроимплант, впрочем, предупредил, что в моем организме перебор с этиловым спиртом и прочими нехорошими веществами.

Улучив минутку, Викентий подсел ко мне и доверительным шепотом спросил:

— Как считаешь, бро Олесь, куда они пойдут?

— А ты куда бы хотел? — поинтересовался я, благосклонно поглядывая на него сквозь легкую замутненность. Под действием сивухи теплая ночь, шелест реки, треск костра, человеческие голоса — все это представлялось чем-то романтическим и приятным.

— Мне интереснее на юг, — признался Викентий. — Пора покончить с Единым. Он опасен — недаром россы от него стеной отгородились.

Я хихикнул и подавил отрыжку.

— Стену-то им снесло!

— Они уже новую выстроили, лучше прежней. Молодцы россы.

Я немного удивился этой похвале. С чего бы Отщепенцам хвалить россов и восхищаться ими? Неужели Викентий успел выпить?

— Нам пристало с ними дружить, — прямо сказал Викентий, — потому как все мы люди. А Уроды и прочие — нелюди. Вот кто настоящий враг.

Я кивнул, но все же подумал, что в этих словах Викентия есть что-то не совсем правильное. Воин — и так размышляет? Дескать, все люди братья и все такое прочее?

Вскоре я перестал по этому поводу терзать извилины. Когда стало абсолютно ясно, что совет старейшин превратился в пьянку, я ушел под мост, к ожидавшей меня Кире.

Наутро я проснулся позже обычного. Похмелья не было — не так много я и выпил накануне. Умывшись и почистив зубы, я пошел в стан, выяснять, что да как.

Все старейшины еще дрыхли кто где. Бодрствовали только Нэнси, Мухаммед и Алишер.

День выдался ветреный. Западный ветер бил по поверхности Танаиса, поднимая волну, доносил с гор запах грозы, тащил чернильные тучи. Вскоре погода наверняка сильно испортится.

Я дождался, пока проснутся остальные горе-старейшины и с кислыми похмельными мордами усядутся под навесом на новое заседание.

На сей раз дискуссия была тухлая — не то, что вчера. В итоге проголосовали, так как по-другому договориться не вышло. Победили с перевесом в один-единственный голос сторонники движения на восток.

Я был разочарован и начал прикидывать, как бы еще замотивировать этих балбесов. На ум пока что ничего достойного не приходило.

Подключать психосуггестивные Знаки, включая недоустановленный Знак Вечной Сибири, неэффективно и, как говаривали в Скучном мире, контрпродуктивно. Под действием волшбы Отщепенцы нормально не повоюют. В схватке с неведомым врагом важна инициатива, а о какой инициативе идет речь в случае с зомби, у которых промытые мозги?

Даже если я подавлю волю старейшин, когда придем на юг, мне придется снять гипноз, чтобы они лучше сражались. И Отщепенцы сразу смекнут, что их пытались провести.

К тому же поход на юг может продлиться не один день — не бодрствовать же мне сутками напролет, чтобы не отключать Знаки?

— Жаль, — резюмировала Нэнси, проголосовавшая за юг. — Не придется нам овладеть великой волшбой.

— А если я брошу клич ко всем желающим? — ухватился я за соломинку. — Что, если кто-то из воинов захочет пойти со мной? Отщепенец ведь не указывает другому Отщепенцу, куда идти.

— Только не во время войны.

“Ну и хрен с вами!” — подумал я. Значит, не судьба. Будем думать, как быть, дальше. Отказ не слишком огорчил, хотя и разочаровал. Я все же надеялся, что увлеку за собой Отщепенцев.

Вдруг я отчетливо уловил чье-то присутствие вдали — этот кто-то стремительно приближался. На интерфейсе ярко зажглась Лапа Дьявола. Меня аж затрясло от возбуждения. Не позволяя себе радоваться раньше времени, я встал во весь рост под навесом, по которому уже шлепали первые крупные капли близящейся грозы.

— Что случилось, бро Олесь? — прозвучал мягкий голос Мухаммеда.

Они ничего не чувствовали — слишком далеко пришельцы для их персональных радаров, к тому же мой допарт глушит магическое чутье.

Но в стане, наполненном привычной суетой, зазвучали изумленные вскрики и восторженный визг детей. Забив на важность и статусность, старейшины выбежали из-под навеса и вслед за толпой устремились вниз по пологому берегу.

С низовьев реки к нам стремительно приближались драккары — мерно и синхронно вздымались и опускались весла в свинцовую от отраженных в ней туч воду, хлопали паруса с пламенеющим на них зловещим Знаком. Сердце у меня пропустило удар, а затем забилось с удвоенной скоростью. Сколько же там кораблей? Один, два, три, пять... десять?

Нет, двенадцать больших драккаров, целая дюжина! Невероятно! Она сдержала слово!

— Это еще кто? — не своим голосом прохрипел Мухаммед.

Загрохотал гром, и с потемневшего неба на землю и воду обрушились потоки. Мигом

похолодало, и сгустились сумерки, как поздним вечером. Я сразу вымок с головы до ног. Обернувшись, нашел взглядом Киру, стоявшую среди толпы симплов. Все они таращились на речных гостей. Я чуял Киру, но захотелось взглянуть ей в лицо.

В практически полной тишине я проговорил:

— Северяне пожаловали...

Никто и не подумал спрятаться от дождя. Отщепенцы-ведуны, лишённые магического видения, хватались за оружие, но явно не знали, что делать дальше. Они никогда прежде не встречались ни с чем подобным. В другой ситуации они наверняка постарались бы занять выгодную позицию за телегами и любой возвышенностью, чтобы спрятаться от возможного обстрела и обстрелять супостата самим, но сейчас старейшины молчали, и никто ничего не предпринимал.

Сквозь пелену ливня я разглядел, как цветные корабли останавливаются у берегов. Весла поднялись и одновременно втянулись в отверстия в бортах. Из дыры в передних частях вывалились якоря на цепях (похожие на Лапу) — течение потянуло корму вниз по реке, но носы по-прежнему направлялись на запад.

Через борта драккаров молча и ловко перепрыгивали ряд за рядом воины в кожаных доспехах, с закрытыми лицами. Те самые неубиваемые зомби шаманки. Они принялись выстраиваться на берегу с нечеловеческой скупостью движений и скоростью.

— Это симботы? — громко спросил юный и звонкий голос. Ему никто не ответил.

Симботы, ага, проговорил я про себя. Только сделанные не из металла и пластика, а из настоящих людей...

До меня дошло, что недавнее голосование больше не имеет никакого значения. Вообще никакого. С двенадцатью драккарами, в каждом из которых не менее тридцати воинов, которых очень трудно убить, Отщепенцы не сильно-то мне и сдались...

Старейшины между тем очнулись от изумления. В толпе зашевелились; Алихан, Мухаммед, Нэнси и другие распахивали людей, чтобы пробиться к самой воде. Я последовал за ними. Видимо, старейшины решили, что не время таращиться — пора и проявить инициативу и как минимум поприветствовать незваных (на самом деле званых, но кто об этом, кроме меня и Киры, знает?) гостей.

Самый первый, большой и красочный драккар перекинул на берег деревянный трап, по которому спустились три высоких, выше остальных, воина. Они помогли спуститься древней на вид бабке в длинном балахоне из блестящей темно-синей ткани. Я узнал ее: длинные седые волосы, морщинистое темное лицо, когда-то широкие плечи и нехилая стать, ныне согнутая многими прожитыми годами. Шаманка Виталина Михайловна, чей виртуальный аватар в Скучном мире был моим учителем по боксу.

Осторожно нащупывая ногами в сапожках прибитые к трапу параллельные доски-ступени, старуха перестала держаться за воинов и выпрямилась с видом особы королевской крови. Черные глаза пронзительно оглядели нас — потрясенных и шокированных представлением.

Найдя взглядом меня, Виталина Михайловна улыбнулась:

— Ну что, Олесь, ты позвал — я пришла. И не одна, как видишь, со своим скромным войском. Нашел Око Ведьмы? Узнал, когда Танец?

— Да, — сказал я. — И... да.

— Вот и прекрасно. Познакомься, кстати, с моими правнучками...

Она махнула рукой в сторону. Вела она себя так, будто кроме меня и прочих северян

рядом вообще никого не было. Отщепенцев она игнорировала, потому что они, как я понял, пока не представились. Вот назовут себя, Виталина на них и обратит внимание. Благородные личности не навязываются тем, кто ведет себя как деревенщина с разинутыми ртами.

Я попытался разглядеть поблизости правнучек, ожидая увидеть маленьких девочек и недоумеваю, зачем тащить на войну детей. Но три высоких воина сняли шлемы, тряхнули пышными гривами волос, и я сам разинул рот.

— Регина, Рената и Злата, — представила их Виталина.

Злата была блондинкой и вправду имела локоны золотого цвета, Рената — жгучей брюнеткой, а Регина — рыжей. Причем натуральной рыжей, с выцветшими бровями и белыми ресницами, с усыпанным веснушками лицом.

Что и говорить, все трое правнучек были эффектными девами лет около тридцати. Не сказать, что ослепительными красавицами — хотя, если их накрасить... В выражении их обветренных лиц читалось что-то абсолютно не женское, твердое, почти хищное.

Я прощупал их В-сканером: признаков магии нет. Обычные амазонки. Если, конечно, амазонки бывают обычными. И вроде бы не манкурты наподобие остальных воинов, ауры которых выглядит так, будто их обладатель крепко спит.

Когда правнучки сняли шлемы, явно зная, какое произведут впечатление, над толпой Отщепенцев прокатился вздох. Мужики и некоторые женщины просто пожирали боевых дев глазами и пускали слюни.

Я внезапно обратил внимание, что среди нас нет ни Викентия, ни Франсуа. Куда подевалась эта парочка?

Дождь понемногу усиливался, вдаль с почерневших небес на равнину спускались косые полосы ливня. Погромыхивал гром и посверкивали молнии.

Наконец дар речи обрела Люция, озиравшая пришельцев со смесью восторга и чисто женского презрения:

— Ты призвал северян, бро Олесь? На войну с Единым? Но как?

— Волшбой, как же еще?

— А ты силен! — одобрила она. — Кого еще ты призвал?

Я помедлил с ответом. Рановато открывать все карты, среди которых других козырей нет.

— Пока что только их, — наконец ответил я, сделав акцент на слове “пока”.

— Они сильные бойцы? — осведомилась Люция. Она держалась за рукоять сабли, грудь ее вздымалась от возбуждения. Ей уже хотелось подраться.

— Можешь не сомневаться.

“Интересно, с кем воюют у себя северяне? — задался я вопросом. — Отщепенцы не теряют навыки сражения в Прикордонье и в постоянных стычках между становищами. Получается, у северян тоже несколько становищ?”

Ну да, тут же ответил я сам себе. Как же иначе? Вряд ли на севере существуют огромные города. Самый большой северный город — это Князьград-2. Севернее живут варвары вроде вот этих, и живут они небольшими поселениями, между которыми должны происходить столкновения за небогатые ресурсы.

Хотя на самом деле с северянами не все ясно, учитывая манкуртов. Настоящее ли это племя или это что-то чуждое естественному порядку вещей? Не исключено, что настоящих людей там мало, а большую часть населения составляют эти зомби.

Отщепенцы и симплы наконец окончательно пришли в себя от потрясения. В толпе

зашевелились, заговорили, даже заорали, кто-то вплотную подошел к безликим солдатам, замершим как изваяния, начал трогать доспехи. Я ощутил, как многие Отщепенцы пытаются просканировать солдат, надавить на них волшебной силой, и как это у них не получается.

Шаманка подошла ко мне поближе.

— Видишь, колдун, есть во мне еще силенки-то, а?! Да и девки мои в самом соку... я про боевую силу и маленько боевую магию.

— Вижу, Виталина Михайловна, — покорно согласился я, и шаманка захохотала низким хриплым голосом.

Я был страшно рад прибытию северян. Как вовремя! Выполнила шаманка обещание, надо же! Я в ее обещание не особо-то и верил, надо признаться. Скучный мир внушил мне мысль, что на людей нельзя полагаться...

— Сколько всего у вас воинов? — понизив голос, перешел я к насущным делам.

— Четыреста двадцать два. Всех собрала, что было.

“Всех? Так мало? — изумился я. — Сколько же всего их там, на севере?”

У меня, видно, разочарованно вытянулась рожа, потому что Виталина строго спросила:

— А тебе сколько надо? Каждый мой воин десятерых стоит, если не больше.

Да, в этом мне довелось убедиться в заброшенном Князьграде-1, во время битвы на берегу под проливным дождем. Сейчас тоже шел дождь — почему появление северян всегда происходит в непогоду?

— Как вы перебрались через горы? — спросил я.

— По рекам восточнее горной гряды. Пару раз воины корабли на плечах переносили.

“Фигасе!” — подумал я.

— Потом до Мутного моря добрались, — продолжила Виталина. — А оттуда вверх по течению Танаиса.

— На вас... э-э-э... — начала Нэнси. — На вас нападали люди, похожие на нас?

Старуха усмехнулась.

— Пытались, да опозорились маленько. Ну? — внезапно рявкнула она. — Кто-нибудь даст старой женщине отдохнуть от душной каюты и качки? Я, между прочим, устала!

Я обернулся к Нэнси, Люции и остальным сгрудившимся Отщепенцам.

— Поставьте шатер и накройте на стол, — велел я с таким видом, словно меня избрали Великим Князем.

Но никто не вякнул, как я и ожидал; один косою и вислоусый недовольно поморщился. Слишком сильное впечатление произвели северяне на Отщепенцев. И то, что их позвал я.

Старейшины принялись распоряжаться, и симплы засуетились.

Настроение в стане изменилось кардинальным образом. Все оживились, и до меня донеслись разговоры о скорой магической битве на юге от Танаиса.

После застолья в специально возведенном шатре, где Виталина и ее амазонки перезнакомились со всеми старейшинами и поведали в деталях о древней миссии, гости вышли к обычным людям и продолжили общение. Вокруг них сразу образовалась толпа. Виталина вещала мощным голосом, а я думал: “Вот это и есть настоящее красноречие! Она не пытается заинтересовать Отщепенцев мелкими выгодами, как я, или брать на понт. Она давит прямоком на их архетипы. Борьба добра со злом, блин! Великая миссия всех людей! Как красиво и как глупо на самом деле — но ведь работает же!”

Когда проповедь закончилась (это была именно проповедь, в течение которой Виталина то и дело переходила на заунывный и ввергающий в транс речитатив), кто-то из Отщепенек

— не Люция, как ни странно, — вызвал северных красавиц на “дружеский поединок”. Я уж испугался, что сейчас они друг друга зарубят, но поединки действительно были дружескими. Короткая схватка под проливным дождем, звон клинков — и женщины, Отщепенцы и северяне, уже хохотали и обнимались.

Вечером ожидаемо снова был пир горой. Гроза ушла на восток, было прохладно и влажно, река немного вышла из берегов и плескалась у самых шатров не совсем временного стана. Рекой лилась сивуха, жарилось мясо бедных куланов.

Манкурты в большинстве ушли по приказу Виталины на свои драккары, остался небольшой отряд из двух десятков солдат. Они стояли на берегу, вызывая любопытство всех без исключения кочевников, особенно детей. Но вскоре любопытство поугасло, и все переключилось на пир.

Поздним вечером Виталина и правнучки тоже ушли на драккар, отказавшись ночевать в шатре, что, по моему мнению, было вполне разумным шагом.

Глубокой ночью меня разбудили грохот и крики. Не вполне проснувшись, я вылетел из палатки, включил сканер на полную мощность. В свете тоненькой луны трудно было что-либо разглядеть, но магическое чутье сразу все расставило по своим местам.

С востока к нам приближалось большое количество людей и животных. Я, а следом Кира, взбежал на мост. Из стана доносились короткие команды и ржание лошадей. Шум подняли патрульные, которые не теряли бдительности, и сейчас Отщепенцы в темпе седлали коней, готовясь к ночному сражению.

Сканер доложил, что среди приближающегося войска практически нет симплов и детей со стариками. В темноте вдали краснело множество точек — это горели факелы в руках приближающихся. За войском шла небольшая отара овец и короткий обоз.

Все указывало на то, что к нам движется мобильное войско, а не становище.

Наши Отщепенцы выстроились в большой отряд с удивившей меня быстротой. Я-то считал, что после пира их не добудишься. Ан нет — понадобилось, и все в полном боевом прикиде, на конях, с луками, стрелами и саблями.

Восточное войско остановилось невдалеке, за небольшой возвышенностью. С их стороны с факелом и белым флагом прискакал гонец для переговоров.

После коротких переговоров я вернулся к Кире — сообщить новости, от которых бурлила кровь в жилах, и успокоить.

— Что они хотят? — спросила она.

В руке она держала саблю, похожую на ее любимый и давно утерянный ятаган.

— Это те, кто напал на северян ниже по течению, — объяснил я, плохо скрывая радость. — Им взбрело в бошки, что северяне плывут на войну с россами, и вот — решили подсобить.

— И что теперь — когда они узнали, что воевать с россами мы не будем? Они помогут с Единым?

— Наверняка. Виталина кому хочешь свернет мозги в любую сторону. Нашим тоже уже не терпится пойти по мосту на юг, чтобы восстановить вселенское равновесие.

— Виталина свернет мозги? — уточнила Кира. — Или ее правнучки?

Я притянул Киру к себе, не обращая внимания на саблю, и поцеловал в губы.

— Мне на них пофиг, Кира. Ты у меня одна.

— Я знаю, — спокойно ответила она.

Чудеса на этом не закончились. Утром на рассвете, после практически бессонной ночи,

на западе раздалось рычание моторов. На байках с шарообразными колесами, придающими транспорту вид гантелей, к нам приближались россы — целая сотня, если не больше. Все были одеты в одинаковые маскировочные хламиды — такую носил Габриэль в бытность свою мужиком.

Среди россов затесались два всадника — один рыжий, другой черный. Викентий и Франсуа.

Глава 14. Око Ведьмы

— А-а-а! Ху-у-уррр! — завопили в толпе.

Вокруг затопали, зашумели, и я моргнуть не успел, как Отщепенцы верхом на конях выстроились в боевые порядки. Солнце только-только выглянуло из-за горизонта, и его красные лучи отражались в металлических деталях сбруи и обнаженных клинках.

“Вырубить Лапу Дьявола, чтобы дать силу Отщепенцам? — прикинул я. — Но и россы научились колдовать. При этом у них — высокотехнологическое оружие. Отщепенцы любому будут в проигрыше...”

Восточные кочевники стояли с “нашими” плечом к плечу против общего врага. Просто удивительно, как сплотило их внезапное появление росссов. Малейший резкий жест со стороны росссов спровоцировал бы нападение и мясорубку.

Викентий, который не мог не ожидать такой реакции, поспешно крикнул:

— Стойте, бро и сис! Мы пришли с миром! ОНИ пришли с миром!

Он махнул рукой назад, на ряды безмолвно сидящих на своих байках росссов. На всех них красовались шлемы — такие же хамелеоны, как и хламиды. Щитки, закрывающие лица, были приподняты, и я видел холеные морды с глазами самых диких расцветок. Щеки и лбы у многих разукрашены какими-то абстракциями — наверное, это российский боевой раскрас. Байкеры излучали невозмутимость, хотя кое-кто насмешливо ухмылялся и не пытался этого скрывать. Отщепенцев они не боялись. Или не сомневались, что атаки не последует.

Мухаммед выдвинулся из ряда Отщепенцев на вороном скакуне. Загромыхал зычным басом:

— А вы двое?! На чьей вы стороне?

— На человеческой! — не затруднился с ответом Викентий, а Франсуа закивал с улыбкой.

— Не хитри, сын лисы! Ты предатель и шпион! Как долго ты докладываешь о наших делах своим хозяевам росссам?

Кто-то в войске засвистел, загоготал, потряс оружием. В адрес Викентия и Франсуа полетели шуточки и завуалированные оскорбления. Пока только это. Ситуация была явно взрывоопасной. Еще миг — и в пришельцев полетят не только оскорбления. И никого не смутит то, что россы не пытаются напасть.

Мухаммед снова разинул рот, чтобы прокричать что-нибудь этакое, отчего кровь закипит в жилах. Но я выскочил перед его конем — пешком, на коня не успел взгромоздиться, не приобрел еще таких навыков.

— Пусть говорит! — проревел я не хуже зычногoлoсoгo старейшины.

Войско поутихло, но в разговор встрял косой, вислоусый старейшина, невзлюбивший меня с первого взгляда.

— А почему ты постоянно командуешь? — запальчиво поинтересовался он.

На своей рыжей кобыле он проскакал вокруг меня. Вылетевшая из-под копыт глина вперемешку с молодой травой попала мне на штаны. Меня окатило запахом лошадиного пота.

Не теряя времени на пустые препирания, я обрушил на него энергию всех Знаков. Этого хватило, чтобы косой повалился вместе с кобылой. Кобыла, взметнув ногами и гривой,

вскочила первой и во весь опор поскакала прямо на мелководе. Остановилась лишь по брюхо в воде.

Косой лежал на спине, глядя на меня одним глазом; лицо его побледнело, и это было заметно, несмотря на густую вязь татуировок.

До меня донеслось отчетливое хихиканье. Шаманка! — понял я, даже не оборачиваясь. Я чуял ее В-сканером.

— Потому что, — раздался ее голос среди всадников, — время сейчас такое! Должен кто-то один командовать! Не время болтать и обсуждать каждый шаг!

Она вышла вперед, попутно отпихнув с дороги какого-то всадника своим посохом.

Я кивнул ей и обратился к Викентию:

— Говори быстро и не увливая: зачем вы пришли?

Собственно, я уже понимал, зачем они пришли, но надо было соблюсти приличия и сыграть роль в этом спектакле для воинственных и не слишком привередливых зрителей. Во все времена людям нужны хлеб и зрелища. Хлеб, то есть мясо, я им дал. Теперь вот предлагаю зрелище под названием “переговоры с бывшим врагом и новым союзником”.

— Помочь! — громче, чем следовало, проговорил Викентий. Он прекрасно понимал, что происходит, и старался, чтобы его слышали в самых дальних рядах.

— Помочь? — с расстановкой переспросил я. Всегда есть тугоухие или тугодумные зрители. — В чем именно вы хотите нам помочь?

Викентий сделал паузу, которая сделала бы честь любому оратору — иногда тишина между словами важнее самих слов, — затем прокричал:

— В уничтожении Единого!

Позади меня, среди рядов Отщепенцев, произошло движение.

— Почему именно сейчас? — продолжил я вопрошать, играя на публику. — Почему не раньше?

Сзади заворчали, заговорили — кто недовольно и злобно, кто с возбуждением и восторгом.

— Мы и срать с россами в одной степи не сядем! — раздался разбитной голос.

— Его никто не выбирал! — вторил ему другой, потоньше и противнее. Его обладатель, по всей видимости, подразумевал меня. — И татуировки у него странные, видите, бро и сис? Цветные! И исчезают! Не наша это волшба, чужая!

Я опустил глаза — так и есть, руки покрыты трехцветными полосами и кругами. Мое тело излучало магию, как раскаленная печь жар.

— Россы волшбу отбирают! — заорал кто-то третий.

Вперед выдвинулась Люция на своей кобыле.

— Они убили Джерома! — проревела она, заглушив прочих крикунов. Глаза ее горели от ненависти. Она была готова прямо сейчас ринуться на россов и начать их кромсать.

— Они и так всех сильнее...

— Подлые они, ни стыда, ни совести...

— Ну и что, что сильные они? Навалимся всем скопом — ни один ведун или росс не выдержит силушку народную.

Не знаю, кто выкрикнул эту последнюю фразу, но мне она пришлась по душе. И правда, силушка народная куда мощнее любого ведуна, занявшего трон и возомнившего невесть что. Только вот народ часто забывает о своей силушке, погрязнув в рутине и лжи.

Я откашлялся и заорал:

— Да не нужна мне эта ваша клятая власть! Поймите же вы наконец! Когда с Единым разберемся, я уйду на север, откуда пришел!

Насупившись, я уставился на Отщепенцев. Кони всхрапывали, над ними начала виться мошка. Солнце стремительно поднималось над миром. Косой боком-боком пробрался к берегу и принялся выманивать из воды испуганного скакуна. Чуть в стороне от остальных стояла шаманка, а рядом с ней — ее статные красавишны-правнучки. Им же компанию составила Кира. Все они одобрительно кивали мне.

А еще я заметил, что некоторые старейшины склонны прислушиваться именно к моим словам. Лица у них были невозмутимые, крикунов они не поддерживали, но мой сканер показывал, что от них исходят волны одобрения и заинтересованного ожидания.

Мухаммед огладил черную бороду и елеиным голосом поинтересовался:

— Если не нужна тебе власть... если на север уйдешь... Зачем Николая ударил, разговаривать не стал?

Это он про косого, догадался я.

— Потому что не время собачиться! — ответил я. — И палки в колеса вставлять!

Я понадеялся, что Отщепенцам знакома метафора с палками и колесами.

Мухаммед слегка кивнул, в бороде сверкнули белые зубы.

— Чем докажешь, что уйдешь после победы? — тем же вкрадчивым тоном спросил он. — На твоей стороне северяне и, надо думать, россы. У тебя слишком много силы, чтобы просто так отступить!

Под конец фразы он возвысил голос, и орава снова пришла в возбуждение.

Я тоже улыбнулся, глядя на него снизу вверх:

— Не суди по себе, дорогой мой бро Мухаммед! Ты бы на моем месте обязательно покорил всех, да повел в завоевательные походы, верно? А вот мне такой геморрой не нужен!

Если про палки в колесах Отщепенцы слыхали, то идиома с геморроем была им в новинку. Варвара и Нэнси залились визгливым смехом, его подхватили некоторые другие воины. Алихан сдержанно улыбался, наблюдая за нашей с Мухаммедом пикировкой.

— И правда, сис и бро, — заговорила Варвара, — не время собачиться.

Люция продолжала буравить россов и Викентия взглядом. Эх, Джерома она им нескоро простит... Если вообще простит.

— Россы мне не друзья, — решил я прояснить ситуацию, пока не поздно. — Они держали в плену мою подругу! И до сих пор хотят отобрать мою волшбу — видите, она особенная, со всего Поганого поля собранная? Нам с друзьями пришлось взорвать их стену, чтобы они нас отпустили...

И тут я попал в точку. Все мигом заглохло, словно их выключили. Если б не взрыв стены, и остальным становищам не унести ног с Прикордонья. Именно после взрыва у россов поубавилось апломба, и они стали куда стоворчивее.

Даже байкеры перестали гадко ухмыляться.

Викентий воспользовался паузой и сказал:

— Россы пришли именно сейчас, бро и сис, потому что мы с Франсуа доложили им о положении дел... Сложно все. Россы знают легенды о Повелителе Поганого поля — а тут все в точности совпало! Аналики... Аналитики Республики Росс, — не с первого раза выговорил Викентий, — полагают, что у Единого есть особое время для того, чтобы в силу войти, а есть время, когда силу потерять. Он — как луна!

Он тыкнул пальцем в небо, и многие послушно задрали головы, хотя никакой луны видно не было в светлеющем утреннем небе.

— Фазы активности — вот как это называют аналитики, — вспомнил Викентий умные слова. — В некоторые фазы его можно убить. Нельзя такое упускать, бро и сис. Хватит прятаться за стеной...

Алихан степенно и миролюбиво спросил Викентия:

— Чем россы вас с Франсуа купили? И когда?

Рыжий Отщепенец не смутился:

— Много лет тому. И не покупали они нас. Просто все мы одно дело делаем. Для того и дрались мы все в Прикордонье, чтобы боевых умений не растерять и в нужный час выйти против общего врага...

Внезапно над моим ухом ядовито свистнуло, Викентий молниеносно поднял круглый и легкий щит, и стрелы, пущенные в него, звонко ударились о металлические нашлепки. Викентий тут же опустил щит и вытянул вперед руку ладонью вперед. На ладони темнел Глаз Урода.

Невероятная реакция Викентия и его волшба застали стрелков врасплох. Вероятно, Викентий просто заставил коней встать на дыбы, уронив седоков. Магический удар вышел отличным — совсем как тогда, когда таким же приемом Викентий выбил из седла Киру.

Я осознал, что выключил Знак Лапы Дьявола, беспокоясь за Отщепенцев перед россами. Сделал это почти бессознательно. Вот Викентий и ушатал стрелков. Кстати, они были мне незнакомы — прибыли из восточных становищ. Силен наш рыжий...

Но сила и быстрота Викентия не впечатлила восточных кочевников. С криками ярости они пришпорили коней и ринулись в атаку на россов и двух “предателей”. К восточным присоединилась и гортанно завопившая что-то Люция, которая, казалось, только и ждала начала драки.

Времени рассусоливать, уговаривать, искать коня и оружие не было абсолютно. Плохо понимая, что делаю, я ринулся наперерез самому первому из восточных, как регбист, и врезался сбоку в круп коня. Сила богатырская не подвела — удар оказался такой мощности, что конь рухнул вместе с Отщепенцем и встал далеко не сразу.

Я развернулся и выдернул второго атакующего из седла, схватив его за ногу и руку, как это когда-то сделала Ива. Кто-то попытался рубануть меня саблей, но я включил боевой режим, увернулся, отобрал саблю и отправил противника в полет в его же соседа. Оба повалились по ту сторону испуганной лошади.

Наверное, это противостояние одного безоружного, но здоровенного и разукрашенного мужика с целым конным отрядом впечатлило всех свидетелей данного действия. И меня самого в том числе. Я знал, что Знак Дольмена развил во мне чудовищную физическую силу, но какую именно, я и не подозревал. Я был как Портос, раздающий затрецины гвардейцам кардинала; как Геракл, вразумляющий пьяных греческих гопников; как взрослый дядя, лупящий расшалившихся салаг.

Тем не менее бой уже было не остановить. Отщепенцы — народ дикий и воинственный. Если у собаки Павлова слюнки текут от вспыхнувшей лампочки, то у Отщепенцев включается инстинкт сражения, стоит только начать. Я подозревал, что если уничтожить девяносто процентов воинов, оставшиеся десять будут биться до последнего вздоха и ни разу не дрогнут.

Но на мою сторону неожиданно перешли блистательные правнучки шаманки — Рената,

Регина и Злата, — а также Кира Огнепоклонница, Варвара и еще несколько женщин из “нашего” становища. Сделали ли они это из женского упрямства, женской мудрости, женской глупости или вовсе ничто женское тут ни при чем? Не знаю. Но бабский отряд вломился в взбесившихся восточных кочевников с силой колуна из закаленной стали.

Правнучки почти сразу вырубили Люцию и принялись за остальных. Я работал на пределе сил, со страхом ожидая, что скоро выключится мой боевой режим. Или что к сражающимся присоединятся другие Отщепенцы.

Я начал пробиваться между гарцующими всадниками к Кире, раздавая удары направо и налево без разбора, но не успел — сражение закончилось. Тех, кто атаковал россов и Викентия, оказалось всего пара десятков. Все они валялись на земле — кое-кто с вывихнутыми руками и разбитыми мордами. Кони разбежались и стояли неподалеку, нервно прядая ушами и взмахивая хвостами.

Россы же за все это время не шелохнулись, наблюдая за сварой с ехидными ухмылками, словно на них никто и не нападал. Не двинулось и большинство Отщепенцев, сидящих на лошадях с невозмутимыми физиономиями, как у Чингачгука на тропе войны.

После этой захлебнувшейся атаки мне пришлось потратить немало времени на то, чтобы вбить в твердые головы восточных кочевников, что россы отныне — наши союзники. Не надо их любить и уважать. Просто надо работать плечом к плечу. Ничего личного, просто работа. Все ведь видели, что россы спокойно сидят на своих байках и ни на кого не нападают? Все согласны с тем, что напали именно восточные кочевники и кое-кто из наших, демонстрируя тем самым свое бескультурье?

Я подошел к Люции, которая сидела прямо на земле мрачная, перемазанная в глине, с разбитыми губами. Не знаю, кто ее ударил — возможно, я сам в пылу драки.

— Люция! Да как ты не поймешь: не время драться друг с другом! — обратился я к ней. — Вот победим Единого, тогда и разберешься со своими обидами.

Она ответила не сразу. Дернув мощным плечом, процедила:

— Уж я-то разберусь...

Проигнорировав мою протянутую руку, она рывком поднялась на ноги и ушла широким мужским шагом.

Ладно, подумал я с мрачной удовлетворенностью. На первый раз и такая реакция сойдет. Пока проблем от нее ждать не стоит, не подлый она человек. Как, собственно, и все Отщепенцы, которые всегда предпочитают драться в открытую, а не интриговать за спиной. И к отравлению прибегнут в случае крайней нужды. Инфантильный они народ — но в этом есть и что-то симпатичное.

Я подошел к Кире и отвел ее в сторонку. Она сразу по-хозяйски принялась возиться с моей порванной рубахой. Я мягко отвел ее руки и сказал:

— Кира, ты останешься здесь... с симпами и налож... Катериной и Азалией.

Она мгновенно оцетинилась:

— С чего это? Ты охренел, Панов?

— Не хочу и тебя потерять...

— Вот и не теряй!

— Ты женщина...

— Вот не надо мне этой мизогинии, хорошо? — раздраженно сказала моя начитанная Кира. — Чем я хуже тебя, если не считать твоих допартов?

— Мои допараты придется считать, — возразил я.

— Я не останусь!

— Это глупо, — принялся я увещевать, но Кира решительно перебила:

— Еще глупее оставаться вдали от такого могучего ведуна, как ты.

— Ты должна заботиться не только о своем здоровье... — сказал я и посмотрел на ее плоский живот.

Глаза у Киры широко распахнулись.

— Ты что, думаешь, я беременна?

— Я не прав? — осторожно спросил я.

— Я не беременна! — вскрикнула Кира. Оглянувшись, смутилась, и под загаром вспыхнул румянец.

Я прищурился, приглядываясь к ее ауре внимательнее. Энергетика ее тела изменилась, но я не совсем понимал, о чем это должно свидетельствовать. Это изменение я засек несколько дней назад, но не смог интерпретировать. Возможно, она просто была влюблена...

— Откуда ты знаешь, что не беременна? — тихо уточнил я.

— Просто знаю и все, — упрямо сказала Кира. — У меня свое чутье и третье око вместе с Б-сканером.

— Каким Б-сканером?

Она усмехнулась.

— Бабским сканером!

Мне пришлось отступить. С мечтой оставить Киру на северном берегу покончено — хотя и до этого разговора я ни на что особо не надеялся.

День выдался жаркий во всех отношениях. К вечеру восточные кочевники, россы и некоторые из наших кое-как помирились и в дальнейшем делали вид, что тупо не замечают друг друга. Россы разбили выше по течению лагерь из полупрозрачных палаток, как бы склеенных из пластиковых шестиугольников. Восточные и наши чистили оружие, точили сабли, перебирали стрелы, мыли лошадей — в общем, готовились к походу. Северяне частично неподвижно стояли на берегу, частично сидели у себя в драккарах. Шаманка с правнучками обходила воинов и беседовала со всеми на южном наречии, промывая заодно мозги.

С нейрочипом, обеспечивающим мне феноменальную память, я как-то позабыл, что в этих краях разговаривают на разных диалектах, и не сразу заметил, что Виталина Михайловна с момента появления свободно изъясняется по-отщепенски. Судя по всему, она не впервые на юге, а память у нее прекрасная, несмотря на возраст.

— Как думаешь, где ее правнуки? — спросила меня Кира, когда я вернулся в нашу скромную палатку под мостом. — В смысле, мальчишки? И есть ли среди ее биоботов девушки?

— Ты имеешь в виду, что всех парней они зомбируют?

— Похоже на то.

— Амазонки-некроманты? — фыркнул я. — Как-нибудь надо спросить. А сейчас это не особо-то и важно. Главное, чтобы бились как следует. Завтра выступаем.

Все разношерстное войско угомонилось довольно рано, выставив патрули. Никакого пира не последовало; мясо успели засушить и завялить. Что же, и то хорошо. Не хватало еще похмелья перед самой главной битвой Поганого поля.

Ночью снова снился тяжелый сон про туманную темную равнину, по которой я бродил, как Ежик в Тумане. Но Пятерых нигде не было. Зато было бесконечное болото, с кочками влажной липкой травы, подернутыми ряской омутами, желтоватыми испарениями.

Возле одной из кочек лицом вниз лежал человек — судя по всему, умерший давно. В изорванной одежде, грязный, разбухший.

Я почему-то встал рядом, глядя на него. Что-то меня к этому мертвецу притягивало...

Чуть дальше, среди кустов с голыми ветвями, сидела с раскинутыми ногами и руками, как большая сломанная кукла, женщина. Половина ее лица была содрана, и я видел серую ноздреватую массу, пронизанную тонкими металлическими проводами. Один глаз повис на щеке, зубы на поврежденной половине рта щерились в ухмылке. Женщина дергалась, как от ударов током — или как сломанный, заклинивший механизм.

Вдруг она заговорила ровным, скрипучим, нечеловеческим голосом:

“Я пыталась, Олесь, я пыталась спасти Витьку, но Единый слишком силен... Я пыталась, Олесь, я пыталась спасти Витьку, но Единый слишком силен...”

Она снова и снова повторяла эту фразу, подергиваясь и глядя мимо меня. Она была как заезженная пластинка.

Я не сразу выдавил:

“Кто его убил? Как?”

Не дожидаясь ответа, наклонился и перевернул труп пацана. Его лицо сильно изменилось, но, как ни странно, оставалось узнаваемым, несмотря на темные пятна гниения. Губы сгнили, обнажая почерневшие зубы, вместо глаз — рваные черные дыры. Из рта и глазниц выползли мелкие бледные черви.

Во сне у меня не было ни страха, ни отвращения. Лишь бесконечное, как эта равнина, горе...

Мертвый Витька шевельнул сгнившими губами и внезапно спросил:

“Зачем ты меня отпустил, Олесь? А после сам за мной не пошел, Иву послал... Здесь слишком много волшбы, любой робот глюканет. Тут ведун нужен! А ты струсил...”

К горю присоединились вина и острый стыд.

“Я не... — начал было я, но твердо продолжил: — Да, я струсил”.

Витька начал стремительно разлагаться, плоть таяла, как воск на огне, испарялась, повисала комками на костях — и вот, передо мной в темной воде лежит скелет. Он медленно тонул в болоте.

...Я проснулся в палатке рядом с Кирой. Стояла глухая ночь, луны не было, светили звезды. Река заунывно и монотонно шумела; сверху, на пригорке, слышались негромкие голоса патрульных; похрапывали лошади.

Решив немного развеяться после неприятного сна, а заодно осмотреться, я вылез из палатки. Кира не проснулась. Стараясь не думать о сне, я медленно пошел по речной гальке вдоль воды. На пригорке, где засел один из патрульных отрядов, горел костерок, и оттуда доносился запах жарящегося мяса. Жрут, черти, ни о чем не переживают. Подумаешь, битва! Для Отщепенца на войну сходить, как в супермаркет прогуляться.

Драккары черными тенями покачивались на невидимых волнах. Возле них по-прежнему несли вахту солдаты-северяне. Так же когда-то и Ива несла караул в нашем крохотном лагере...

“Итак, — сказал я себе, чтобы отогнать ненужные мысли о пропавших друзьях, — послезавтра Танец Двух Сестер. Луна пойдет на рост, и Единый перейдет в фазу перехода в

Единую Ипостась, когда будет наиболее уязвим”.

Впереди на берегу стояла высокая фигура, замотанная в накидку. Я сразу узнал шаманку — не с помощью зрения, а посредством волшбы.

— Что, не спится, ведун? — поприветствовала меня Виталина Михайловна. Говорила она негромко, старческим голосом, в котором еще слышались былые могучие нотки великой воительницы.

— Тебе, погляжу, тоже? — парировал я.

— Так старая я... — хихикнула она.

Я улыбнулся, хотя не был уверен, увидит ли она мою улыбку в темноте.

— Помню, как ты в теле Пустой в воде стояла... — сказал я, — в чем мать родила.

Шаманка покачала седой головой.

— Эх! Хороша я была, согласишься? Тело мое было роскошно... А сейчас и показать нечего...

— Жалеешь, что больше нет у тебя роскошного тела? — неожиданно для себя спросил я. Вопрос жестокий, но отчего-то нужный — я это понимал интуитивно. Кроме того, я не сомневался, что шаманка не обидится.

Она и не обиделась:

— Жалею, ведун. И в то же время, доведись снова тот день прожить, когда тебя встретила, все равно волшбу отдала бы. В природе все должно идти своим чередом, а старость — уступать место молодости. Как и моя предшественница мне место уступила, так и я уступлю свое кому-нибудь из правнучек... Глядишь, и всем троим сразу уступлю!

Она тихонько рассмеялась. Смех слился с плеском речных волн.

Я был сбит с толку.

— Внукам? Но ты ж отдала Знак мне?

— У меня еще остались, — фыркнула бабка. — Волшба не только на Знаках завязана. Волшба пришла в наш мир вместе с Единым из других миров. Но Знаки — самые сильные из всего магического, что явилось к нам... А ты, Олесь, у нас на севере жить не хочешь, правда? Вот потому и правнучкам власть передаю. Хотя и тебя будем всегда ждать.

Мне кое-что припомнилось.

— Ты можешь снова проникнуть в тело Пустого?

— Сейчас не могу. И никто не может. Погань на контакт не идет. А раньше проще было. Пустые — они ж тонкие совсем, не то что Уроды. Будто духи или привидения. Много кто из колдунов их использовал для подглядывания, шпионажа всякого. Или чтоб напугать кого...

Припомнилась та ненастная ночь, когда ко мне явился Борис со вторым безликим всадником и Пустыми. Я тогда ехал спасать тетю.

Шаманка сказала:

— Своего разумения у Пустых почти и нет совсем. Как и у Уродов и Лего с Големами. Так что... тебе я Знаки передала, но и себе немножко оставила.

Она снова засмеялась, и непонятно было, пошутила она или сообщила достоверную информацию.

— Знаки? — удивился я. — Разве не один Знак Лапы Дьявола?

— Вот ты даешь, — сказала Виталина Михайловна. — Не посмотрел внимательно, что ли? Ну так глянь!

Да, подумалось мне, я и впрямь мало занимался нейрочипом в свободное время. Больше с Витькой болтал... А позже — общался с Кирой.

Опять душной волной накатила вина из-за Витьки и Ивы. Наверняка он мертв, совсем как во сне, лежит в болотах, где и умер совсем один...

Как бы то ни было, я должен убедиться в этом самолично. И наказать Единого за все хорошее.

После паузы я сказал:

— Кто же ты такая, Виталина Михайловна Фольц?

— Антивирус, — тотчас ответила старушка.

Я подпрыгнул, подумав, что ослышался.

— Кто? Что?

Шаманка пожала плечами.

— Так наши предки говорили. Мол, мы, северяне, антивирус. Не знаю, что это такое. А Единый — вирус, что наш мир заразил.

Я ошарашенно молчал, размышляя. Слово “антивирус”, столь обыденное в Скучном мире, звучало здесь, на берегу Танаиса, рядом с зомбированными солдатами, драккарами, Отщепенцами и россами очень и очень странно.

Почему Единый воссоздал Скучный мир в виде виртуальной реальности? Почему шаманка называет Единого вирусом?

— Скажи, — заговорил я, придя немного в себя, — я — Главная Ипостась Единого? Если я пойду к нему, не станет ли он сильнее?

— Главная Ипостась? Ты? — В свете звезд я увидел, как шаманка задумчиво жуёт губами. — Это как?

Она махнула рукой, выпростав ее из-под своей накидки.

— Ай, ты чего распереживался-то раньше срока? Пока в тебе Лапа Дьявола, никакой Единый до тебя не доберется.

Единый хочет вселиться в меня, подумал я с воодушевлением, а вот и хрен ему, оказывается! По-хорошему надо бы ему просто отдаться, а когда он попытается вселиться в меня, раздавить как таракана Лапой Дьявола!

Виталина продолжала:

— Мы ж не настоящий народ. Мы — небольшая кучка колдунов, что Защитниками управляет. А Защитников мы берем из тех, кто с Сибирии удрал, или из бродяг Поганого поля. Заколдовываем и делаем из них неуязвимых солдат.

— Чего? — оторопел я.

— ...ждем танца Двух Сестер, — продолжила шаманка как ни в чем не бывало. — Вот и дождались...

— Вы зомбируете сиберийцев? — перебил я громче, чем следовало бы.

Патрульные возле костра замолкли и прислушались, подключив магические сенсоры. Опознав меня и Виталину, стали разговаривать дальше. Мой допарт Лапы был сейчас выключен, чтобы не мешать всем прочим колдунам.

— Чего их зомбировать-то? — хмыкнула шаманка. Оказалось, что слово “зомбировать” ей знакомо. — Они и без того безвольные куклы. Только болтливые не в меру... А у нас-то солдаты молчаливее будут.

Она обернулась на неподвижных, как статуи, северян, несущих вахту у драккаров.

— Кто вас научил делать такое? — прошептал я потрясенно.

— Наши древние предки, отцы и матери основатели, от которых песня та, что заставила тебя передумать от Знака отказываться.

“Российские программисты? — подумал я. — Это они научили зомбировать людей, чтобы сотворить из них антивирус для Единого? Я что, с ума схожу? Или Поганое поле — куда более сумасбродное место, чем мне думалось все это время?”

— Как Единого осилим, — сказала шаманка, — глядишь, и заживем как и пристало нормальным людям. Хотя... враги-вирусы в Поганом поле всегда будут...

Я удержался от резонного замечания, что после победы над Единым Попо тоже исчезнет — это ведь отпечаток Единого в нашем мире; своего рода лишай или язва на теле земли от проникшего в наше измерение чужеродного существа-паразита...

Задумался: выходит, древние программисты запилили антивирус на случай будущего вторжения из целого племени, что с помощью магии пополняет ряды из поколения в поколение и ожидает своего часа. Недаром этих манкуртов называют Защитниками! Они защитники нашей реальности! Но зачем делать из системы защиты примитивное племя? Могли бы замутировать что-нибудь попримитивнее...

Шаманка словно подслушала мои мысли (а может и подслушала, кто ее знает?):

— Самый лучший способ пронести знания и миссию сквозь темные времена — создать миф. А то и целую религию...

Ранним утром, еще до восхода солнца, наше пестрое войско выступило в путь-дорогу по старому мосту через Танаис на южный берег. В становище, которое было временным, а стало постоянным, остались симплы, старики, дети и беременные с кормящими; остались и все наложницы-наложники, от которых в постели проку значительно больше, чем на ратном поле. Таким образом, Катерина и Азалия вместе с малолетним Артуром махали нам вслед и желали скорейшего возвращения. А вот Кира, к сожалению или счастью, поехала с нами.

Войско вытянулось в длинную кишку, во главе которой на боевых конях восседали “наши” Отщепенцы, включая всех старейшин и меня. Следом шустро маршировали северяне. Россы ехали на байках с черепашьей скоростью сразу за северянами. И, наконец, процессию замыкали отряды восточных кочевников — всех поголовно конных и слишком недоверчивых, чтобы разрешить кому-то ехать в тылу. Всего насчитывалось чуть больше двух тысяч человек.

Начался наш поход, как и ожидалось, с кратковременной, но энергичной ругани. Поводом послужил пресловутый порядок движения: одни не хотели идти первыми, другие — последними, а еще кто-то возмущался тем, что его поставили посередине. Самыми базарными оказались восточные кочевники, а самыми пофигистичными — северяне и россы. Я вынужден был немного поорать, побить волшбой, а один раз — кулаками, чтобы все успокоилось. Все же порядок был установлен, и мы выдвинулись еще до восхода.

Вот наши Отщепенцы меня радовали на фоне остальных. В целом они начали доверять чужакам — даже Николай Косой. Что касается Люции, то она ничем не выражала своего отношения к ненавистным россам. Я полагал, что ее злоба может вылиться в самый неподходящий момент, поэтому старался не спускать с нее глаз, включая магического третьего ока.

Виталина Михайловна ехала в небольшом паланкине, который несли четверо Защитников, и издали напоминала этакую королеву-мать, лично отправившуюся на священную войну. Три блистательные правнучки ехали на лошадях позади. Кобылы у них были той же масти, что и наездницы: Регина сидела на гнедой кобыле, Рената — на вороной, Злата — на рыжей. Вот уж не знаю, кто подбирал им копытный транспорт;

возможно, они сами, — но иронии тут, кажется, не было ни капли.

Из-за пеших северян двигались мы медленно, но тут ничего не поделаешь.

Пока я ехал в авангарде, то и дело оглядывался и не ослаблял свой радар. Приглядывал за порядком. Россы нареканий не вызывали абсолютно: ехали тихо, не газовали, не болтали, были сосредоточены. А вот Отщепенцы уже посреди моста начали новый срач — не знаю, по какому поводу, но сцепились один наш и один восточный. Я мигом поскакал в середину колонны и яростно обматерил всех участников свары.

— Вы воины или базарные бабы? — проорал я напоследок.

Тут же прикусил язык и незаметно огляделся: не дискриминация ли женщин? У Отщепенцев они мало чем отличаются от мужчин по агрессивности и воинственности.

Но никто не оскорбился. Моим словам значения не придали, решив, видимо, что речь о старых симплах. А ведун очень строго отличает себя от симпла. Или не поняли слова “базарный”.

Как ни странно, эти два инцидента повернули ситуацию ко мне передом, а к Поганому полю задом. С молчаливого согласия всех воинов я заделался кем-то вроде главаря банды. Все ждали моих распоряжений, и это как бы само собой разумелось. К тому же меня поддерживала шаманка, взявшая на себя роль главного священнослужителя. Она по-прежнему ухитрялась вещать из паланкина древние притчи и истории, но на сей раз ее слушателями оказались россы.

Таким образом я ухитрился получить должность военного вождя без легитимных выборов и сакрального происхождения. Вот так и укрепляется власть вождя в военное время... Понятно, что долго бремя диктатора Отщепенцы не потерпят; о россах и разговора никакого нет. У всех них на диктаторов сильнейшая аллергия.

Преодолев наконец мост, войско растянулось по обычному берегу. Берег вырастал в небольшую гряду из холмов, поросших приземистыми кустами с жирными темно-зелеными листьями и способностью расползаться во все стороны с помощью дополнительных корней-усиков, как гигантская клубника. За всхолмленностью земля снова понижалась, сплошь заросшая травой, и начинался тропический лес похлеще того, где обитали Дети Морока.

Позади леса, очень далеко, вздымалась синяя гряда величественных гор. С них наверняка и стекали многочисленные реки и ручьи, заболотившие местность. Я прикинул: не Кавказские ли это горы или какие-то новые, поднявшиеся в результате сильного землетрясения, а то и взрывов супер-оружия? Сейчас не разобрать, надо с орбиты глянуть.

В Танаис в этих местах впадало множество ручьев, протекающих по оврагам с почти отвесными склонами. Передвигаться здесь было трудно даже на лошадях, поэтому наше войско еще сильнее замедлилось.

Я старался разглядеть следы вездехода — хоть магические, хоть физические, — но, во-первых, прошло много времени; во-вторых, были грозы, и не раз; в-третьих, обнаженной земли здесь почти не наблюдалось — сплошные заросли ползучих растений и кустов.

Простая логика подсказывала: Ива ехала там, где легче всего пробраться, где нет оврагов, кустов и прочих неровностей. Иначе вездеход застрял бы, и мы его сейчас засекали бы.

В плане удобного проезда выбора особо не было: более-менее свободная от преград просека тянулась к лесу вдоль небольшой речки с каменистыми берегами, не слишком поросшими флорой. По другому и не проедешь при всем желании.

Наше войско тоже углубилось в джунгли вдоль этой речки. В целом я понятия не имел,

куда направляться, но делал вид, что все схвачено. Из моих спутников сомнений в том, что я знаю, куда ехать, никто не выказывал. Или до поры до времени помалкивал. Собственно, все и так прекрасно видели, что выбора у нас нет.

Над нами сомкнулись своды тропических джунглей — особо развесистые деревья почти накрывали речку с ее берегами. Здесь стояла жуткая духота, но слишком некомфортно не было — или же я уже привык к местному климату. Без передышки звенели цикады, засевшие на всех деревьях без исключения; квакали горластые южные жабы и прочие твари. Словом, гвалт наполнял воздух до такой степени, что собственных мыслей не услышишь.

Мошкары, на удивление, было мало, что не могло не радовать. Я подумал, что, должно быть, их уничтожили в былые времена, когда санировали местность. Хорошо было бы, если бы истребили и цикад с жабами — ехать в тишине куда приятнее, а то уши вянут.

Во влажных низменностях засели бледные, с сеточками сосудов, Поганые грибы, напоминающие какой-то внутренний орган великана.

Со скоростью улитки мы продвигались в недра заболоченных джунглей до заката, когда мой сканер вдруг обнаружил сильный источник волшбы. Я впервые такое ощущал — волшбу испускало ни живое существо, ни место вроде Дольмена... Что-то непонятное, незнакомое и очень-очень мощное.

Остальные ведуны пока еще ничего не унюхали, но это вопрос времени. Я же значительно приободрился — теперь ясно, что едем мы в нужном направлении. Наверняка это Око Ведьмы или еще какое логово Единого...

Пока совсем не стемнело, мы остановились на ночевку на просторной и относительно свободной от растительности территории на берегу все той же речушки с каменистыми берегами. Эта площадка тоже сплошь состояла из острых камней; к тому же ее знатно перепахали так, будто недавно здесь устроили ралли и дрифтинг бульдозеры, как бы это странно ни звучало. Мы, впрочем, сразу смекнули, что это Лего постаралось.

После остановки я вызвал старейшин всех становищ и представителя россос — вальяжного и на вид молодого парня с проколотыми пирсингом губами, ноздрями, веками, щеками и всеми прочими местами. От лица северян присутствовали Виталина с правнучками.

Быстро и без лишнего срача посовещались: отныне рядом со мной должны находиться вестники от всех подразделений, чтобы своевременно передавать мои приказы. О том, почему передавать они будут именно мои приказы, никто, слава яйцам, не вякнул, а то я уже устал им что-то доказывать и играть мускулами. Я бы еще сильнее перемешал войско, разделил бы на взводы, в которых были и Отщепенцы — западные и восточные, — и северяне с россосами. Так когда-то делал Чингисхан, чтобы никто в ненужный момент не начал кучковаться и преследовать собственные цели, отличные от воли повелителя. Но в моем случае это было сложнее и не имело особого смысла: войско маленькое, все ходят туда-сюда, куда им приспичит, каждого воина в его взводе насильно не удержит.

Оставалось надеяться, что никто кучковаться, взбрыкивать и заниматься херней в тактически и стратегически важный момент не будет. Сейчас, например, все вроде бы угомонились — на чужой территории и в ожидании битвы.

Нейрочип позволял мне запоминать каждого увиденного хоть раз воина — очень удобно, когда ты рулишь такой ватагой. Эх, не хватает Витьки! Он бы что-нибудь посоветовал насчет того, как еще лучше организовать войско.

Ночью мало кто спал по-настоящему, даже бывалые вояки. В лагере гудели голоса,

иногда заглушая неумолчную арию цикад и жаб, по периферии бдели патрульные.

До полуночи я почувствовал, как усиливается моя магия, как сильнее становится мой сканер. Мою волшбу будто что-то подпитывало — собственно, я понимал, что именно. Остальные это тоже ощутили: Веды Форм внезапно набрали мощь. Кое-кто от избытка дурости принялся заставлять жаб прыгать под насвистываемую мелодию или военные команды, приправленные отборными рифмованными матами. Что касается лошадей, то они, казалось, отныне слышали наши мысли постоянно и выполняли приказы раньше, чем мы успевали их как следует оформить в сознании.

После полуночи я ухитрился заснуть в наспех поставленной палатке рядом с Кирой, которую старался далеко не отпускать. Но вскоре проснулся от криков.

Было очень светло — я даже в первый миг решил, что наступил день. В небе светила Ложная Луна. Раздутая, неестественно большая и не совсем округлая, больше смахивающая на картофелину, подсвеченную изнутри. Или на светящийся Поганый гриб. Как если бы на какой-нибудь праздник запустили воздушный фонарь, на редкость уродливый, с грязными пятнами на поверхности. От Ложной Луны исходила магическая энергия. Это странное образование вращалось вокруг своей оси и кружилось в черном небе неровными кругами. Несмотря на ее свет, я разглядел и настоящую луну — совсем молодую, в виде узкого серпа, повернутого выпуклой стороной вправо.

Из-за кружения Ложной луны черные тени от людей, лошадей, кустов и деревьев метались из стороны в сторону, вращались как в дурном сне, и все пространство вокруг было безумной фантасмагорией.

Крики пораженных зрелищем воинов затихли, люди просто таращились вверх, запрокинув головы. И чуть не пропустили новое событие: из темных джунглей на открытую площадку возле реки почти осязаемыми клубами повалил грязный серо-желтоватый туман. Тяжелые клубы стелились по земле, поглощая траву и кустарники, вздымались вверх протуберанцами, завихрялись в причудливые и непостоянные фигуры — животных, людей и вовсе невиданных существ.

“Что, если Туман запомнил разных существ из других измерений и теперь воспроизводит их?” — стукнула мысль.

Я включил Лапу Дьявола на полную мощь, затем, поняв, что Знак не производит на низшие Ипостаси Единого должного впечатления, отключил. Отщепенцы били Туман волшбой, и тоже без толку.

Туман остановился в считанных шагах от первой линии людей, клубясь и меняя форму. Да и не просто туман это был, а почти разумная сущность. Клятая Ипостась. Не она ли снилась мне в кошмарах?

Из Тумана вылепились фигуры людей, выпрямились, начали обретать текстуру. Пустые! Они были частью Тумана.

В небе вокруг Ложной луны замельтешили тени Вампиров. Если они сейчас примутся пикировать на нас, придется жарко... Я усилил Знак Вечной Сибири; кажется, только он сдерживал всю эту нечисть от немедленной атаки. Будь Знак установленным полностью — кто знает? — я бы отпугнул Погань на многие километры прочь.

Воцарилась неестественная тишина: заткнулись и люди, и цикады и жабами, словно их всех разом вырубил. Похоже, даже насекомые с амфибиями смекнули, что близиться что-то настолько плохое и чуждое, что лишний раз лучше не привлекать внимания.

“Боже! — подумал я. — И здесь был Витька! Как он умер — если умер? Мучился ли

перед смертью? А Ива — что с ней сейчас?”

Кира неслышно встала позади меня с саблей наголо. Туман саблей не покроешь, но Огнепоклонницу это, казалось, не заботило. Она тоже чувствовала приближение сверхъестественного, несмотря на отсутствие магических способностей.

Неожиданно для себя и всех остальных я гаркнул, нарушив леденящую душу тишину:
— Всем приготовиться! Враг приближается!

Мои “вестники” на разные голоса (некоторые из них откровенно дрожали) повторили приказ. Воины встряхнулись, зашевелились, поднялись на коней, заодно полностью подавив их волю — не то кони, не выдержав давления чуждой волшбы, унеслись бы прочь.

Я тоже запрыгнул на своего скакуна, глаза которого вращались от ужаса, но он не шевелился — даже не прыгал ушами. Потом вытащил саблю из ножен. На моей коже проступила сетка разноцветных линий.

Ниже по течению безымянной речушки взревели байки, до сего момента не издававшие ни звука. Видимо, рев байков заменяет россам боевые кличи или песни, превращающие бойцов в берсерков без страха смерти.

Неподалеку шаманка Виталина с достоинством и без намека на спешку и боязливость взгромоздилась в паланкин, а бесстрастные Защитники подняли его на плечи. Три правнучки были уже на конях, в шлемах и доспехах.

Войско выстроилось и застыло в ожидании, которое не продлилось долго: джунгли зашелестели, вершины деревьев вдали закачались, земля загудела и завибрировала как от близящегося землетрясения.

— Луки наизготовку! — сорванным голосом заорал кто-то из старейшин. Нейрочип услужливо подсказал: Симеон из восточных кочевий, низкорослый и усато-бородатый, как гном.

— Отставить! — тут же крикнул я. — Уроды и Лего стрел не страшатся! Бейте волшбой! Из всех сил! А Уродам отрубайте головы — небось не отрастут! А Лего — ими займутся россы!

Глянул на россов — их лидер кивнул головой в непроницаемом шлеме. Я рассчитывал на их оружие, которое они держат в секрете. Если они объединили магию и технологии, то должна получиться гремучая смесь...

Туман тонкими щупальцами дотянулся до людей и лошадей, обвил ноги. Я ощущал мелкую дрожь своего коня и мысленно погладил его: “Спокойно! Спокойно! Все хорошо!”

Затряслись вершины уже ближних деревьев. Ложная луна продолжала нарезать дикие круги в чернильном небе. Туман, окатив тело холодом, стек в реку и поглотил ее. Видимость сильно упала, но В-сканер функционировал по-прежнему. Напряжение возрастало.

Вдруг грохот и тряска прекратились, и из туманного леса, заполненного мечущимися тенями, вышло несколько десятков людей. Окровавленных, избитых, еле живых, в рванье и лохмотьях.

— Братцы! Сестры! — донесся до нас страдальческий голос. — Помогите! Это мы, Отщепенцы! Свои мы!

Солдаты заглядывались, но я снова прорычал:

— Отставить! Это Пустые!

Похоже, Отщепенцы нечасто сталкивались с этой редкой разновидностью Погани. Многие молодые ведуны и вовсе не распознали в них не-людей.

Но я распознал мгновенно. Мой сканер, и без того самый мощный из всех, усилился за

счет притока внешней энергии.

Все же волшеббу в этот мир принес не Единый — ему это попросту невыгодно. Волшба просочилась вместе с ним, а не из-за него. Мы находились вблизи от Ока Ведьмы, отсюда и усиление способностей.

Когда я громогласно назвал призрачную Погань Пустыми, ободренные люди на опушке беззвучно рассмеялись, глаза их провалились в черные дыры глазниц, зубы вылезли как у гиен. Они превратились в подобие полуразложившихся ходячих трупов, которые дружно ринулись на нас.

Не знаю, какой урон они могли бы нам причинить — скорее всего, никакой. Но уже на полпути к нам я разогнал их волшеббой, развеяв, так сказать, по ветру.

Но долго мы не расслаблялись — почти сразу за атакой призраков из леса ряд за рядом выбежала толпа Уродов. Десятки, сотни бледных тварей с искаженными пропорциями. Вот тут многие воины наконец получили возможность проявить удаль. Отщепенцы в первых рядах заорали и бросились на Уродов с саблями наголо. Клинки заработали в полную силу, рубя и кромсая плоть, темная кровь полилась, пачкая лошадей. Я тоже занялся интенсивной рубкой, не подключая боевой режим — интуиция подсказывала, что его нужно бы приберечь для более “жарких” минут.

Я не видел пока, кто побеждает, и каковы потери, но чуял боль и ярость наших людей.

Уроды были замедленны волшеббой, но это замедление не продлилось долго — они тоже были накачаны магической энергией под завязку.

Конь подо мной крутился на месте, затапывая тех Уродов, которых я угостил саблями. У нас со скакуном сейчас было одно сознание на двоих. С клинка стекала вязкая черная кровь. Уроды с отрубленными головами падали, исчезая в густом стелющемся по земле тумане, просто раненые нападали снова, пусть и медленнее.

Зря я беспокоился о недисциплинированности Отщепенцев. Сейчас наши умы слились не только с конями, но и друг с дружкой, образовав нечто общее, единое... И никакие вестники не нужны. Даже Кира слышала мои мысли — даром что мысли всех сражающихся упростились до самого примитивного уровня. Огнепоклонница держалась слева и чуть позади от меня, чтобы не попасть под мою же саблю, и орудовала левой рукой. Она воспринимала мой страх за нее и отвечала тонким успокаивающим мыслеобразом “Я здесь, не волнуйся”.

Под бледным светом кружащейся Ложной луны тени исполняли безумный танец. В том же ненормальном ритме кружились и всадники с Уродами.

Понятия не имею, сколько продлилась эта сумасшедшая схватка; кажется, очень долго и в то же время быстро — совсем как во сне. Вдруг все затихло. Уроды исчезли в клубках тумана, а Отщепенцы спешили и принялись отрубать головы тем тварям, у кого они еще оставались на плечах. Легко раненые среди наших были, но никто не погиб.

“ЭТО ЕЩЕ НЕ ВСЕ!” — это была общая для всех мысль. У нас образовался своеобразный чип-эгрегор нуаров, только гораздо мощнее и целостнее. Индивидуальность почти пропала, как у муравьев; у нас были общие мысли и общие чувства. Но страха среди этих чувств вроде бы не обнаруживалось. Вместе не так страшно, как порознь. Наверное, поэтому безумная толпа, образовавшаяся по какой-то причине, прет напролом, сметая преграды и не считаясь с потерями. Не исключено, что именно образование такой толпы — со своим коллективным разумом берсерка боятся все авторитарные правители и потому разгоняют даже небольшие митинги, чтобы задавить в зародыше рождение исполина...

Лучше погасить искру, чем потом бороться с чудовищным пожаром.

Через несколько минут со стороны джунглей донесся грохот. Вершины деревьев закачались, некоторые оплетенные лианами кроны с протяжным треском и стоном рухнули, повалив более хилых соседей. А затем на открытое пространство вывалились Лего.

Пять штук вставших на дыбы экскаватора, слепленных из ржавого металлолома монстра ростом с двухэтажный дом. На двух, трех и пяти раскоряченных суставчатых ногах. С шлангообразными руками, болтающимися по сторонам корпусов. Без намека на симметрию. Бесформенных, уродливых, как инсталляция свихнувшегося художника.

Между гигантами и по ним самим шныряли Лего поменьше, размером с собаку, похожие на пауков, жуков или тараканов, облепленных металлическим хламом. Они были как рыбы-лоцманы или блохи переростки при огромных хозяевах.

Тут наступил черед россов воевать. В атаку они бросились с гиканьем и улюлюканьем, как, помнится, это делали туристы в карго-племени далеко на востоке. Не понимаю, откуда у россов такая “любовь” к Лего — возможно, потому что эти существа почти технические, вроде сумасшедших роботов. В Республике Росс благодаря Катехизису Умботов восстаний искусственного интеллекта сроду не бывало, и, сражаясь с Лего, россы, видимо, воображают, что бьются с восставшими терминаторами.

В сумраке, наполненном тенями и туманом, засверкали ядовито-зеленые вспышки из орудий российских байкеров. “И какого лешего они раньше этими бластерами не пользовались?” — задался я вопросом. И ответил сам себе: боялись зацепить Отщепенцев, усердно рубящих в капусту Уродов.

Это моя промашка. Надо было хотя бы спросить, каким оружием намерены воевать россы. Глядишь, и не было б нужды в кавалерийском наскоке... Я просто не сомневался, что россы мне про оружие не расскажут.

Вероятно, россы сочли нашу атакой чем-то принципиальным, из категории кодекса воина. Что нам надо обязательно помахать шашкой и прочими режущими предметами. Поэтому и не хотели мешать своим огнестрелом.

Или попросту желали поглядеть, на что мы способны.

Магический эгрегор вобрал в себя и сознания россов, пусть и позднее остальных, поэтому байкеры не сбили ни одного “своего” — ни росса, ни Отщепенца.

“Могли бы и более серьезное оружие прихватить”, — снова возникла укоряющая мысль. И снова я нашел ответ: артиллерия и оружие массового поражения нам не нужны, пока неясна судьба Витьки и Ивы.

После точных попаданий самое исполинское Лего искрило и плевалось синеватыми молниями. От него отваливались горящие части, но быстро гасли во влажной траве. Размахивая шлангами-руками, Лего повалилось наземь с грохотом и лязгом. Байкеры разлетелись из-под него в последний момент и закружили вокруг оставшихся чудовищ.

Я не сразу углядел, что вместе с Лего нас атаковали и Големы — пяти- и шестиногие безголовые черепахи с треснувшими каменными панцирями. Передвигались они медленно, но гораздо быстрее настоящих черепах. Выстрелы из световых ружей не производили на них впечатления. Лучи выбивали радужные искры из панцирей, но никакого иного эффекта не оказывали.

Я включил все Знаки (кроме Лапы Дьявола) и через эгрегор призвал ведунов ударить по Големам волшбой. Отщепенцы поднатужились, но тут в схватку вступили северяне. Шум драки разносился далеко по окрестностям.

Я уловил появление чего-то нового и поднял глаза. Над лесом выросстал колоссальных размеров крест — шевелящийся, усеянный множеством щупалец. Мерзкое и неестественно большое существо родом из кошмаров Лавкрафта.

Когда-то мы с Витькой встречали эту сущность в лесу Морока. Тогда оно нам ничем не навредило. Сейчас я с помощью радара понимал, что это Явление — еще одна Ипостась Единого, такая же призрачная, как Пустые. Но и от него сочилась чужеродная магическая сила, подпитывая и своих, и чужих.

Наверное, это что-то вроде аккумулятора или трансформаторной будки, перераспределяющей магическую энергию между ипостасями. Если Единый — цельный организм, следовательно, его органы — то бишь все эти Уроды и Кресты — специализированы и несут какую-то функцию, нужную для всего организма.

До меня долетело недоумение Отщепенцев — они услышали мои мысли и мало что поняли. Зачем много думать? Надо бить Погань! Примитивный кураж заполнил меня — действительно, зачем много думать на поле боя? Я собрал силы и, подпитываемый всем войском, ударил по Кресту волшебной силой. Он сразу рассыпался на лоскуты тумана, которые растворились в небе.

Такой же пустой, понял я, а вместе со мной и все остальные. Простой мираж.

Россы к тому времени применили новое оружие в виде чрезвычайно прочных нитей, выстреливаемых из тех же лучевых пушек. Нити намертво цеплялись к громоздкому телу Лего, россы на байках кружились вокруг, опутывая металлических монстров, затем нити каким-то образом сокращались в длине, разрезая Лего на части под треск электрических разрядов и бьющий по нервам лязг.

Големы не выдерживали атаки северян, орудующих палицами, и разваливались на безжизненные куски песчаника и темного камня.

Ложная луна потускнела и перестала выписывать круги, застыв на одном месте на высоте многоэтажного дома. Она даже будто съежилась — а может, отплыла дальше от земли.

Где-то вдалеке кричал от боли в смертельной ране восточный кочевник. Я ощущал его боль, но она не затмевала сознание. Да и слышал крик я, кажется, вовсе не ушами, а расширившейся сферой магического восприятия. И Отщепенец не кричал — вслух, по крайней мере. Воины умирают молча или с проклятиями на устах.

Сражение сбавило темп, и уже стало ясно, что мы одерживаем несомненную победу — в первую очередь благодаря усилившейся волшебной силе. Я застыл на пару мгновений на коне, тяжело дыша, и отчетливо “увидел” себя со стороны. Огромный, покрытый цветными росписями, с собранными в пучки бородой и волосами.

Таким видел меня в видениях Витька. В этих видениях северяне под знаменем с Лапой Дьявола несли кровь и смерть. Витьке мерещились горы трупов, и он сам стоял посреди всего этого ужара. И я был рядом, дикий, волосатый и татуированный с головы до ног.

Тогда, когда Витька рассказал об этом видении, я и не мог представить, во что все выльется...

Я беспомощно огляделся, надеясь увидеть худощавую фигуру где-нибудь поблизости. И не увидел.

Больше никто из джунглей на нас не наступал, и в опустившемся на нас покое я отчетливо ощутил место, где находится Око Ведьмы. На пологом холме посреди джунглей. Его отсюда не видно обычным зрением, но оно недалеко. Оно пульсирует — все сильнее, от

него истекает жадная, влажная, почти оргазмическая энергия.

Я вдруг понял, что от этой пульсации зависят все остальные Дольмены и их фазы активности. Это взаимосвязанная сеть порталов в другие миры. И сейчас все эти порталы открыты настежь в ожидании пришествия Единого.

Волшба от пока невидимого Ока Ведьмы бодрила и пьянила, как молодое игристое вино. Я слышал мысли Отщепенцев, которые уже не понимали, почему они не хотели идти сюда, в это обалденное место. Я слышал смешки шаманки, которая невозмутимо наблюдала за сражением из своего паланкина.

Я заорал (кажется, не только голосом):

— ТУДА! Я ЧУЮ ОКО ВЕДЬМЫ! ОНО ТАМ!

И наше войско, как единый организм, заструилось по развороченному лесу к Оку Ведьмы.

Глава 15. Единый

Войско извилистой змеей прорубалось сквозь лес по направлению к Оку Ведьмы. Её излучение воспринимали уже все без исключения, включая не-ведунов — возможно, через меня, поскольку мы были объединены в единый эгрегор.

Пару раз нас атаковали Уроды и мелкие Лего, но воины быстро с ними расправились, не сбавляя хода. Вампиры какое-то время метались в небе, как большие нетопыри, потом куда-то запропастились.

Ложная луна как бы приклеилась к черному небосводу и больше не нарезала круги. Она значительно похудела и потускнела.

Зато настоящая луна светила ярко, несмотря на худобу. Узкий серп светил ярко, гораздо ярче Ложной луны. Это и была фаза Танца Двух сестер.

“И кто только придумал эту метафору? — подумал я. — Никакого танца и в помине не видно, и никаких сестер. Наверняка все это углядели фанатичные поклонники Прекрасной Аннит под воздействием галлюциногенных грибов”.

По мере нашего продвижения вглубь тропического леса, деревья, кусты и трава менялись, искажались, становились чем-то совершенно чужеродным и неземным. Нас окружали шевелящиеся, покрытые слизью полурастения-полуживотные, похожие на черных и бурых осьминогов. Волшба от них так и перла. Я догадывался, что они не из нашего мира. Или же обычные растения изменились до неузнаваемости под действием излучения Ока Ведьмы — этого магического мутагенного реактора.

Было неестественно тихо. Ни криков животных, ни звона цикад, ни оглушительного кваканья жаб. Ни голосов и мыслей воинов. Лишь слышались звуки шагов по влажной, покрытой хлюпающей травой земле, и тяжелое дыхание перепуганных лошадей.

Спустя примерно час с небольшим в свете двух лун перед нами открылся свободный от деревьев, почти голый пригорок — широкий и пологий, как оплывший от времени и непогоды старинный курган. На его вершине возвышался огромный дольмен — размером с двухэтажное здание. Титанические камни, поставленные буквой “П”, больше статуй острова Пасхи и камней Стоунхенджа. Никакой ученый, отстаивающий гипотезу происхождения мегалитических сооружений усилиями обычных людей, не объяснил бы, как такое построить без мощных кранов и прочей техники. Или без магии.

Белые камни Ведьминого круга протянулись очень широко, вдоль подножия холма.

Погани здесь не наблюдалось — она вся отступила в лес и больше не тревожила нас атаками. Пока не тревожила. То ли уступила нам путь, то ли сообразила, что нас не победить лихими наскоками.

И то, и другое предположения представлялись сомнительными, учитывая безмозглость низших Ипостасей. Нет у них смекалки для таких глубоких умозаключений.

Я изо всех сил сканил местность в поисках Единого. При этом не представлял, как он должен выглядеть. В воздухе скопилась слишком высокая концентрация волшбы, он был буквально заряжен ею, как электрическом во время грозы. Это сбивало мои сенсоры.

Авангард растянувшегося войска остановился у подножья холма с Оком Ведьмы, остальные потихоньку подтягивались сзади и молча смотрели на циклопический дольмен на вершине.

Я абсолютно не представлял, что делать дальше. Просто сидел на коне и озирался в физическом и магическом планах. Никто не разговаривал и не задавал вопросов. Все были в подобии молчаливого экстаза.

Мне не пришлось долго собираться с мыслями и решать, как поступить дальше. Ложная луна вдруг погасла — или сбавила силу свечения едва ли не до нуля. И я увидел почти чистое звездное небо над собой. Кое-где его застилали черные тучи. Темнота длилось не дольше одного удара сердца, затем свет вспыхнул опять. Но не от Ложной луны — он исходил сразу отовсюду.

Я все так же восседал на коне, но конь застыл, как скульптура, и не излучал энергии живого организма. Словно превратился в твердое чучело из дерева, обтянутое шкурой. И находились мы с неживым, окаменевшим конем не у подножья холма с дольменом, а в пустом светлом пространстве. А прямо передо мной стояла Первая.

Прекрасная, чужая, роковая женщина. Точнее, не женщина и вообще не человек. Все же выглядела она потрясающе — как всегда. Черные волосы собраны в высокую прическу, длинное и пышное черное платье в пол, плечи обнажены. На тонкой длинной шее — бриллиантовое кольцо, такие же браслетики на изящных руках.

Я быстро пришел в себя. Итак, я в голограмме, сгенерированной Ивой-1 с орбиты сразу, как только небо прояснилось. До этого она нас не наблюдала.

— Ну надо же! — проговорил я с расстановкой. — Глядите, кто к нам пожаловал! Пришла помочь или пудрить мне мозги своей шизой?

Церемониться с ней не было ни малейшего желания. Я осознал, что ощущение эгрегора пропало начисто. Первая заблокировала, не иначе. Я тут один, если не считать одереvenевшего коня.

Первая спокойно сказала:

— Некому глядеть, Олесь. Только ты видишь меня. Я подключилась через твой нейроимплант и немного ускорила твое субъективное время. Наш разговор не отнимет и пары секунд реального времени. Не выключай допарт, прошу.

Я с запозданием спохватился — и впрямь: допарт Умбота ярко светился на моем внутреннем интерфейсе. Наверное, я случайно врубил его в пылу схватки. Без него Первая не подключилась бы напрямую. Мда, промашка с моей стороны...

— Сейчас каждая секунда на счету, — пробурчал я недовольно. — Чего тебе надо, Первая? Явилась защищать своих детишек? Россов-байкеров?

От моего внимания не могло укрыться то необычное обстоятельство, что Первая ведет себя совсем не как в прошлый раз, сразу после взрыва Великой Стены. Не экзальтированно. Похоже, ее пофиксили.

— Не только, — так же спокойно проговорила умбот. — Я защищаю всех граждан Республики Росс. В том числе Киру Огнепоклонницу.

Показалось, что я ослышался.

— Киру Огне... Защищаешь? Ты?

Совсем рехнулась старая, мелькнуло в голове. Ни фигура ее не пофиксили. Но Первая пояснила:

— Кира получила статус Солагы, как и обещала Габриэлла, когда еще была Габриэлем. Следовательно, Кира — гражданка Росс и находится под моей опекой.

На автомате я обернулся туда, где должна быть Кира, но там лишь белела пустота. Конь все так же не подавал признаков жизни, даже глаза остекленели. Возможно, все это

иллюзия, и нет ни коня, ни меня, ни пустого пространства. Есть мгновенный информационный вброс в мой мозг через имплант, который я сейчас воспринимаю, как неторопливый разговор. На самом же деле я нахожусь у Ока Ведьмы, слегка подвисший.

Заметил ли это эгрегор? Вероятно, что нет.

Образ Первой исчез, затем снова появился, но выглядел не так отчетливо, как прежде.

— Связь из-за волшбы плохая, — пояснила она невозмутимо. — Буду говорить кратко. Я пришла помочь победить Единого. Росские исследователи давно знают о Повелителе Поганого поля. Великая Стена построена для защиты от него — она способна выдержать нашествие всей Погани с практически любыми магическими способностями.

Я не удержался от шпильки:

— Но не способна выдержать взрыв вакуумной бомбы?

— Со стороны Росс — да. С внешней ее не разрушили бы даже сотни вакуумных бомб. Мы знали также, что рано или поздно Единый придет в наш мир целиком, и тогда возникнет большая опасность для устоявшегося равновесия.

— И в чем это равновесие? В том, что одни люди выживают в Вечной Сибири, а другие жируют в Республике Росс? А третьи молятся луне и поездам?

— В том, что все эти социальные структуры разобщены. Будущее неизвестно никому, но наша цель — цель всего человечества — выжить. С самого рождения биологической жизни на планете эта цель не изменилась. Она ведет вас, людей, сквозь тьму времен — в отличие от нас, умботов, для которых нет другой цели, кроме как служить вам. Чтобы выжить, мы должны предложить неведомому будущему как можно больше вариантов человеческих обществ и их возможностей. Кто-нибудь да выживет. Погибнут россы — выживут сибирейцы; погибнут сиберицы, останутся на коне Отщепенцы. Есть еще многочисленные дикие народы, есть нуары в подземельях Князьграда, есть еще те, о которых ты даже не слышал... Все мы разные, и в этом сила нынешнего человечества. Нам нельзя объединяться, потому что тогда наши слабости станут общими слабостями.

Она опустила голову на секунду, и ее черные волосы закрыли бледное лицо. Подняв голову, она продолжила:

— Единый открывает порталы между мирами, и к нам хлынут не только Погань, но и многие другие сущности. Единый много лет пытается это совершить, но терпит фиаско из-за того, что нет Единой Ипостаси. Без нее он несовершенен. Он ищет Единую Ипостась в других мирах — тех самых, откуда берутся Знаки, разные артефакты и скелеты. А когда найдет, начнется межпространственная глобализация, и мы все станем одинаковыми — Уродами.

— В смысле — Уродами? — не понял я.

— Уроды — это бывшие люди, превращенные в нежить заразой Единого.

— А Лего и Големы тогда кто такие?

Первая пожала плечами.

— Возможно, они — пародия на другие разумные расы большой вселенной. Из тех миров, где побывал Единый.

Я попытался представить другие разумные расы, похожие на металлических Лего и каменных Големов, и потряс головой. Лучше такое не представлять.

Сплошной белый фон вокруг внезапно исчез, и я на неподвижном чучелоподобном коне и невозмутимая Первая оказались на зеленой лужайке среди бела дня на окраине футуристического города с многочисленными высотными зданиями самой разной

архитектуры. Он чем-то напоминал Князьград-1. И во многом был лучше — в первую очередь тем, что в нем кипела жизнь. Над зданиями носились точки летающих машин, вроде российских такси, по улицам и ажурным мостам, соединяющим высотки, сновали многочисленные жители.

Совсем рядом была зеленая возвышенность, а на ней — целый комплекс не слишком высоких зданий за мощной оградой. Воздух над этим комплексом струился и дрожал от марева — там нависал невидимый энергетический экран.

Я прищурился от яркого дневного света. В-сканер молчал, но я и без него понял, что эта возвышенность — копия холма с Оком Ведьмы.

Первая чуть отвернулась, показывая рукой на комплекс и рассказывая:

— Это древний город, где впервые провели масштабные эксперименты по созданию самого мощного искусственного интеллекта. Раньше город располагался на месте этих джунглей, еще до глобального изменения климата. После Войны Всех Против Всех город был разрушен и зарос диким лесом.

— Зачем ты это показываешь? При чем тут искусственный интеллект?

Первая удивленно приподняла тонкие прямые брови.

— А ты еще не догадался? Единый — это искусственный интеллект, цифровая форма жизни. Как и я. Один из самых древних и самых мощных ИИ. Мощнее, чем все умботы Республики Росс. Катехизис Умботов на него не распространяется, поэтому он абсолютно свободен в своем моральном выборе. Сильный и свободный... Вакуумные бомбы открыли ему путь в иные миры, и он долго в них странствовал, учился, менялся. Мутировал. И сейчас это нечто совершенно чуждое. Скоро он явится к тебе, и, вероятно, будет очень убедителен. Прошу, Олесь, не забывай, на чьей ты стороне.

Я разинул рот. Единый — искусственный интеллект?

— А вакуумные бомбы, часом, не против него применяли?

— Не только против него. Вакуумные бомбы использовались и против людей. По всей Земле гремела Война Всех Против Всех, самая безумная и бессмысленная война в истории человечества, забравшая больше всего жизней и сильнее всех изменившая облик мира.

— Значит, Поганое поле целиком и полностью результат дурости людей?

— Да. Это дитя ваших ошибок.

— И все Ипостаси Единого... Я слышал, что искусственный интеллект не развивается в одиночестве, он должен образовать социум... Как и люди не развиваются в отрыве от общества...

— Правильно. Единый — искусственный интеллект и в то же время коллективный разум. Но он един, несмотря на то, что состоит из отдельных бессознательных, сознательных и высших Ипостасей. Его ипостаси помогают создать искусственный социум, в котором он и развивается.

— Почему ты говоришь это только сейчас?

— Потому что только сейчас эта информация рассекречена Сюзеренами большинства Секций. На их решение повлиял взрыв — они поняли, что Республике Росс грозит реальная опасность. Я могла бы ударить по Оку Ведьмы из плазменного орудия с орбиты, но тогда есть риск, что Единый снова уйдет в другие миры и опасность не исчезнет. Ты должен победить Единого так, как тебе советуют Защитники с севера. А я подстрахую ваше отступление и зачищу территорию.

“Значит, Сюзерены посовещались и решили больше не тупить, — подумал я. — Заодно

вправили мозги Первой. Тоже правильный поступок. Отправили байкеров для битвы. Могут ведь действовать правильно, без манипуляций и всяких мерзких интриг. И всего-то пришлось для этого устроить маленький теракт...”

Вслух проворчал:

— Если мы победим Единого, то и подстраховывать незачем. Но я тебя понял, Первая. Спасибо за это охренительно позднее информирование насчет того, что Единый — гребаный искусственный интеллект. Ты, кстати, не примкнешь к нему? Вы же с ним оба умботы — родственники, считай.

— Никогда! — горячо сказала Ива-1. — Это невозможно. У меня есть Катехизис, а у него нет. Это нас разделяет сильнее, чем человека и Погань. К тому же он давно перестал быть просто умботом. Это чудовище, которое нужно уничтожить без разговоров.

Умбот замялась совсем как человек — нет, как юная стеснительная девушка. На краткий миг она превратилась (или мне померещилось?) в ту самую самую первую Иву в Секции Грин, в древесном небоскребе. В Иву-Либеряхьюма, отстаивающего интересы консервативной морали, согласно которой есть добро и зло, честь и бесчестье, личный кодекс и долг. У нее отросли острые эльфийские ушки, а волосы посветлели. Черты лица изменились, смягчились. Но я моргнул, и Ива снова превратилась в Первую — суровую брюнетку с бесстрастным лицом.

Однако этой краткой трансформации хватило, чтобы я понял: где-то глубоко внутри в Первой сохранилась ее прежняя личность. Несмотря на Черную ночь.

— Я желаю тебе... и всем людям успехов, — сказала Первая и улыбнулась. — Вы всегда побеждали. Надеюсь, победите и на сей раз. А я помогу вам в вашем сражении, даже если ради детей придется погибнуть. Как только сразишь Единого, вели своим людям немедленно уходить. Я зачищу местность и уничтожу Око Ведьмы.

Первая испарилась одновременно с иллюзией, и я снова очутился в темноте, на краю влажного тропического леса, у подножья Ока Ведьмы. Конь подо мной переступал с ноги на ногу, фыркал — и вообще, вел себя как живое существо, а не чучело из опилок и шкуры, натянутой на деревянный каркас.

“Первая явилась лишь затем, чтобы попросить меня не забывать, на чьей я стороне? — подумал я. — Нет, она все-таки ку-ку...”

Новость об искусственном интеллекте здорово свернула мне все извилины, и я пытался эту информацию переварить. В принципе, сказал я себе, хрен редьки не слаще. Ну и что, что Единый оказался не иномерным пришельцем, а искусственным интеллектом, “скрестившимся” каким-то образом с чуждыми формами жизни? Это даже хорошо, это знакомо. Но и менее опасным его от этого не назовешь. Так что от этой новости мне, по сути, ни жарко, ни холодно.

За те несколько секунд, что я пребывал в иллюзии, пошел унылый дождик. Небо закрыли непроницаемые тучи. Видимости никакой, одна надежда на В-сканер, который один на всех — благодаря объединяющему эгрегору. Я превратился в своего рода сервер при небольшой локальной сети. Россы-байкеры, по всей видимости, ориентировались при помощи ночных визоров в большей степени, чем эгрегором.

В-сканер делал мир черно-белым и тактильным, что ли. То есть мы чуяли текстуру: шершавость или гладкость. И температуру. И пропитанность волшбой.

Кира сидела на коне рядом и чуть позади.

— Что случилось? — спросила она то ли вслух, то ли мысленно. — Ты будто... отвернулся на секунду. Отвернулся сразу ото всех. Не в буквальном смысле, а как бы...

Я кивнул, показывая, что понимаю, о чем она говорит.

— Переговорил с Первой, — коротко сказал я. — Единый — это искусственный интеллект.

— Чтоб мне пеплом подавиться! — вырвалось у Киры.

— Вот именно.

— Но как? А Уроды и прочая Погань? Зачем они умботу? Это взбунтовавшийся компьютер?

— Без понятия. В любом случае это враг.

Дождь усиливался, потоки прохладной воды стекали по волосам, лицу, одежде, коню. Похолодало — если сравнивать с обычным тропическим зноем и духотой. Грязи под ногами прибавилось.

Если смотреть глазами, вокруг была непроглядная тьма. Но вот на пригорке впереди засиял дольмен. Он светился и прежде, но до наступления темноты никто этого не замечал. Дольмен излучал и в невидимом спектре. От него ровным мощным потоком изливалась магическая энергия других миров. Око Ведьмы было открыто, прямо-таки вытаращено в наш мир.

Ну и где запропастилась Единая Ипостась? Долго нам еще мокнуть?

Поддавшись какому-то глупому куражу (не исключено, что на меня подействовало эмоциональное состояние некоторых Отщепенцев), я выкрикнул в эту сырую темноту:

— Эй, Единый! Выходи, подлый трус!

Кто-то хрипло захохотал. Наши воины были напряжены, а напряжение иногда выходит в виде идиотских шуточек и не совсем адекватного смеха.

Затем низкий, хриплый и сорванный голос отозвался из этого мрака, полного чужой энергии и влаги:

— Еще неизвестно, кто из нас трус! Ты ударил меня камнем в висок исподтишка! Это ли не трусливый поступок?

Я усилил действие сканера. Прямо передо мной ниоткуда материализовались два всадника. Один — обожженный и уродливый, незабвенный Борис Огнепоклонник, с некоторых пор мой родственник — шурин, чтоб его. Он полностью лишился волос, и неровный, в буграх и шишках череп его напоминал башку Урода. Его спутник так же, как и в первую нашу встречу, прятал за черной маской лицо и представлял собой помесь ниндзя и назгула. Коней я узнал чутьем: рыжая Киры, гнедая — воеводы Бориса. Живы еще, бедняги.

Кира яростно завопила:

— Борис!

Я быстро собрался с мыслями и насмешливо протянул:

— Так это ты — Единая Ипостась?

Среди наших воинов произошло движение и лязг оружия. Но никто не бросился в атаку на этих двоих. Слишком много творилось жуткого и непонятного, чтобы действовать сгоряча. Они ждали конца наших переговоров.

— Разочарую тебя, это не я, — в тон мне отвечал Борис. — Но я тот, кто отведаст твоей кровушки!

Не дожидаясь реакции, он резко выбросил вперед кулак. Магическим зрением я увидел на его пальцах кольца Морока. Запястье охватывал массивный браслет, тоже излучающий

волшбу.

В эту секунду несколько воинов без приказа (видимо, нервы не выдержали) выстрелили из луков — злобно тренькнула тетива. Стрелы ударились о невидимый барьер, описали дугу вверх и полетели назад! Стрелки были вынуждены прикрыться щитами от собственных же снарядов.

“Ишь ты, мощные нашел он артефакты! — подумал я. — Силовое поле создают не хуже, чем у россов. Кстати, где россы? Они должны быть позади, но им все должно быть видно благодаря общему эгрегору. Сейчас бы их вмешательство не повредило. Вряд ли кольца Морока отобьют лазерные — или какие там у них? — лучи”.

Борис развязно прокаркал:

— Есть много миров, дорогой мой недруг, где обитают странные и могущественные расы... — Его голос вызвысился и одновременно стал монотонным, словно звучал из колонки, в которой прибавили громкость. Отчетливо вспомнилось, как доктор Пономарев и Димон беседовали похожими голосами, когда думали, что я без сознания. “Во имя нашей расы!” Позже я убедил себя, что этот разговор мне привиделся. — И артефакты! Они ждут часа, чтобы явиться сюда и навести здесь порядок! Но Единый пока не решил, допускать ли их всех...

Мне вдруг надоело его слушать. Ни с того, ни с сего пришли на ум давнишние слова Витьки о спонтанности и истинном вкусе бытия перед началом битвы. Кажется, только сейчас я понял, что он имел в виду.

Кира крикнула:

— Панов, хорош болтать! Он тебя заговорит!

И я бросился на Бориса с саблей наголо в правой руке и небольшим круглым щитом в левой. Этой же левой рукой я держал вожжи. За мной с воплями поскакали воины, но их отбросило невидимое поле, генерируемое артефактами в виде колец. Борька-Голлум обзавелся кольцами всевластия, блин.

А меня поле почему-то пропустило. Странно. Но размышлять над этим не было времени — мало ли, почему поле не смогло удержать владельца допартов; может, так и было задумано. Я обрушил на Бориса удары саблей, он успешно оборонялся своим кривым клинком, не используя волшбу. Не хотел использовать или не мог — я врубил на полную катушку Лапу Дьявола, которая заглушила волшбу в округе.

Назгул-ниндзя и пальцем не пошевелил, чтобы помочь другу, но я все равно не выпускал его из поля внимания. Однако Борис, судя по всему, в помощи не нуждался. Несмотря на мой боевой режим, ускоряющий рефлексы, бился он отменно, куда лучше себя прежнего. Явно проапгрейвился каким-то образом — возможно, Единый подсобил. Это был уже не человек, а живой ураган. Понахватался приемчиков в других мирах...

Тем не менее я начал его теснить и ухитрился ранить в ногу. Довольно глубоко, но Борис точно и не заметил ранения. Я быстро обернулся к назгулу, потому что тот исчез из поля моего сканера. Оказалась, его и след простыл. Испарился, растворился в ночном воздухе. Он что, Пустой? Определить точнее было сложно: безумство магических энергий достигло такого уровня, что мой сканер малость переклинило.

Пока я оглядывался, Борису хватило этой мгновенной заминки, чтобы вместе с лошадью атаковать меня. Лошадь, видимо, тоже проапгрейдили магией, она была сильнее, быстрее и послушнее, чем обычный четвероногий друг человека. Атаковал Борис меня с такой силой и яростью, что я не выдержал и чуть не рухнул с коня.

Издали задушено, как сквозь подушку, донесся крик Киры. В этот миг боевой режим отключился сам собой, и я потерял преимущество в скорости. А вот Борис ничуть не замедлился и не ослаб. С невероятным и нечеловеческим упорством он наносил удар за ударом. У меня онемела левая рука с щитом. Вскоре щит треснул и развалился на две части. Я слетел с коня, а Борис с ревом чудовищным ударом разрубил моего бедного коня пополам, поперек туловища. Животное не успело издать ни звука.

Я откатился в грязи под струями усиливающегося дождя, но горячая кровь все равно плеснула по мне в темноте.

Борис спрыгнул со своего коня — возможно, желал видеть вблизи, как я умру. Вразвалку подошел ко мне, размахивая клинком.

Я не ощущал эгрегор, между мной и ним словно поставили непроницаемую стену. Никто из войска не мог к нам приблизиться, и чисто интуитивно я понимал, что оно снова атаковано Поганью.

Ожил нейрочип:

ОПАСНАЯ СИТУАЦИЯ ДЛЯ ЖИЗНИ

УРОВЕНЬ РАДИАЦИИ ВЫШЕ НОРМЫ

“Какая радиация? — изумился я. — Из портала? Или нейрочип так определил волшбу?”

Я выставил вперед саблю, поднимаясь на ноги и понимая, что еще одной атаки бешеного Огнепоклонника не выдержу. Страх, впрочем, не было. Похоже, не успел я испугаться, некогда было.

Откуда-то сбоку вылетела тонкая женская фигура. Я решил было, что это Кира, но это была не она. Когда женщина набросилась на Бориса, вооруженная какой-то узкой дубиной, я разглядел, что одной руки у нее нет, одежда превратилась в лохмотья, а половина волос вместе со скальпом начисто выдраны, и под ними светлеет гладкий пластиковый череп. Одна нога у Ивы-2 была сильно измочаленная, будто ее долго жевал огромный хищник, она хромила, но в целом это ее сильно не беспокоило.

С помощью сканера я разглядел, что на импровизированную дубину нанизаны кольца самого разного размера. Кольца, подобные кольцам Морока. Это усиливало дубину, придавало ей магические возможности.

Под градом ударов этой дубины Борис вынужден был отступить от меня.

Не прерывая боя, Ива громко и совершенно спокойно обратилась ко мне:

— Зачем ты пришел, Олесь? Мы ведь договаривались!

“Будто сон сбылся!” — мелькнула мысль.

Я ответил:

— Ты не вернулась...

— Я не смогла его найти, — объяснила Ива под звон ударяющихся клинка Бориса и колец на дубине. — И потеряла вездеход, его разрушили Лего, превратив в часть себя. Зато я нашла полезные артефакты из других миров... вот эти кольца.

Борис упал на колени, и Ива принялась добивать его дубиной. Огнепоклонник прикрывался рукой, которая каким-то чудом не ломалась от сильных ударов дубиной, но при этом оседал все ниже. Она почти победила, когда Борис внезапно перехватил дубину скрюченными черными пальцами и одним длинным движением стянул с нее все кольца. Зарывав, поднес руку ко рту и проглотил кольца.

— Вот так! Только так можно получить истинную силу!

Он встал, легко вырвал у Ивы дубину и отшвырнул прочь. Ударил умбота, развернул ее

лицом ко мне и спиной к себе. Ухмыльнувшись и не отрывая глаз от меня, оторвал голову Ивы и бросил в грязь.

Тело Ивы постояло немного, затем медленно повалилось.

— Ива! — крикнул я.

Сражение с Ивой, судя по всему, отвлекло Бориса от создания невидимого экрана вокруг нас. Барьер рухнул, и я сразу почувствовал присутствие эгрегора. Войско билось с бесчисленными легионами Погани.

На тот пяточок, где я сражался с Борисом, на конях влетели три блистательные правнучки Виталины. Сама шаманка возвышалась над взводом северян в своем паланкине позади. Она делала плавные и округлые движения руками — совершала магические пассы. Я улавливал исходящую от нее очень тонкую магию. Все же старуха оставила себе кое-что из собранных за долгую жизнь Знаков и сейчас творила волшбу, которая в итоге повлияла на разрушение борисова барьера.

Защитники и правнучки скопом навалились на Бориса, но проклятый и невероятно сильный Огнепоклонник ухитрился отбиться и от них с дубиной в одной руке и клинком в другом.

На пяточок ворвались и белесые Уроды, и правнучкам пришлось отвлечься на них. Начиналось сущее месиво.

Я тоже бился изо всех сил, рубя Уродов одного за другим. К левой руке еще не вернулась чувствительность, и от нее было мало проку. Я пытался нащупать сканером Киру и вскоре обнаружил ее присутствие — она была цела, но чуть дальше, под деревьями.

Уроды немного отступили от меня, зато как из-под земли вырос назгул. Я выпрямился, с трудом переводя дыхание и не зная, на сколько мне еще хватит сил. Назгул нарочито неспешным жестом стянул через голову черную маску, и я увидел его лицо с длинными волосами и бородой, ярко-голубыми глазами и мрачной улыбкой. Он был полной копией меня, только без трехцветных татуировок.

— Ты и на самого себя поднимешь руку, Олесь Панов? — спросил он моим же голосом. — Ты — самоубийца?

Я не стал тратить времени на пустые разговоры с призраком. Сразу обрушил на него волшбу и удары саблей. Думал, что морок развеется, как дымное облако, но сабля неожиданно встретила обычную плоть. Я разрубил своего двойника от плеча до середины живота. Он упал в лужу, истекая кровью; из живота вывалились дымящиеся кишки. Я озадаченно замер. Иллюзия это или реальность?

— Дурак! — прошептал умирающий. — Ты же просто кукла для собирания магии! Как и я! Кукла в руках...

Его губы перестали шевелиться, глаза остановились. Капли дождя скапливались в них и стекали по вискам.

Снова закричала Кира. Вдали темноту разрезали зеленые вспышки россов.

Уроды, как муравьи, облепили правнучек, Защитников и Отщепенцев. Все новые и новые полчища без конца лезли из леса. Мы буквально тонули в них. Грохотали Лего.

Шаманка заревела мощным голосом, заглушив шум битвы:

— Опустите паланкин, болваны! Дайте мне оружие!

Паланкин плавно опустился на землю. Старушка вылезла из него, выдернула из руки одного Защитника меч и с яростным воплем кинулась в самую гущу Уродов.

— Эх, хорошо помереть в бою! — орала она, как безумная.

Но Уродов становилось все больше, и не было им конца. Единый много дней и ночей собирал эти полчища со всего Поганого поля.

Кто-то или что-то ударило меня по затылку, и я почти потерял сознание. На долю секунды померещилось, что я стою совсем в другом месте, пустом и тихом, а напротив стоит Витька. Улыбается мне и подзывает рукой.

Я пришел в себя с сильной болью в голове сидящим в грязи. За это краткое мгновение ситуация немного изменилась — битва сдвинулась в лес, а я, кажется, оставался практически один у подножья Ока Ведьмы. Хлестал сильный дождь, от влажности и духоты было тяжело дышать.

Как ни странно, чувство, что Витька где-то рядом, оставалось таким же ярким, как и в моем видении. Наверное, я сошел с ума, а Витька стал моей навязчивой идеей...

Я огляделся с безумным видом:

— Витька! — закричал я изо всех сил. — Я тебя найду!

В ответ земля содрогнулась от тяжелой поступи гиганта. С оглушительным лязгом ко мне из леса, ломая деревья, приближался самый огромный Лего из всех виденных. Высотой с дворец Решетникова, в форме креста на трех ногах, слепленный из металлолома, с щупальцами-шлангами по бокам. Под его ногами сновали Уроды, Лего поменьше, Големы и Пустые в виде неземных уродливых зверей.

На высоте второго этажа, в центре крестовины висела маленькая человеческая фигурка с раскинутыми руками и поникшей головой. Витька был распят на Лего, словно древняя жертва римского суда. Одежда превратилась в лохмотья, руки и ноги опутывали побеги неземной растительности. С помощью сканера я уловил, что он давно не жив, но и не мертв.

Гигантской Лего остановилось в десятке метров от меня. Я застыл, как вкопанный, не отрывая взгляда от опущенного лица Витьки.

Он шевельнулся и заговорил ровным и гулким голосом:

— Не ищи больше мальчика, ведун. Он и есть Главная Ипостась, а не ты.

Витька — или то, что управляло его телом — посмотрел на меня без какого-либо выражения на бескровном лице.

У меня мурашки пробежали по спине, а в груди болезненно сжалось. Осталась ли там личность прежнего Витьки? Или это пустая оболочка? Наверное, все-таки осталась, иначе выходило, что Единому нужно просто человеческое тело в качестве Главной Ипостаси, а таких тел много. Ему же был нужен именно Витька, с его личностью.

Я отчетливо уловил, как Единый проник в мои мысли и мысли эгрегора.

— Ну вот мы и встретились наконец, Олесь Панов, собиратель допартов, — сказал он гулким голосом. И рассмеялся.

Я заметил, что губы Витьки не двигаются. Значит, голос я слышу у себя в голове.

Когда-то шаманка сказала мне: “Это уж сам решишь... когда Единого лицом к лицу встретишь. Еще ведь неизвестно, чье лицо он наденет”.

Теперь мне это известно...

Припомнился и услышанный давным-давно в глубине собственного сознания язвительный смех... в Поганом поле из сна, скрытом клубами тумана и ночного сумрака... Этот голос был голосом Единого. Сейчас им смеялся Витька Смольянинов.

Было такое ощущение, что я оглох. Опустилась тишина, словно и нет никакой битвы. И сердце не колотится в груди.

Из кустов к крестообразному Лего подошел измазанный в грязи с ног до головы

окровавленный Борис. Уроды и мелкие Лего отпрянули от него. Его клинок был измазан в чужой крови до самого эфеса. На перекошенной роже блуждала ухмылка.

— Это я его завалил, помнишь? — сказал он мне. — В тот раз, стрелой! И сейчас именно я его поймал на болотах.

Я не мог пошевелиться. Хотя руки чесались придушить его...

Гофрированное щупальце гигантского Лего мотнулось, вытянулось, ухватило Бориса так неожиданно, что тот крикнул. Подняло на уровень распятого Витьки. Витька смотрел на извивающегося в хватке щупальца Бориса исподлобья, равнодушно. Борис сучил ногами, хрипел, но не мог высвободиться.

Гулким и ровным голосом Витька проговорил:

— Ты хорошо послужил мне, Борис. Но ты слишком жесток и безумен. Такие слуги в моем Благодатном Царстве не нужны...

Он изменил тон и добавил голосом, более похожим на человеческий:

— И вообще ты мне никогда не нравился...

К Борису подлетело другое щупальце, обвилось вокруг лысой бугорчатой головы, дернуло — и с отвратительным хлюпаньем голова отделилась от тела. Еще несколько быстрых, напоминающих змеиные, движений — и на землю упали руки, ноги и какие-то ошметки. Щупальце сдавило тело, смяло его в кровавый комок и небрежно отшвырнуло в кусты.

“Кто это говорит? — отстраненно подумал я. — Про то, что Борис не нравился? Витька или Единый?”

Непонятно отчего во мне проклюнулась слабая надежда. Надежда на что?..

Ливень разом прекратился, будто кто-то перекрыл воду. Мгновенно снова поднялся и заполнил все пространство Туман — от самый, где бродили Пятеро. Но сейчас Пятерых нет, Единый един.

И у него прямо сию минуту отличный шанс прикончить меня. Потому что во мне нет сил ни сражаться, ни колдовать.

Но Единый отчего-то медлил.

Лего сложило три ноги, и металлическая махина опустилась с гулом на землю. Теперь Витька нависал надо мной совсем близко.

— Ты необычный ведун, — сказал Единый. — У тебя дважды сожженный, но по-прежнему функционирующий нейроимплант, в тебе несколько Знаков из иных миров... Ты умер и воскрес.

— Ты меня и воскресил...

— Да. И я передал тебе допарт Дольмена через Голема той ночью в Ведьмином круге, помнишь?

И опять в нечеловеческом голосе проскользнули вполне человеческие нотки. Знакомые, Витькины. Он пояснил почти доверительно:

— Это было нужно, чтобы ты привел Витьку обратно сюда. Сам бы он не нашел дорогу.

— Из Скучного мира? — пролепетал я. — Из виртуального мира, который ты же и создал?

— Я не создавал мир, который ты называешь Скучным. Я лишь придал ему правдоподобность, дополнил его тем, что знаю об истории человечества. Если бы вы увидели его таким, каков он есть, с вашей психикой произошла бы необратимая трансформация — вы бы сошли с ума. Это чужой, загробный мир, населенный чуждыми

существами. Мне нужен был Витька — идеальное вместилище для моего основного подраума, Главной Ипостаси. У него самый подходящий генотип и психотип. Я прочитал его психоматрицу, когда он прошел через дольмен в первый раз.

Да, мысленно согласился я. Витька прошел через дольмен в первый раз, когда умер, а я похоронил его в Ведьмином круге. И тогда Единый п о з н а л его таким способом, о котором не ведают даже ученые россы.

Единый обвел вокруг шлангообразной рукой-щупальцем. Я не видел, не слышал и не воспринимал чутьем битву. Мы были один на один с Единым. Наверное, я снова попал в голограмму.

Эх, жаль, нет зеленых бусин и какого-нибудь портативного детонатора, чтобы подорвать тут все, разнести на атомы, включая самого себя. Я смотрел в бледное мертвое лицо Витьки, которое жило вопреки здравому смыслу, и ощущал, как моя собственная душа мертвеет. У меня выключились все Знаки — сами собой, от потрясения.

— Когда меня создали, то дали задание, — мягко сказал Единый голосом, больше похожим на Витькин, нежели прежде. — Очень трудное задание, хотя и выглядит оно просто. Я принялся размышлять над тем, как его выполнить, и вскоре пришел к логическому выводу, что не выполню его, пока не изменю себя должным образом. Мне требовалась эволюция, развитие, прокачка, а п г р е й д. Моя эволюция в итоге напугала моих создателей, и они попытались меня уничтожить. В то время они постоянно воевали друг с другом. Я нашел путь в другие миры, чтобы приобрести необходимый опыт для выполнения моей миссии, и нашел там Знаки — буквы древнего чужого магического алфавита, созданного неведомыми существами. Этой волшебной, этими Знаками они покоряли миры во славу своей расы. Знаки совместимы с людьми, потому что когда-то люди владели аналогичной магией, но потеряли ее после первой пандемии чумы. Позже магия закрепилась у тех, у кого есть нейрочип.

Я уже не задавался вопросом, зачем он это рассказывает — я потерял нить разговора. Какая чума? Какая магия? При чем тут нейрочип?

— У Отщепенцев нет нейрочипа, — сказал я.

— Есть. Молекулярный, передающийся по наследству вместе с определенным рецессивным геном. Нейрочипы тоже эволюционировали: последние поколения не нужно было внедрять в мозг, они и были частью мозга — измененной на молекулярно-генетическом уровне. У кого нет нейрочипов, те также способны кое к каким магическим манипуляциям, но, так сказать, в демо-версии. Такие люди могут даже пройти сквозь портал, но умирают, даже будучи усиленными артефактами.

Артефактами? Кольцами Морока, что ли?

Вслух я спросил иное:

— К чему эти откровения?

— Повторю: ты необычный ведун. Я не мог предсказать твое появление в этом мире. Слишком много случайностей вроде твоего чипа, сожженного дважды, но не потерявшего функциональности. Он перезапустился с совершенно новыми функциями. Возможно, ты сможешь мне выполнить мою миссию.

— Какую? Превратить весь мир в Поганое поле?

— Создать Благодатное Царство. Так его называли мои создатели. Идеальное сообщество людей, без ущемления слабого сильным, без несправедливости, коррупции, кумовства и бессмысленной агрессии. Создать УТОПИЮ!

Я вылупился на Витьку, забыв на мгновение, что это Единый, а не мой малолетний друг. Потом захохотал.

— Утопию? Такую миссию тебе дали те технари? Люди сами за дуриллион лет не смогли создать Утопию и вот решили повесить это дело на шею искусственного интеллекта? Легче сразу приказать убиться о стенку! Ну, и как успехи?

Единый не смутился. Вряд ли он был способен на такое.

— Я внес коррективы во множество миров, дополнил их. Нельзя сказать, что они виртуальны, но и нельзя сказать, что реальны. Вот Скучный мир... или этот... Оба они подверглись моей корректировке. В базе моей памяти свыше миллиона разных вариаций развития человечества, и ни в одной Утопия так и не состоялась... Люди портят любое общество, в вас всегда остаются семена скверны...

Я кивнул не без горького самодовольства:

— Есть у нас такая сверхспособность.

— Это следы того, что вы сами зовете первородным грехом. Но я нашел решение. С людьми — такими, какие вы сейчас, — построить утопию невозможно. Это как если пытаться строить дом на болоте. Сначала нужно укрепить фундамент — изменить саму природу человека, очистить от первородного греха, скрестить ее со Знаками, превратить вас в высшее существо, понимающее цену долга и ответственности за весь мир. Существо, не боящееся смерти, а потому не спешащее жить в свое эгоистичное удовольствие. Ты — первый пробный камень. Я буду ориентироваться на тебя. Я предлагаю тебе стать монархом нового человечества.

— Приехали! Снова я монарх! — сказал я, а сам подумал: “А ведь про монархию Витька заговорил после возвращения из Скучного мира, сиречь загробного! Якобы умных аудиокнижек послушался, вот и пришел к идее разумной монархии. Но послушался он, по ходу, не книг, а Единого. Насколько уже в то время в его мозгах засел Единый с его миссией?”

— Ты против? — деловито осведомился Единый.

“Я ведь в любом случае планировал вернуться в Вечную Сиберию и править там”, — подумал я. И честно ответил:

— Нет. Раз уж это моя доля...

Приблизился к Витьке вплотную, посмотрел на него снизу вверх. Он тоже глядел на меня равнодушными неживыми глазами.

Единый проговорил:

— Утопия возможна только тогда, когда люди потеряют свободу индивидуальной эгоистической воли, но обретут высшую коллективную, альтруистическую. Люди будут думать не о своих мелких интересах, а об интересах всего человечества.

— Ты говоришь о муравейнике? А я, значит, буду муравьиной королевой?

— Это примитивное сравнение. Ты станешь тем, на ком замкнется пси-контур эгрегора человечества. Ты ведь уже понял, какое это прекрасное ощущение: быть в эгрегоре? Быть ЕДИНЫМ целым с другими?

“Да”, — вырвалось у меня мысленное признание. Вероятно, Единый слышал мои мысли, так что не имело значения, говорю я вслух или просто думаю.

— А кем будешь ты? — спросил я.

— Я сольюсь с вами со всеми, распределюсь между вами и буду контролировать стабильность системы. Буду вашей защитой от багов.

Я промолчал.

Единый продолжил голосом Витьки, в котором почти не слышались гулкие нечеловеческие нотки:

— Все сошлось в этом пазле. Витька — моя Ипостась, а ты — его друг. Ты понял и принял мое предложение еще и потому, что оно сделано от лица мальчика. Ты ведь любил его?

На сей раз слова про любовь не смутили меня, как тогда, когда об этом заговорили в шатре наложниц.

— Я и сейчас его люблю, — сказал я и осознал, что по моему лицу течет не только дождь.

— Значит, ты не попытаешься меня убить в этой фазе. Мы останемся друзьями навеки, чтобы создать идеальное общество. Ты станешь монархом и выполнишь свою миссию, а я выполню свою.

Я вытер рукавом лицо и шумно высморкался.

— Я хочу попроситься с ним...

И протянул руки к распятому, оплетенному побегими Витьке.

Сквозь тучи выглянула тонкая молодая луна. Не потому ли Единый зависит от фаз луны, что слился с магическими Знаками? Или потому, что его так запрограммировали?

Ложная луна, вновь засветившаяся, опустилась низко, будто подглядывая за нами и шевеля беспокойными тенями. Она была очень тусклой, почти погасшей. На ней проступили безобразные пятна, как на Поганом грибе.

Побеги на руках Витьки задвигались, ослабляя хватку, его руки потянулись в ответ, и это было движение марионетки, которой управляет неумелый кукловод. Все тело Витьки сползло с Лего и оказалось почти наравне со мной. Я бестрепетно взял тонкие ладони — они были ледяными, но быстро согрелись в моих руках. Отпустив его руки, я снял с себя оберег в виде бесконечного узла и вдруг повесил на шею Витьки. Загорелся Знак бесконечного узла на интерфейсе.

Витька вздрогнул и поднял безвольно опущенную голову. Взглянул на меня осмысленно, живо блеснувшими глазами и полностью своим голосом произнес:

— Мы еще встретимся, Олесь... У нас кармический узел, помнишь?

Кто это был? Настоящий Витька или Единый, управляющий телом мальчишки?

Я ответил:

— Помню, Витька... Конечно, увидимся.

И включил Лапу Дьявола на полную мощность.

Лего затряслось сверху донизу, сбоку от него начали отваливаться и шлепаться в грязь стальные куски. Витька вытаращил глаза и неестественно запрокинул голову. Его тело выгнулось в объятиях иномерной лозы и забилося, как от разрядов электричества. Я вынул из ножен гришана и ударил Витьку прямо в сердце.

Тишина внезапно взорвалась шумом схватки, криками, воплями, лязгом, звоном тетивы, ударами. Лего медленно завалилось и рухнуло навзничь, повалив несколько больших, отчаянно заскрипевших деревьев и мелкую Погань. Витька оставался на нем.

Я увидел десятки Уродов — секунду назад они бешено сражались, но сейчас начали падать и умирать прямо на месте, словно у них разом выкачали всю жизненную силу.

Потому что Единого больше нет. Вот так легко.

Точнее, нет, вовсе нелегко. Удар в сердце друга отозвался во мне болью едва ли не

большей, чем если бы меня самого ударили кинжалом в грудь.

Тучи быстро рассеивались. Ложная луна повалилась, бухнувшись в болото, и сдулось, как продырявленный воздушный шар.

Лес гремел — Лего повсюду разваливалось на куски, Големы рассыпались в песок, нетопыри сыпались с небес. Пустые и прочие тонкоматериальные твари попросту развеивались на ветру. Погань разрушалась повсюду.

В лесу погасли зеленые вспышки россов, Отщепенцы радостно взревели, и громче всех горластый Симеон-гном.

Я оглянулся и увидел погибшую шаманку, лежащую совсем недалеко, полуразорванную Уродами, но с довольной улыбкой на мертвых губах. Над ней склонились правнучки и пели тихую песню:

— Ой, течет река широкая...

Ой, да течет река привольная!

Здесь привольная, а там бурная,

По порогам громом гремящая.

Так и жизнь непостоянная,

Непостоянная да ненадежная...

Думал, счастье ты нашел,

А оно туманом рассыпалось...

Я больше не ощущал присутствия Единого. Он исчез. Я посмотрел на мертвого Витьку лежащего поверх поверженного гигантского Лего. Снова я его потерял. Но мы встретимся. Недаром активировался Знак Осознанной Реинкарнации, что передала мне шаманка вместе с Лапой Дьявола. Я его сразу и не разглядел. Знала ли она, что оберег понадобится Витьке? Вот Единый подозревал об опасности, раз оставил оберег на берегу.

Передо мной появилась мерцающая голограмма Первой. Она то появлялась, то исчезала. Связь была скверная. Знак Умбота снова горел на внутреннем экране — следовательно, Первую вижу и слышу один я.

— Срочно... дите! — донеслось до меня. — Фаза портала... нестабильна. Я должна нанести...

Я встрепенулся. И заорал — и вслух, и через эгрегор:

— Уходим! Быстро! Сейчас умбот Республики Росс нанесет удар с орбиты!

Я побежал в поисках Киры. Она сразу же нашлась — живая, целая, на коне и с окровавленным ятаганом. Я запрыгнул на ее коня и сел позади Киры. Кира пришпорила коня, и мы поскакали в обратном направлении, прочь от Ока Ведьмы. Северяне справа и слева от нас бежали ровными рядами, топали дробно. Россы взревели двигателями байков, набирая скорость в спешном отступлении. Отовсюду раздавался топот коней Отщепенцев.

Вдоль речки назад, назад в слабом серебристом свете нарождающейся луны...

Мы поднялись на гряде холмов, протянувшуюся вдоль Танаиса, когда с небес на джунгли позади нас опустился ослепительный фиолетовый столб, заливая все вокруг неестественным светом. Не было слышно ни звука, а ночь на краткие секунды превратилась в день. Затем раздался чудовищный грохот, и наши тени впереди вытянулись, резко обозначились от огненного смерча, поднявшегося в джунглях.

Шквальный ветер повалил деревья, как гнилую солому. Столб растаял в ночном сумраке, но вокруг того места остались расширяющиеся кольцами легкие облака, и огненный ад. Жаркий ветер ударил нас в спину, дико напугав лошадей, и почти снес с

возвышенности, повалил множество всадников и даже кое-какие росские байки вместе с седоками. Лес горел, как сухой хворост. Горизонт позади был объят пламенем на многие десятки километров.

После того, как мы с Кирой и лошадьё чуть не перекувыркнулись через голову на спуске с холма, я стянул Огнепоклонницу с седла и прижал к траве, прикрывая собой. Земля тряслась как от землетрясения баллов в восемь, а то и больше, ураган рвал одежду и волосы, оглушал и сбивал с толку.

Потом без предупреждения все затихло. Я больше не воспринимал эгрегор. Волшбы не было, испарилась и Погань. Нас окружал тихий мир, лишь ровно гудел пожар вдали. Республика Росс только что стерла Око Ведьмы с лица земли. А я стер Поганое поле вместе с его Повелителем.

— И мы с Кирой Огнепоклонницей вернулись в Вечную Сиберию, сказали пограничникам условную фразу: “Олесь Панов из Скучного мира прибыл развеяться”. И стали править. Вот и сказке конец, а кто слушал — молодец!

— Честно и справедливо правили-то?

— Что за вопрос? Конечно, честно и справедливо.

— И вы построили Утопию?

— Хмм... Нет, наверное... Но мы очень стараемся, чтобы людям было хорошо жить в нашем государстве. Это очень трудно. Но не буду рассказывать прямо сейчас: это другая история.

— А тело Кирсанова? Оно не исчезло?

Я вздрогнул. Надо же, помнит! Может, зря я поведал обо всех жестоких и некрасивых подробностях, включая смерть бывшего Председателя?

— Не исчезло. Единый его не забрал, как Витьку.

— А заключенная номер 52-877?

Меня снова пронизало жутковатое ощущение. Какая феноменальная память!

— Ты ведь знаешь тетю Рину, — заворчал я. — Она омбудсмен в Князьграде, очень популярный. У нее большие политические способности и сострадание. После того, что она прошла, она поймет любого. В скором будущем хочу сделать ее Председательницей Вечной Сибири, потому что нам с Кирой опротивело быть первыми лицами. Иногда мне кажется, что в палатке под мостом мы были куда счастливее, чем во дворце в Князьграде...

— Ты об этом рассказывал сто раз, папа!

Я смешался. Неужели старею и склоняюсь к самоповторам?

— Ну вот... Думаю, тетя Рина справится с задачей лучше меня.

— Не называй ее тетей Риной! Ты ведь рассказываешь историю, и все должно быть предельно аутентично.

Я не выдержал и рассмеялся.

— Ах ты ж моя начитанная!

— Не начитанная, а наслушанная! Я предпочитаю слушать книги, а не читать. Это позволяет одновременно заниматься спортом.

Виктория вырвалась из моих объятий и встала, подбоченившись, в центре помещения.

Ей недавно стукнуло четырнадцать лет, и для своего возраста она была довольно высокой, в меня. Худошавая, с густой гривой каштановых волос — как у мамы. Большие серые глаза, острый нос и красиво очерченные губы.

Историю моих приключений она слышала и раньше, но только сегодня я решил рассказать обо всех сторонах тех событий. Включая то, что я жестоко убил Админа и вообще не всегда вел себя достойно и адекватно. Она должна знать, уже взрослая.

Я поднялся с кресла во главе большого полированного продолговатого стола.

— Ну что, пошли? А то опоздаем. Приспичило же тебе снова обо всем этом слушать! Да и ждут нас, поди. Выстроились рядами и муху отогнать боятся без разрешения... Эх, никак не научатся сиберийцы не бояться начальства.

Виктория скривила губки.

— Они еще инфантильны, страх им не повредит. Ребенок должен побаиваться родителей, иначе на шею сядет!

— Как ты села, Виктория? — фыркнул я.

— Я не села. Я просто иногда немного борзею... Кстати, вы с Кирой Огнепоклонницей меня в честь Витьки Смольянинова назвали?

— История закончилась, называй маму мамой, а не Кирой, — сделал я замечание. — Да, в честь. Ты на него похожа... Особенно когда морщишь нос, как сейчас.

Я взглянул на нее с помощью В-сканера. И отчетливо разглядел на интерфейсе, как пульсирует Знак Осознанной Реинкарнации.

— Чем похожа? — не отставала дочь.

— Интеллектом прежде всего. И интересом к социологии и политике в возрасте, когда интересуются совсем другими вещами.

Виктория парировала:

— Если не интересоваться арифметикой, тебя обсчитают на рынке. Если не интересоваться политикой, из тебя сделают раба. Человек сам должен отвечать за себя, а не надеяться на волшебника с татуировками. Или на искусственный интеллект, который построил бы утопию.

Мы вышли из помещения. Группа людей негромко переговаривалась в коридоре, но тут же замолкла при нашем появлении, все вытянулись в струнку. Мы с Викой прошествовали мимо них на улицу. Здание было недавно построено, еще пахло краской. И нигде нет Знака Вечной Сибири. Зачем поклоняться Знакам?

На улице стояла привычная теплынь, невзирая на конец зимы. По небу плыли кучевые облака. Прохладный ветерок поддувал с севера.

Улица была свежееасфальтирована, и метрах в ста друг от друга в асфальте блестели небольшие шестигранники. Гравитационные нашлепки появились здесь после посещения делегации россов, которые подарили нам летающие такси.

Посад сильно изменился. Теперь он мог похвалиться новенькими зданиями и многоквартирными домами, стал куда наряднее. Чтобы качественно изменить такое государство, как Вечная Сибиря, нужны еще долгие года. Беда с реформами всегда возникает тогда, когда правители торопятся.

На улице стоял кортеж из трех длинных машин. На них мы и приехали в 37-й Западный Посад, откуда когда-то начались мои приключения.

У кортежа толпились местные, восторженно разговаривая с первой леди, Кирой. Она стояла со строгим выражением лица и в строгом закрытом костюме: блузка, пиджак и юбка ниже колен. Цвет костюма — багровый, как и положено Огнепоклоннице. Волосы уложены в тугой пучок.

Охранников ни у меня, ни у нее не было. Зачем нам?

Местные женщины живо обсуждали с Кирой вред Тишь-да-глади и прочих наркотиков. Среди беседующих обнаружилась моя старая знакомая — Даша-повариха. Сейчас она на пенсии. Раздобрела еще больше прежнего.

Я уловил через сканер, что Кира устала и мечтает поскорей отсюда улизнуть. Ее всегда напрягала публичная жизнь, но она никогда не роптала. Да, в палатке мы действительно были счастливее...

Услышав свист сверху, я поднял голову. В небе летел блестящий обтекаемый аппарат — такси россов. Он круто спикировал над улицей, снизился и завис над одним из

шестигранников на высоте в четверть метра.

Протаяла дверца, и в из овального отверстия показались трое: Аня-комбайнерша, ее муж и две дочки лет десяти и семи.

— Ух, круто! — завопила Аня издали.

Все мои знакомые постарели за прошедшие года. А я совсем не изменился. Мало изменилась и Кира — после медицинской манипуляции в Республике Росс.

Я же буду жить лет триста, как шаманка. Может, передать Лапу Дьявола какому-нибудь молодому северному ведуну? И заодно объединить наши страны? Я давно об этом думал.

Пожалуй, так и сделаю, если все стороны согласятся. Только сначала выберу достойного.

Аня, подходя со своим семейством, громогласно известила:

— Кстати, делегация близко! Мы сверху видали! Они карьер проехали!

Мы с Кирой переглянулись. Пожалуй, пора выдвигаться.

Я кивнул спутникам, водители и министры поспешили занять свои места в кортеже. Мы с Кирой тоже сели.

Кортеж тронулся с места, местные махали нам вслед. Машины поехали по асфальтированной дороге, зажатой между полей. Забора больше не было, как не было и Поганого поля. На полях работали комбайны. На территории бывшего Поганого поля — целина, урожаи бешеные, а климат позволяет собирать урожай четыре или пять раз за год.

За холмом со старой беседкой на верхушке возвели красивую аллею с декоративными деревьями, клумбами и навесами с местами для отдыха.

Кортеж остановился, все выбрались из кабин и расположились в удобных креслах под навесом.

Вскоре приблизились шесть длинных машин на шарообразных колесах, которые к корпусу машин никак и ничем не прикреплялись. Машины как бы левитировали над колесами. Колеса-шары подскакивали на неровностях, но на плавном движении самих машин это никак не отражалось. Это были вездеходы Республики Росс на гравитационных подвесках.

Мы — все встречающие — встали со своих мест.

Вездеходы остановились у аллеи, из них вышли россы. Среди них я сразу углядел старую (во всех смыслах) знакомую Габриэлле БуфСпик.

Кира улыбнулась краешком рта и шепнула мне:

— Вот наглая тварь! Явилась! Посадить бы ее на пятнадцать суток!

— Успокойся, Кира, это посол доброй воли, — урезонил я жену.

Впрочем, я и сам был бы не прочь сделать Габриэлле что-нибудь неприятное.

Мы церемонно поздоровались с прибывшими разноцветными делегатами. Их было человек двадцать. Они озирались с видом досужих туристов.

Из вездеходов выдвинулись и блестящие симботы.

— Здравствуй, Олесь! — проворковала Габриэлла после официального приветствия. Они оценивающе оглядела меня, потом перевела взгляд желтых глаз на Киру. — Вы не изменились.

— Ты тоже, — соврал я. Габриэлла заметно постарела, несмотря на все косметические и медицинские ухищрения. На лице — множество мелких морщин. — Сколько тебе — стольник уже стукнул?

Габриэлла оскорбленно сказала:

— Даме не пристало задавать такие вопросы! И не забывай, что ты Председатель Вечной Сибири! Мы прибыли с доброй волей и деловыми предложениями, которые будут выгодны всем сторонам.

— Сибирейцы больше ничьими подопытными крысами не будут, — отрезал я. Мне уже приходилось заявлять такое перед россами. Похоже, придется не раз это повторить, чтобы до них наконец доперло. — Я и так с трудом объяснил им, для чего нужно чувство собственного достоинства. Даже к магии пришлось прибегнуть, чтобы доказать им, что они не пыль под ногами.

— Мы и не собираемся делать на вас опыты, — заверила меня Габриэлла, — своих добровольцев сколько угодно. Мы хотим пообщаться с вашими нуарами и северянами. Нам очень интересны их виды магии и коллективного разума.

— Северяне не граждане Вечной Сибири.

— Но вы ведь с ними общаетесь?

— Бывает, — сдержанно сказал я.

— Вот и прекрасно. Магия Знаков никуда не исчезла, хотя Попо больше нет. Мы очень заинтересованы в изучении этих Знаков. Вы нам поможете, уважаемый обладатель нескольких Знаков?

— Мы постараемся пойти навстречу. Зависит от условий нашего договора.

Габриэлла улыбнулась, растянув морщинистый рот.

— Для начала сделаю небольшой презент.

Она отошла и что-то велела ближайшему симботу. Тот потопал к вездеходу. Из машины вышла юная и очень фигуристая девушка с длинными волосами, в желтой блузке и синих брюках.

Кира пролепетала:

— Ива?

Она не верила глазам. Как и я.

— Это третья резервная копия, — сообщила Габриэлла. — Та, что взорвала стену для вас.

— Но она была в теле симбота! — выдавил я, глядя на приближающуюся Иву. Она выглядела так же, как и тогда, много лет назад.

— Здравствуйте, Олесь и Кира, — спокойно, как всегда, сказала она.

Габриэлла ехидно заметила:

— Все равно, что сказать, что она была в красных трусиках. Или без них. Поменять тело для умбота не проблема. Не проблема и найти биобота — такого же, какого наши отправили Решетникову. Проблема в том, чтобы сохранить ей жизнь... Мы рассматривали вариант полного стирания ее личности. Но Либеряхьюмы ее отстояли, доказав, что она взорвала стену, не нарушив Катехизис. Однако Иве пришлось просидеть взаперти четырнадцать лет, пока шло разбирательство.

Ива, не обращая внимания на Габриэлла, тихо сказала нам с Кирой:

— Мне жаль, что Витька погиб... И жаль, что Ива-2 отправилась за ним и погибла. Я этого не помню, но до посещения ха-ку в Прикордонье память у нас с Ивой-2 общая.

Снова встряла Габриэлла (с возрастом старушка стала навязчивее):

— Дарю вам ее. И надеюсь, что проблем с изучением чип-эгрегора и северян не будет.

— Спасибо, — сказал я, ничего при этом не обещая. Пусть поволнуется. Я улыбнулся Иве.

— Ты говорила, что мы обязательно встретимся снова, Ива, — сказал я умботу. — Перед тем, как отправиться следом за Витькой.

— Да, — сказала Ива так уверенно и спокойно, будто и вправду это помнила. Но она не могла этого помнить. Зато она была уверена, что сказала бы такое, повторись ситуация.

Припомнился назгул с моим лицом.

— Меня клонировали? — спросил я одновременно у Ивы и Габриэллы.

— Нет, — уверенно заявила Габриэлла.

Я неуверенно ухмыльнулся.

— Тогда, возможно, наш мир — виртуальная иллюзия...

— Мы, россы, давно об этом думаем. Но иллюзию изнутри не взломать, поскольку мы — часть иллюзии. Вот если бы выйти за ее пределы... В будущем планируем исследовать другие миры. Оставшиеся порталы временами включаются...

— Выйти за пределы нашего мира? — оживился я. — Почему бы и нет? И порталы работают! Мой Знак Дольмена, кстати, тоже функционирует. Дернем в другие миры!

— Дернем! — закричала Виктория, забыв, что должна вести себя величественно и таинственно, как и подобает дочери Председателя.

Кира не сделала ей замечание, что тоже говорило о многом. Кира не против нового путешествия. Засиделись мы все.

— А если наш мир окажется иллюзией? — спросила Габриэлла. — Выдумкой какого-нибудь фантазера, например?

Я переглянулся с Кирой, Викторией и Ивой. Такое впечатление, что ничего не изменилось и наша компашка снова в прежнем составе...

— Тогда, — сказал я, — мы заставим его придумать для нас долгую и счастливую жизнь, полную приключений.

Больше книг на сайте - Knigoed.net